

Annotation

«Полёт орла» — сборник текстов бесед 1969 года, проведённых Дж. Кришнамурти в Лондоне, Амстердаме, Париже и Сааннене (Швейцария).

Джидду Кришнамурти. Полёт орла

Джидду Кришнамурти
Полёт орла

Для большинства из нас свобода — это идея, а не реальность. Говоря о свободе, нам хочется прежде всего внешней свободы — делать, что нам нравится, путешествовать, свободно выражать своё мнение, думать, что хотим. Внешнее проявление свободы представляется необычайно важным, особенно для стран, где правят тирания и диктатура; а в тех странах, где внешняя свобода возможна, человек стремится ко всё большему и большему удовольствию, ко всё большим и большим приобретениям.

Если мы хотим глубоко исследовать, что такое свобода, если мы хотим быть полностью и абсолютно свободными внутренне, — что затем найдёт своё выражение и в обществе, во взаимоотношениях, — тогда, мне кажется, нам следует задаться вопросом: «Может ли вообще человеческий ум, который столь сильно обусловлен, быть свободным? Не обречён ли он жить и действовать в пределах собственной обусловленности — так что свобода оказывается вовсе невозможной?» Человек обнаруживает, что ум, который пришёл к чисто словесному убеждению, будто здесь на земле нет никакой свободы, ни внутренней, ни внешней, начинает придумывать свободу в ином мире, будущее освобождение, небеса и прочее.

Отложите в сторону все теоретические, все идеологические концепции свободы, чтобы мы могли исследовать, могут ли вообще наши умы, ваши и мой, быть действительно свободными — свободными от зависимости, от страха, от беспокойства, свободными от бесчисленных проблем, как осознаваемых, так и лежащих в глубоких слоях подсознания. Может ли вообще существовать полная психологическая свобода, а значит и возможность встречи ума с тем, что не принадлежит времени и не сконструировано мыслью, но что, однако, не является бегством от подлинных реалий повседневного существования?

Пока внутренне — психологически — ум человека не будет абсолютно свободен, невозможно увидеть то, что истинно; увидеть, существует ли реальность, которая не придумана страхом и не сформирована обществом и культурой, которая не является бегством от монотонных будней, с их скукой, одиночеством, отчаянием, тревогой. Чтобы выяснить, существует ли такая свобода, необходимо осознавать свою собственную обусловленность, проблемы, монотонную поверхностность, пустоту и неудовлетворительность своей повседневной жизни и прежде всего осознавать свой страх. Человек должен осознавать себя — не интроспективно, не аналитически, но действительно осознавать себя, какой он есть, и видеть, есть ли вообще возможность полной свободы от всего, что засоряет и обременяет ум.

Для нашего с вами исследования такая свобода абсолютно необходима — и не в конце, а с самого начала. Несвободный человек не способен исследовать и познавать. Глубокое видение предполагает не только свободу, но и необходимую для наблюдения дисциплину. Свобода и дисциплина идут рука об руку — дело обстоит не так, будто человек должен быть дисциплинирован, чтобы быть свободным. Мы используем слово «дисциплина» не в общепринятом, традиционном смысле, низводящем её до приспособления и подражания, подавления и следования шаблону, но скорее в его первоначальном значении, означающем просто «учиться». Познание и свобода идут рука об руку — свобода рождает свою собственную дисциплину, не дисциплину, навязанную умом для достижения определённого результата. Эти два фактора очень важны — свобода и акт познания. Человек не может познать самого себя,

если он не свободен, свободен так, что он способен наблюдать не в соответствии с каким-либо шаблоном, формулой, концепцией, но действительно наблюдать себя таким, какой он и есть. Такое наблюдение, такое восприятие, такое видение порождает свою собственную дисциплину и учение: и в них нет никакого подчинения, подражания, подавления или контроля. И в этом — необыкновенная красота.

Наши умы обусловлены, это очевидный факт; они обусловлены определённой культурой и обществом, влиянием разнообразных впечатлений, напряжениями и стрессами взаимоотношений, экономическими, климатическими факторами, уровнем образования, религиозной принадлежностью и прочим. Наши умы натренированы или принимать страх, или убегать от него, если это возможно; они никогда не оказываются способными полностью, тотально разрушить всю природу и структуру страха. Вот почему наш первый вопрос такой: «Может ли столь сильно отягощённый ум полностью решить не только проблему своей обусловленности, но и избавиться от своих страхов, если он обуславливается именно благодаря страху?»

Не ограничивайтесь одним лишь слушанием множества слов и идей, в этом в действительности вообще нет никакого смысла; но просто через акт слушания, через наблюдение за состоянием собственного ума как на уровне слов, так и на несловесном уровне выясняйте, может ли ум вообще быть свободным — не принимая страха, не убегая от него, не говоря: «Я должен развить в себе мужество, способность к сопротивлению», но действительно полностью осознавая тот страх, которым он пойман. До тех пор, пока человек не свободен от этого качества страха, он не может видеть ясно, глубоко; и очевидно, что когда есть страх, любви нет.

Итак, может ли ум действительно быть свободным от страха? Мне кажется, что для всякого сколько-нибудь серьёзного человек этот вопрос является одним из самых важных, существенных вопросов, которые должны быть заданы и разрешены. Существуют страхи физические и страхи психологические. И физические страхи боли, и психологические страхи в виде памяти о боли в прошлом и мысли о повторении этой боли в будущем; также страхи старости и смерти, страхи, связанные с физической незащищённостью и с неуверенностью в завтрашнем дне, с неспособностью добиться большого успеха и признания, с неспособностью достичь чего-либо, стать кем-то в этом довольно-таки безобразном и суровом мире; страхи перед жизненным крушением или разорением, страхи перед одиночеством, неспособностью любить или быть любимым и прочее; как сознательные страхи, так и бессознательные страхи. Может ли ум быть совершенно свободным от всего этого? Если ум говорит, что он не способен на это, значит он сам сделал себя неспособным, он внёс в себя искажение и теперь не способен на восприятие, понимание; он не способен быть совершенно безмолвным, тихим; он подобен уму, который, находясь во тьме, ищет свет и никогда не находит его, а потому придумывает «свет», заключающийся в словах, в концепциях, в теориях.

Как же уму, столь отягощённому страхом и своей обусловленностью, освободиться от всего этого? Или мы должны принять страх как неотъемлемую часть жизни? — и большинство из нас принимает его, примиряется с ним. Что же нам делать? Как мне, человеку, или вам как человеку, избавиться от этого страха? — и не от конкретного страха, но от страха в целом, от всей сущности и структуры страха?

Что такое страх? (Я предлагаю не принимать на веру то, что говорит сейчас ведущий беседу. У него нет никакой власти, авторитета, и он не учитель, не гуру; ведь если бы он был таковым, вы стали бы его последователями — но тот, кто является последователем, губит и себя, и своего учителя.) Мы пытаемся понять суть этого вопроса настолько полно, чтобы ум уже никогда более не поддавался страху, а значит внутренне, психологически, был бы свободным от

любой зависимости от кого-либо другого. Красота свободы в том, что вы не оставляете за собой следа. Орёл в своём полёте не оставляет следа; учёный же след оставляет. Исследование этого вопроса о свободе требует не только научного наблюдения, но и полёта орла, не оставляющего никакого следа. Требуется и то и другое — и словесное объяснение и несловесное восприятие, так как описание всегда отличается от описываемой реальности; несомненно, объяснение всегда будет отличаться от предмета объяснения; слово никогда не совпадает с реальностью.

Если всё это ясно, мы можем двигаться дальше, чтобы самостоятельно, а не через ведущего беседу, его слова, его идеи или мысли выяснить возможность абсолютной свободы ума от страха.

Всё вышесказанное — не вступление. Если вы не услышали и не поняли сказанного, вы не сможете идти дальше.

Для исследования необходима свобода взгляда, наблюдения; необходима свобода от предубеждения, умозаключений, концепций, идеалов, предрассудков — так, чтобы вы действительно смогли сами увидеть, что такое страх. *Когда вы наблюдаете очень внимательно, вблизи, интимно, есть ли тогда вообще, страх?* Иначе говоря, вы можете очень, очень внимательно, очень близко наблюдать, что такое страх, в том и только том случае, если «наблюдающий» является «наблюдаемым». Мы собираемся вникнуть в это. Так что такое страх? Как страх появляется? Такие явные физические страхи, как страх перед физической опасностью, на которые имеется немедленная, непосредственная реакция, понять очень легко; нет нужды погружаться в это слишком глубоко. Нас интересуют психологические страхи: как возникают они? Каково их происхождение? — вот в чём вопрос. Существует страх перед чем-то, что произошло вчера; страх перед чем-то, что может ещё произойти сегодня или завтра. Существует и страх перед тем, что мы узнали, и страх перед неизвестным, которым является завтрашний день. Очевидно, что все эти страхи рождаются через структуру мысли, через размышление о вчерашнем или о будущем. Вы согласны? Разве не мысль порождает страх? Прошу вас, давайте достигнем в этом полной уверенности; не принимайте того, что говорится; достигайте собственной абсолютной ясности и уверенности относительно того, является ли мысль источником страха. Размышление о боли, психологически, — о боли, которую человек пережил некоторое время назад и повторения которой не хочет, возвращения которой не желает, — размышление обо всём этом порождает страх. Можем ли мы отсюда двигаться дальше? Пока мы не видим этого достаточно ясно, продвижение невозможно. Мысль, размышление о несчастном случае, о пережитом опыте, о состоянии, в котором были беспокойство или опасность, печаль или боль, всегда порождает в нас страх. И мысль, устанавливая определённый уровень психологической безопасности, не хочет, чтобы эта безопасность была поколеблена; поскольку любые беспокойства угрожают этому, реакцией на них будет страх.

Мысль ответственна за страх; и так же мысль ответственна и за удовольствие. Бывали мгновения счастья — и мысль размышляет о них, хочет их увековечить; поскольку это невозможно, возникает сопротивление, гнев, отчаяние и страх. Получается, что мысль ответственна как за страх, так и за удовольствие. Верно? Это не словесное умозаключение, не рецепт бегства от страха. Так что там, где есть удовольствие, есть и боль, и страх, увековеченные мыслью. Удовольствие и боль идут вместе, они неразделимы, — и мысль ответственна за обоих. Если бы не существовало завтрашнего дня, следующего мгновения, о котором мы могли бы думать в категориях страха или удовольствия, не существовало бы и самих этих страха и удовольствия. Можем ли мы двигаться дальше? Является ли это для вас действительностью, фактом? — не как какая-либо идея, но как то, что вы сами открыли и что поэтому реально, так что вы можете сказать: «Я выяснил, что мысль порождает и то и это, и удовольствие и страх». Вы испытали сексуальное удовлетворение, наслаждение; и позднее вы начинаете размышлять об

этом, используя своё воображение, образное мышление — и само размышление об этом усиливает то наслаждение, которое теперь целиком находится в образах мысли, и если наслаждение не реанимируется, возникает страдание, беспокойство, страх, ревность, раздражительность, гнев, жестокость, зверство. И мы не говорим, что у вас не должно быть удовольствия. Блаженство — не удовольствие; экстаз — не порождение мысли, а совершенно иное. Блаженство и экстаз приходят только тогда, когда есть понимание природы мысли, порождающей как удовольствие, так и страх.

Итак, возникает вопрос — может ли мысль быть остановлена? Раз мысль порождает и страх и удовольствие — так как там, где есть удовольствие, должна быть и боль, что вполне очевидно, — то мы спрашиваем себя: может ли мышление остановиться? — но при этом остановка мышления не означает, что мы перестаём воспринимать красоту и наслаждаться ею. Всё это похоже вот на что: вы видите красоту облака или дерева и полностью, до конца, абсолютно наслаждаетесь ею; но когда мысль стремится пережить то же самое и на следующий день, то же восхищение, которое переживалось вчера при виде этого облака, или этого дерева, этого цветка, этого лица прекрасного человека, тогда она распахивает дверь перед разочарованием и болью, перед страхом и удовольствием.

Так может ли мысль прийти к своему завершению? Или это вообще неправильный вопрос? Вопрос этот неправилен, потому что мы хотим пережить экстаз, блаженство, а не удовольствие. Прекращением мышления мы надеемся встретить нечто огромное, что не будет просто продуктом удовольствия и страха. Какое же место занимает мышление в жизни? — нет: как может прекратиться мышление? Каково отношение мысли к действию и к бездействию? Каково отношение мысли к действию, если последнее необходимо? Почему в момент полного наслаждения красотой мысль всё же возникает? Ведь не возникни она в тот момент, не произошло бы и переноса её в завтрашний день. Я хочу выяснить, почему в момент полного восторга величием гор, красивым лицом и водной гладью, почему во всё это должна вторгаться мысль — почему она должна искажать всё это и заявлять: «Мне необходимо снова иметь это удовольствие завтра»? Я должен выяснить, какое место занимает мысль в самом действии, выяснить, должна ли мысль вмешиваться и тогда, когда в этом нет необходимости. Я вижу красивое дерево, без единого листа, на фоне неба; дерево необыкновенно прекрасно — это всё, этого вполне достаточно. Зачем должна вторгаться мысль и заявлять: «Мне необходимо то же самое наслаждение иметь завтра»? Я вижу, что мысль должна присутствовать в действии. Умение действовать — это и умение мыслить. Так каково же правильное отношение мысли и действия? Сейчас наши действия основаны на концепциях, на идеях. Если у меня есть идея или теория того, что должно быть сделано, то всё, что я делаю, есть приближение к этой теории, к этому идеалу. Так что существует разделение между действием и теорией, действием и идеалом, действием и тем, что «должно быть». В этом разделении есть конфликт. Любое разделение, психологическое разделение, неизбежно должно породить конфликт. И потому я спрашиваю себя: «Какова взаимосвязь мысли и действия?» Если существует разделение на действие и идею, тогда действие ущербно. Существует ли действие, в котором мысль видит что-то мгновенно и тут же действует, так, что нет идеи или идеологии, на основе которых надо ещё отдельно действовать? Существует ли действие, в котором именно видение и есть действие? — в котором само мышление и есть действие? Я вижу, что мысль рождает страх и удовольствие. Я вижу, что там, где есть удовольствие, есть и боль, — а значит имеется и сопротивление этой боли. Я вижу это очень ясно; и видение этого есть незамедлительное действие; в видение этого очевидным образом вовлечена мысль, логика, мышление; однако, видение этого мгновенно, действие мгновенно, — следовательно, есть свобода от него.

Мы понимаем друг друга? Не спешите, всё это не так просто. Пожалуйста, не говорите так

легко «да». Если вы говорите «да», это предполагает, что вы уйдёте из этого зала свободными от страха. Ваше «да» — это лишь утверждение, что вы поняли словесно, интеллектуально, — но это вообще ничего не значит. Мы с вами исследуем здесь этим утром проблему страха, и когда вы уйдёте, вы должны быть полностью свободными от него. Это означает, что вы — свободный человек, другой человек, полностью трансформированный, — и не в будущем, а в настоящем; вы ясно видите, что мысль порождает и страх и удовольствие; и вы видите также, что все наши ценности основаны на страхах и удовольствиях: моральных, этических, социальных, религиозных, духовных. Если вы воспринимаете истину этого — а для этого вы должны быть необыкновенно бдительными и логичными и здравыми в наблюдении каждого движения мысли, — само это восприятие является тогда полным, целостным действием, и поэтому когда вы уйдёте, вы будете уже вполне свободными от всего этого; а в противном случае вы будете спрашивать: «Как мне освободиться от страха — завтра?»

Мысль должна участвовать в действии. Вам не обойтись без неё, если вы хотите доехать до своего дома. Вы должны подумать, чтобы сесть на нужный автобус, или поезд, чтобы добраться до работы, мысль тогда действует эффективно, объективно, безличностно, неэмоционально; такое мышление жизненно необходимо. Но вот когда мысль, используя память, тащит за собой накопленный жизненный опыт в будущее, действие является ущербным, так что в нём обязательно присутствует сопротивление — и всё, что с этим сопротивлением связано.

Теперь мы можем перейти к следующему вопросу. Сформулируем его так: «Каково происхождение мысли — и кто является мыслящим?» Очевидно, что мысль — ответ знания и жизненного опыта, хранящихся в памяти и являющихся той основой, в которой рождается ответ мысли на любой вызов, — если вас спрашивают, где вы живёте, следует немедленный ответ. Память, жизненный опыт, знания являются тем базисом, из которого возникает мысль. Поэтому мысль никогда не бывает новой; мысль — всегда стара; мысль никогда не может быть свободной, поскольку она связана с прошлым — а значит ей не под силу увидеть что-либо новое. Когда ясно понимаешь всё это, ум замолкает. Жизнь — это движение, непрерывное движение во взаимоотношениях; а мысль, пытаясь захватить это движение в терминах прошлого, в форме памяти, боится жизни.

Когда видишь всё это, когда видишь, что свобода необходима для исследования, а исследование в свою очередь предполагает дисциплину познания, а не подавление или подражание, — когда видишь, как и общество и прошлое обуславливают ум, когда видишь, что любая мысль, рождённая мозгом, стара и поэтому не способна понять ничего нового, — тогда ум становится абсолютно безмолвным без всякого контроля и насилия. Не существует никакой системы или метода, будь то японский дзен или индийская йога, которые могли бы сделать ум безмолвным. Попытка стать безмолвным через самодисциплину — одна из глупейших идей ума. Поэтому когда видишь всё это — действительно видишь как реальность, не как нечто теоретическое, — имеет место действие, идущее из этого восприятия; и само это восприятие является действием освобождения от страха. Таким образом, в случае появления любого страха происходит немедленное его восприятие и прекращение.

Что такое любовь? Для большинства из нас это удовольствие, а значит и страх. Мы называем любовью именно это. Но что такое любовь, когда имеется понимание страха и удовольствия? И «кто» собирается отвечать на этот вопрос? — ведущий беседу, священник, книга? Имеется ли какая то внешняя инстанция, которая будет нам указывать, что мы всё делаем замечательно, что можем продолжать в том же духе? Или дело обстоит так, что исследовав, пронаблюдав, рассмотрев, не аналитически, всю структуру и природу удовольствия, страха, боли, мы обнаружили, что «наблюдающий», «мыслящий» есть часть мысли. *Если отсутствует мышление, нет и «мыслящего», они — неразделимы; «мыслящий» является мыслью. В*

наблюдении этого заложена красота и утончённость. И где сейчас тот ум, который начал исследование проблемы страха? Понимаете? Каково состояние ума теперь, когда он прошёл через всё это? Такое же, каким было до вхождения в это состояние? Ум увидел всё так близко — увидел природу того, что называют мыслью, страхом и удовольствием; ум увидел всё это — так каково теперь его фактическое состояние? Очевидно, что никто, кроме вас самих, не может ответить на это; если вы действительно вошли в это, вы видите полную трансформацию ума.

Участник беседы: [Невнятно.]

Кришнамурти: Нет ничего легче, чем задать вопрос. Вероятно, некоторые из нас думали, о чём бы спросить, — в то время, когда ведущий беседу вёл исследование. Мы больше озабочены нашим вопросом, чем слушанием. Человек должен задавать собственные вопросы, — не только здесь, но и везде. Задать *правильный* вопрос намного важнее, чем услышать ответ. Решение проблемы лежит в понимании самой проблемы; ответ — не вне проблемы, ответ — в самой сути проблемы. Невозможно ясно увидеть проблему, будучи озабоченным ответом, её решением. Большинство из нас спешат разрешить проблему, даже не рассматривая её, поскольку для подобного рассмотрения требуется энергия, накал, страстность, а не лень и вялость, как у большинства из нас, ожидающих, чтобы кто-то другой сделал это за нас. Нет никого, кто сможет решить хоть какую-нибудь из наших проблем — политических, религиозных или психологических. Требуется огромное количество жизненной силы, страсти, накала, чтобы посмотреть на проблему и пронаблюдать её, и тогда, — по мере того, как вы наблюдаете, — ответ станет совершенно ясным.

Это вовсе не означает, что вы не должны задавать вопросов; напротив, вы должны задавать вопросы; вам следует подвергать сомнению всё, сказанное кем-то, включая и ведущего беседу.

Участник беседы: Есть ли опасность интроспекции при рассмотрении личных проблем?

Кришнамурти: Почему в этом не должно быть опасности? Переходить улицу тоже опасно. Не хотите ли вы сказать, что мы не должны вести наблюдение из-за того, что в этом кроется некая опасность? Я помню, однажды, если позволите рассказать вам эту историю, к нам пришёл очень богатый человек и сказал: «Я человек очень, очень серьёзный, и меня интересует то, о чём вы говорите, и я хочу понять в себе то-то и то-то, — вы знаете всю ту чепуха, о которой говорят люди». Я ответил: «Хорошо, сэр, давайте вникнем в это», и состоялась беседа. Это повторялось несколько раз, а через две недели он пришёл ко мне и сказал: «У меня начались ужасные, пугающие сновидения. Мне кажется, что всё вокруг меня как бы исчезает, происходят невероятные вещи. Может быть, — продолжал он, — это результат исследования себя, я вижу, это опасное занятие». После чего он ушёл и больше никогда не появлялся.

Мы все хотим безопасности — мы все хотим надёжности в нашем мелком и маленьком мире, в мире «организованного порядка», который есть беспорядок, в мире наших частных взаимоотношений, где мы не желаем никаких изменений и никаких потрясений, взаимоотношений жены и мужа, в которых они крепко держатся друг за друга, в которых присутствуют страдание, недоверие, страх, угроза, ревность, раздражение, господство.

Существует способ наблюдения себя, в котором нет страха, нет опасности; это смотреть без самоосуждения, без самооправдания, без интерпретации или оценки — просто смотреть. Чтобы ум мог смотреть таким образом, он должен стремиться узнать через своё наблюдение, что есть в действительности. Какая опасность таится в «том, что есть»? Люди склонны к насилию; это и есть на самом деле «то, что есть»; и опасность, которую они несут в этот мир, — результат насилия, следствие страха. В чём опасность наблюдения страха и попыток полностью его искоренить? — в том, что мы сможем создать новое общество, иные ценности? Есть вечная красота в наблюдении, в видении вещей такими, какие они есть, психологически, изнутри; это вовсе не означает, что человек должен принимать вещи такими, какие они есть; это не значит,

что человек отвергает «то, что есть» или хочет что-то сделать с ним; именно само восприятие «того, что есть» и приносит свою собственную перемену. Но человек должен владеть искусством такого наблюдения, и искусство «видения» не имеет ничего общего с приёмами интроспекции или психоанализа — это наблюдение без выбора.

Участник беседы: Разве не существует спонтанного страха?

Кришнамурти: Назовёте ли вы это страхом? Когда вы знаете, что огонь обжигает, когда вы видите обрыв, страх ли отбрасывает вас от опасности? Когда вы видите дикое животное, змею, и отходите — это страх? — или это разум? Такой разум может быть результатом обуславливания, воспитания, ведь вас научили бояться обрыва, и если бы вы этого не сделали, вы могли бы упасть и разбиться. Ваш разум советует вам быть осторожным; сродни ли такой разум страху? Но является ли разумом то, что разделяет нас на нации, на религиозные группы, что проводит границы между вами и мной, нами и другими? Разве это делает разум? То, что участвует в таком делении, порождает опасность, разделяет людей, приносит войну — это действует разум или это страх? Здесь это страх, не разум. Другими словами, мы разбили себя на фрагменты; одна наша часть действует, когда необходимо, разумно, как в случае с пропастью или мчащегося на нас автобуса; но мы недостаточно разумны, чтобы увидеть опасности национализма, увидеть опасности разделения между людьми. Так что одна наша часть — весьма маленькая наша часть — разумна, всё же остальное — нет. Но где есть фрагментация, должен быть и конфликт, должно быть страдание, потому что суть любого конфликта — наше внутреннее разделение, наша противоречивость. Эта противоречивость не может быть интегрирована. Идея, что мы должны интегрировать самих себя, — это одна из наших характерных причуд. Не знаю, что это на самом деле означает. Кто это, собирающийся объединить две разделённости, противоположности, сущности? Не является ли сам «объединяющий» частью этого разделения? Но когда человек видит всё это в целом, когда у него имеется восприятие этого, без какого бы то ни было выбора, — разделения нет.

Участник беседы: Имеется ли различие между правильной мыслью и правильным действием?

Кришнамурти: Когда вы используете это слово «правильный» в промежутке между мыслью и действием, это «правильное» действие является «неправильным» — не так ли? Когда вы используете слово «правильный», у вас уже есть *идея* о том, что является «правильным». Когда вы имеете идею «правильного», это уже «неправильно», поскольку ваше «правильное» основано на ваших предрассудках, на вашей обусловленности, на вашем страхе, на вашей культуре, на вашем обществе, на ваших личных особенностях характера, опасениях, религиозных ограничениях и прочем. У нас есть норма, шаблон, сам по себе ложный, аморальный. Общественная мораль аморальна. Согласны с этим? Если согласны, значит вы отвергли общественную мораль, подразумевающую жадность, зависть и честолюбие, национальную принадлежность, служение своему классу и всё прочее в том же роде. Но искренне ли ваше отрицание? Общественная мораль аморальна — вы действительно так считаете? — или это всего лишь слова? Сэр, быть действительно моральным, добродетельным, — одно из самого необычайного в жизни, и такая мораль не имеет ничего общего с общественной моралью и внешним поведением. Чтобы действительно быть добродетельным, необходимо быть свободным — а вы не свободны, если следуете общественной морали жадности, зависти, соревнования, поклонения успеху, — вы знаете всё то, что преподносится нам в качестве морали церковью и обществом.

Участник беседы: Мы должны просто ждать, когда произойдёт это? — или есть определённая дисциплина, которую мы можем использовать?

Кришнамурти: Нужна ли нам дисциплина для того, чтобы понять, что само наблюдение и

есть действие? Нужна?

Участник беседы: Не расскажете ли вы о спокойном уме — он является результатом дисциплины? Или нет?

Кришнамурти: Сэр, взгляните: вот солдат на учебном плацу, он очень спокоен, спина прямая, ружьё держит совершенно так, как следует; его муштруют, муштруют день за днём, день за днём; какая бы то ни было свобода для него сведена к нулю. Он очень спокоен — но спокойствие ли это? Или когда ребёнок поглощён игрушкой — спокойствие ли это? Отнимите у него игрушку, и вы увидите ребёнка таким, какой он есть. Итак, может ли дисциплина (поймите это, сэр, раз и навсегда, это так просто), может ли дисциплина принести спокойствие? Она может принести скуку, состояние застоя, но может ли она принести то спокойствие, которое, будучи интенсивно действующим, не теряет своей тишины?

Участник беседы: Сэр, каких действий вы хотите от нас, от людей, в этом мире?

Кришнамурти: Довольно просто, сэр: я ничего не хочу. Это во-первых. Во-вторых — живите, живите в этом мире. Он так прекрасен! Это наш мир, наша земля, и нам жить на ней, но мы не живём; мы — ограниченные, отделённые друг от друга, озабоченные, напуганные человеческие существа, и потому мы не живём, у нас нет взаимоотношений, мы — изолированные, впадающие в отчаяние люди. Мы не знаем, что значит жить в таком экстатическом, блаженном смысле. Я говорю, что человек способен жить так только тогда, когда знает, как быть свободным от всех глупостей своей жизни. Единственная возможность быть свободным от них — сознавать свои отношения, и не только к людям, но и к идеям, к природе — ко всему. Именно в отношениях открываешь себя таким, какой ты есть, свой страх, озабоченность, отчаяние, одиночество, полное отсутствие у себя любви. Человек полон теорий, слов, знания о том, что сказано другими, но человек ничего не знает о самом себе и потому не знает, как жить.

Участник беседы: Как вы объясните различные уровни сознания в терминах, связанных с человеческим мозгом? Мозг, по-видимому, — физическое явление, тогда как ум не является физическим явлением. Кроме того, ум, по-видимому, делится на сознательную и бессознательную части. Как нам разобраться во всех этих различных идеях?

Кришнамурти: В чём различие между умом и мозгом; вы об этом спрашиваете, сэр? Действительный физический мозг, который есть результат эволюции, многих тысяч вчерашних дней, со всеми их воспоминаниями, со всем их знанием и опытом, не является ли этот мозг частью всего ума в целом? — ума, в котором имеется и сознательный уровень и подсознательный уровень. Физическое, как и нефизическое, психологическое, — разве всё это не единое целое? Разве не мы поделили это целое на сознательное и бессознательное, «мозг» и «не-мозг»? Не можем ли мы взглянуть на это целое, как на тотальность?

Так ли уж отличается бессознательное от сознательного? Не части ли всё это единого целого, которое мы сами и разделили? Отсюда возникает вопрос: как сознательному уму осознать бессознательное? Может ли реальное, ясное, несомненное, которое является работником, — тем, что работает весь день, — может ли оно наблюдать бессознательное?

Не знаю, есть ли у нас время вникнуть в это. Вы не устали? Прошу вас, господа, не сводите это к развлечению, к тому, чтобы сидеть здесь, в уютной тёплой комнате, и слушать чей-то голос. Мы имеем дело с очень серьёзными вещами, и если вы поработали, как следовало поработать, вы не могли не устать. Мозг не способен вобрать больше определенного количества, а погружение в вопрос бессознательного и сознательного требует для наблюдения острый и ясный ум. Сомнительно, чтобы после полуторачасовой беседы вы были способны на это. Так что не следует ли нам, если не возражаете, обсудить эту проблему позже?

Лондон, 16марта 1969

Мы собираемся обсудить этим вечером вопрос сознательного и бессознательного, поверхностного ума и более глубоких уровней сознания. Интересно, почему мы делим жизнь на части, — деловую, семейную, религиозную, спортивную, и так далее? Почему существует это разделение, не только в нас самих, но и в обществе, — «мы» и «они», «ты» и «я», любовь и ненависть, жизнь и смерть? Думаю, нам следует вникнуть в этот вопрос достаточно глубоко, — чтобы выяснить, существует ли жизнь, в которой нет разделения между жизнью и смертью, между сознательным и бессознательным, жизнью деловой и общественной, семейной жизнью и личной жизнью.

Эти барьеры между нациями, религиями и классами, всё это разделение в самом человеке, в котором так много противоречивого, — почему мы живём таким образом? Это порождает такое смятение, конфликт и борьбу; создаёт реальную угрозу нашей безопасности, как внутренней, так и внешней. В столь многом существует разделение — на Бога и дьявола, на добро и зло, на «то, что должно быть» и «то, что есть».

Я думаю, имеет смысл провести нынешний вечер в попытке понять, есть ли другой способ жизни — не теоретически или интеллектуально, но на самом деле, — жизни, в которой разделения никакого нет и действие не раздроблено; жизни, которая является единым непрерывным потоком, в котором все действия взаимосвязаны.

Чтобы найти способ жизни, в котором отсутствует фрагментация, следует глубоко погрузиться в вопрос любви и смерти, исследуя который, мы, возможно, найдём способ жизни, являющийся непрерывным движением, не разбитым на фрагменты, — способ жизни в высшей степени разумный. Фрагментированный ум лишён разума; человек, который ведёт полдюжины жизней, — что считается высокоморальным, — очевидным образом демонстрирует недостаток разума.

Мне идея интеграции — как сложение воедино различных фрагментов для воссоздания целого — кажется явно неразумной, так как предполагает существование интегрирующего — того, кто объединяет, складывает вместе все фрагменты; но ведь та сущность, которая пытается сделать это, сама является частью того же раскола.

Что необходимо, так это такие разумность и страсть, которые произвели бы в жизни человека радикальную революцию, — так, чтобы не было противоречивого действия, лишь единое, непрерывное движение. Без страсти кардинальное изменение жизни невозможно. Чтобы произвести такую перемену в жизни человека, должна быть страсть. Чтобы сделать что-то действительно ценное, надо иметь эту мощную страсть, которая не является удовольствием. Именно эта страсть необходима для понимания непротиворечивого и нефрагментированного действия. Интеллектуальные концепции и формулы не смогут изменить способ жизни человека, — это под силу только истинному пониманию «того, что есть»; но для этого необходима интенсивная энергия, страсть.

Чтобы выяснить, возможна ли жизнь, — и не монастырская, но повседневная, — обладающая таким качеством страсти и разума, человек должен понять природу удовольствия. В прошлый раз мы уже рассматривали вопрос удовольствия, то, как мысль продлевает переживание, принесшее мгновение восторга, и как размышление о нём поддерживает

удовольствие и продлевает его. Мы видели, что там, где есть удовольствие, там обязательно присутствуют боль и страх. Является ли любовь удовольствием? Для большинства из нас моральные ценности основаны именно на удовольствии; даже самопожертвование и самоконтроль являются стремлением к удовольствию, — к более «великому», «благородному», и прочему. Является ли любовь вопросом удовольствия? Слово «любовь» так многозначно, — где только его не используют, и в политике, и в семейной жизни. Мне кажется, только любовь, в самом глубоком смысле этого слова, способна принести способ жизни, в котором вовсе не будет фрагментации, раздробления. Страх — всегда часть удовольствия; очевидно, что там, где имеется любого рода страх во взаимоотношениях, должна быть фрагментация, должно быть разделение.

Это действительно глубокий вопрос: почему ум человека всегда разделялся в противодействии другим, результатом чего бывало насилие, и что он надеялся достичь с помощью насилия? Мы, люди, привержены к образу жизни, ведущему к войне, и тем не менее мы в то же самое время хотим мира, мы хотим свободы; но это мир — всего лишь как идея, как идеология; и одновременно, всё, что мы делаем, обуславливает нас.

Существует деление, психологическое, времени; время как прошлое (вчерашнее), сегодняшнее и завтрашнее; и мы должны исследовать это, если собираемся найти тот способ жизни, в котором деления не существует вовсе. Нам следует выяснить, не является ли психологическое время — в виде прошлого, настоящего и будущего — причиной этого деления. Не вытекает ли деление из известного в форме памяти, которая есть прошлое и которая составляет содержание самого мозга? Или разделение возникает потому, что «наблюдающий», «испытывающий», «мыслящий» сам всегда отделён от того, что он наблюдает, что он переживает? Или же деление вызывается той эгоистической центростремительной активностью, которая проявляется в виде «я» и «ты», создавая свои собственные силы сопротивления, свою собственную изолированную деятельность? Вникая во всё это, следует осознавать все эти проблемы: время; «наблюдающего», отделяющего себя от наблюдаемой вещи; переживающего, отличного от переживания; удовольствие; а также имеет ли это вообще что-либо общее с любовью.

Существует ли завтрашний день психологически? — реально? — не придуманный мыслью. В хронологическом времени завтрашний день существует; но существует ли фактически, в настоящее время, завтра? — психологически, внутренне. Если завтра существует как идея, действие не является цельным, завершённым, и такое действие порождает фрагментацию, противоречие. Идея завтрашнего дня, будущего, и есть — не так ли? — причина того, что человек не видит вполне ясно вещи такими, каковы они сейчас, — «Я надеюсь увидеть их яснее завтра». Человек ленив; у него нет той страсти, того живого интереса, что необходимы для выяснения, для понимания. Мысль изобретает идею постепенного понимания, — для которого требуется время, много времени. Но приходит ли понимание со временем? — помогает ли время ясному видению?

Возможно ли для ума быть свободным от своего прошлого, так, чтобы он не был связан временем? Завтра — психологически, — в терминах знания, известного; существует ли тогда возможность быть свободным от знания? — есть ли возможность действия вне категорий известного?

Нет ничего труднее общения. Нам не обойтись без словесной коммуникации, но, думаю, существует и более глубокий уровень общения, который является не только связью с помощью слов, но и сопричастностью, когда происходит встреча на одном уровне и с одной энергетической интенсивностью, с одной страстью; только тогда действительно имеет место сопричастность — нечто гораздо более значимое, чем одно лишь словесное общение. И

поскольку мы обсуждаем очень сложный вопрос, касающийся самых основ нашей повседневной жизни, необходимо не только словесное общение, но и сопричастность. Нас интересует радикальная революция, психологически; не в некоем отдалённом будущем, но прямо сегодня, сейчас. Мы хотим понять, может ли человеческий ум, столь глубоко обусловленный, измениться немедленно, чтобы его действия обрели цельность, лишённую нарывов сожаления, отчаяния, боли, страха, тревоги, озабоченности, вины и тому подобного? Как может ум отбросить всё это и быть абсолютно свежим, юным, невинным? Это действительно вопрос из вопросов. Не думаю, что такая радикальная революция возможна, пока существует разделение между «наблюдающим» и наблюдаемым, между «испытывающим» и переживанием. Конфликт вносится именно этим разделением. Любое разделение порождает конфликт, — а через конфликт, через борьбу, через войну, несомненно, не может произойти никакое изменение, в глубоком психологическом смысле, — хотя поверхностные изменения могут быть. Итак, как уму, сердцу и рассудку, всему нашему существу в целом, подойти к этой проблеме разделения?

Мы собираемся вникнуть в эту проблему сознательного и более глубокого, подсознательного уровня; мы спрашиваем, почему существует это разделение на сознательный ум, занятый своей дневной деятельностью, заботами, проблемами, поверхностными удовольствиями, заработками и прочим, и ум более глубоких уровней, со всеми их скрытыми мотивами, импульсами, непреодолимыми потребностями и страхами? Почему существует это разделение? Не оттого ли, что мы всё время заняты поверхностной болтовнёй, поверхностными потребностями в увеселениях, в увлекательном времяпрепровождении, религиозном или каком-то ином? Поскольку поверхностный ум, возможно, не умеет глубоко исследовать самого себя, когда возникает это разделение.

Каково содержимое более глубоких уровней сознания? — не в соответствии с психологами, Фрейдом и прочими, — и как вам выяснить это, если вы не читаете, что об этом сказали другие? Как вы узнаете, что представляет собой ваше подсознание? Вы будете наблюдать за ним — не так ли? Или вы надеетесь, что содержимое подсознания можно раскрыть с помощью толкования сновидений? Но кто будет эти сны толковать? Специалисты? Но они обусловлены своей специальностью. И ещё: возможно ли вообще обойтись без снов? — не считая, конечно, ночных кошмаров после плотного ужина или плохой пищи.

Существует подсознание — мы будем пока пользоваться этим словом. Из чего оно состоит? Очевидно, что из прошлого, скрытого, тёмного, забытого — расового сознания и предрассудков, семейных традиций и различной религиозной и социальной обусловленности. Может ли всё это быть раскрыто и понято без толкования сновидений, без хождений к психоаналитику, раскрыто так, чтобы ум, когда он действительно спит, пребывал в спокойствии, а не в беспрестанной деятельности? И благодаря спокойности ума, не войдёт ли в него совершенно иное качество, иная активность, никак не связанная с повседневными хлопотами, тревогами, страхами, заботами и потребностями? Чтобы в этом разобраться, чтобы выяснить возможность спать без сновидений и потому просыпаться по-настоящему свежим, необходимо быть внимательным в течение всего дня, осознавать все намёки и оттенки. Их можно уловить только во взаимоотношениях; когда вы наблюдаете свои взаимоотношения с другими, без осуждения, без выводов и оценок; просто наблюдаете своё поведение, свои реакции; наблюдаете без какого бы то ни было выбора; просто наблюдаете, так что в течение дня скрытое, подсознательное становится явным.

Почему мы придаём такую важность, такое большое значение подсознательному? В конце концов, оно такое же обыденное, тривиальное, как и сознательное. Если сознательный ум необычайно активен, наблюдателен, вслушивается и всматривается, он становится гораздо важнее подсознательного, поскольку в таком состоянии всё содержимое подсознания

проявляется и делению на разные уровни приходит конец. Наблюдайте за своими реакциями, когда вы сидите в автобусе, когда вы разговариваете с женой или мужем, когда работаете, пишете или остаётесь один, — если вы когда-нибудь бываете один, — тогда весь процесс наблюдения, этот акт видения (в котором нет разделения на «наблюдающего» и «наблюдаемое») уничтожает противоречие.

Если это в какой-то степени понятно, можно задать вопрос: что такое любовь? Является ли она удовольствием? Или же ревностью? Является ли любовь собственничеством? Или любовь — это господство? — мужа над женой или жены над мужем. Определённо, ничто из этого любовью не является; тем не менее мы отягощены всем этим, тем не менее мы говорим своему мужу или своей жене или ещё кому-то: «Я люблю тебя». И к тому же большинство из нас, в той или иной форме, завистливы. Зависть возникает в результате сравнения, измерения, оценки, стремления быть не таким, какой ты есть. Можем ли мы увидеть зависть такой, какой она является фактически, в настоящее время, и быть полностью свободными от неё, чтобы она никогда не возвращалась? — иначе любовь существовать не может. Любовь не связана со временем; её нельзя культивировать; любовь — не предмет удовольствия.

Что такое смерть? Каковы отношения между любовью и смертью? Я думаю, эти отношения вскрываются при понимании значения «смерти»; смерть нельзя понять, не поняв, что представляет из себя жизнь. Чем же на деле является наша жизнь? — повседневная жизнь, не что-то идеологическое, интеллектуальное, что мы считаем должным, но что на самом деле не соответствует действительности, ложно, фальшиво. Чем на деле является наша жизнь — повседневная жизнь конфликтов, отчаяния, одиночества, изоляции? Это поле битвы, и во сне и в бодрствовании. Мы стараемся убежать от этой битвы — с помощью музыки, искусства, музеев, религиозных или философских развлечений, придумывая множество теорий, уходя с головой в знания, во что угодно, лишь бы положить конец этому конфликту, этому сражению, которое мы называем жизнью, с её неизменной печалью.

Может ли повседневная жизнь быть беспечальной? Пока наш ум радикально не изменится, наше бытие будет оставаться бессмысленным хождением на службу, добыванием денег, чтением книг, заучиванием цитат, поглощением информации, — жизнью, которая пуста, типично буржуазной жизнью. И тогда, осознавая истину этого, человек начинает придумывать ей смысл, подыскивать для неё хоть какое-то значение. Он ищет мудрецов, которые могли бы предложить для его жизни смысл и какую-нибудь цель, и поиск этот является ещё одним вариантом бегства от жизни. Такая жизнь должна подвергнуться радикальной перемене.

Почему мы так боимся смерти? — как и большинство людей. Чего мы боимся? Наблюдайте, прошу вас, свои страхи перед тем, что мы называем смертью, страхи того, что сражение, которое мы называем жизнью, придёт к своему концу. Мы боимся неизвестного, которое может наступить, боимся расстаться с привычными вещами, своей семьёй, книгами, домом, мебелью, близкими. Мы боимся отпустить от себя известное; а известное — это наша жизнь в печали, в страдании и в отчаянии, со случайными проблесками радости; этой постоянной борьбе нет конца; это то, что мы называем жизнью, и ухода всего этого мы и боимся. Не «я» ли — результат всех этих накоплений — боится конца всего этого? — отсюда потребность в надежде на будущее, потому-то и должна иметь место реинкарнация, перевоплощение. Идея реинкарнации, в которую верует весь Восток, заключается в том, что в следующей жизни вы возродитесь на более высокой ступени, и поэтому если в этой жизни вы были мойщиком посуды, то в следующей жизни будете принцем, а посуду за вас будут мыть уже другие. Для тех, кто верит в реинкарнацию, громадное значение имеет то, кем они являются в этой жизни, чем они занимаются, как они себя ведут и о чём они думают, потому что награда или наказание в будущей жизни зависят именно от этого. На самом же деле их несколько не заботит то, как они

себя ведут; для них это лишь иная форма веры, такой же, как вера в рай, в Бога, во что угодно. В действительности, всё, что важно, — то, какой вы есть сейчас, сегодня, как вы реально себя ведёте, не только внешне, но и внутренне. Запад имеет свою форму утешения в отношении смерти, он рационально объясняет её, — у него своя религиозная обусловленность.

Итак, что такое смерть, реально? — конец? Организм приходит к своему концу через старость, болезнь, несчастный случай. Очень немногие из нас стареют красиво, потому что мы превратили свою жизнь в страдание, и это страдание с годами проявляется на наших лицах вместе с печалью об ушедшей навсегда молодости.

Можно ли умирать для всего «известного», психологически, изо дня в день? Пока свободы от «известного» нет, «возможности» наши остаются нераскрытыми. Сейчас все наши «возможности» лежат в области «известного», но когда есть свобода, эти «возможности» безграничны. Может ли человек умереть, психологически, для всего минувшего и всех своих привязанностей, страхов, забот, суеты, гордыни настолько полно, что завтра мы проснёмся абсолютно обновлёнными? Вы спросите: «Как это сделать? По какой методике?» Методики не существует, ведь «метод» подразумевает будущее; он предполагает, что вы будете практиковать и достигать чего-либо постепенно, в будущем, через много-много дней. Но можете ли вы увидеть немедленно, увидеть действительно, не теоретически, истину того, что ум не может быть свежим, невинным, молодым, полным жизни и страсти, если он не умирает, психологически, для всего прошлого? Но мы не хотим избавляться от прошлого, так как сами являемся этим прошлым, все наши мысли основаны на нём, всё наше знание является знанием прошлого, — как же ум сможет от этого избавиться? Само усилие ума избавиться от прошлого является частью этого прошлого — наше прошлое хочет перейти в иное состояние.

Ум должен стать необыкновенно тихим, безмолвным, и он действительно становится таким без всякого сопротивления или какой-то системы, если он видит всё это. Человек всегда мечтал о бессмертии; он рисовал картины и ставил под ними своё имя, что является формой бессмертия; оставляя имя, человек всегда хотел оставить что-то после себя. Но что он может оставить после себя, кроме технических знаний? Что он может отдать из самого себя? Что он такое? Вы и я — что мы из себя представляем, психологически? У вас может быть больше денег на банковском счёте, чем у меня, больше ума. Но психологически, разве мы все — не уйма слов, воспоминаний, жизненного опыта? Именно это мы хотим передать сыну, вкладываем в книгу, в картину, — наше «я». «Я» становится чрезвычайно важным, «я» противопоставляет себя обществу, «я» хочет отождествиться, солидаризоваться с чем-то, «я» хочет реализовать себя, «я» хочет стать чем-то великим — и всё прочее, что вы знаете. Когда же вы наблюдаете это «я», вы видите лишь клубок воспоминаний, пустых слов, — это и есть то, к чему мы привязаны, сама суть разделения между мной и вами, нами и другими.

Когда вы понимаете всё это — наблюдаете это не с помощью других, но сами, наблюдаете очень внимательно, непосредственно, без всякого осуждения, оценки, подавления, — вы понимаете, что любовь возможна только когда есть смерть. Любовь — не воспоминание, любовь — не удовольствие. Говорят, что любовь связана с сексом — возвращаясь к разделению на мирскую любовь и священную, одобряя одну и осуждая другую. Но, определённно, это не имеет к любви никакого отношения. Любовь никогда не приходит во всей своей полноте, если нет умирания для всего прошлого, для всех мук, конфликтов, печалей; тогда есть любовь; тогда человек может делать, что хочет.

Как мы уже говорили в прошлый раз, очень просто задать вопрос; но задавайте его обдуманно и оставайтесь с ним, пока не разрешите его сами для себя полностью; такие вопросы имеют большое значение; но спрашивать просто так, необдуманно, имеет очень мало смысла.

Участник беседы: Если у вас не будет разделения между «тем, что есть» и «тем, что

должно быть», не приведёт ли это к самодовольству, к благодущию, когда вас уже не волнуют ужасы, творящиеся вокруг?

Кришнамурти: Какова реальность «того, что должно быть»? Обладает ли это вообще какой-то реальностью? Человек склонен к насилию, но «должен быть» миролюбивым. Какова реальность этого «должен быть»? — и зачем нам оно? Если это разделение исчезло, станет ли человек самодовольным, благодущным, принимающим всё? Приму ли я насилие, если у меня нет идеала ненасилия? Ненасилие проповедовалось с древнейших времён: не убий, будь сострадательным, и так далее; факт таков: человек склонен к насилию, и это — «то, что есть». Если человек принимает это как неизбежность, он действительно становится самодовольным, благодущным, как сейчас. Человек принял войну как часть жизни и воюет, несмотря на тысячи религиозных, общественных и иных санкций, призывающих его: «Не убий», — не только человека, но также и животных; но он убивает животных, чтобы есть их, и он идёт на войну. Так что не будь идеалов, вам пришлось бы остаться с тем, что у вас есть. Сделало бы это вас самодовольным, благодущным? Или тогда у вас хватило бы энергии, интереса и жизненных сил, чтобы разрешить «то, что есть», — найти из него выход? Не является ли идеал ненасилия бегством от факта насилия? Когда ум не убегает от факта насилия, встречается его лицом к лицу, без осуждения, — тогда этот ум действительно обладает качеством ненасилия. Такой ум не приемлет насилия; насилие не сводится к причинению боли или к убийству кого-то; насилие, в равной степени, — это и искажение, подражание, имитация, следование социальной морали или своей собственной особой морали. Любая форма контроля и подавления есть форма искажения и потому насилие. Конечно, чтобы понять «то, что есть», необходима напряжённость, чуткость к реальности. То, что действительно есть, — это разделение, созданное человеком через национализм — одну из главных причин войны; мы принимаем национализм, поклонение флагу; есть ещё религиозные деления на христиан, буддистов, тех или других. Не можем ли мы быть свободными от «того, что есть», наблюдая реальность как факт? Вы можете быть свободными от этого, когда ум не искажает того, что наблюдает.

Участник беседы: В чём различие между умозрительным видением и реальным видением?

Кришнамурти: Вы видите дерево умозрительно? — или реально? Когда вы видите цветок, вы видите его непосредственно или вы видите его через экран знаний, ботанических или иных, или через удовольствие, приносимое цветком? Как вы это делаете? Если это умозрительное видение — тогда, иначе говоря, цветок виден через мысль, с помощью мысли, верно? Видите ли вы свою жену, своего мужа? — или вы видите тот образ, который у вас о ней или о нём сложился? Этот образ есть представление, через которое вы видите умозрительно; но когда образа вообще нет, вы видите по-настоящему — вы по-настоящему находитесь во взаимоотношении с тем, что вы видите, вы имеете связь с ним.

Итак, что это за механизм, создающий образ и мешающий нам действительно видеть дерево, жену, мужа, друга? Очевидно — я был бы рад ошибиться, — что у вас есть и мой образ, образ ведущего беседу, — нет? Если у вас есть образ ведущего беседу, вы уже не слышите того, о чём он говорит. А когда вы смотрите на свою жену или мужа через образ, вы в действительности не видите человека, вы видите человека через образ, так что между вами нет никакого контакта, никакой связи; вы можете говорить: «Я люблю тебя», — но в этом вообще нет никакого смысла.

Может ли ум прекратить формирование образов — в смысле, о котором мы говорим? Это возможно, только если этот ум полностью внимателен в сам момент вызова или впечатления. Возьмём простой пример: вам льстят, и вам это нравится — вот именно это «нравится» и строит образ. Но если вы слушаете лесть с полным вниманием, без «нравится» или «не нравится», если слышите это полностью, цельно, образ не формируется; вы не называете льстеца своим другом, и вы также не называете своим врагом человека, который оскорбляет вас. «Формирование

образа» происходит от невнимания; когда же внимание присутствует, строительство представления невозможно. Делайте это; выясните, это очень просто. Когда вы уделяете всё своё внимание дереву, цветку, облаку, вы не проецируете на них свои ботанические знания, симпатии, антипатии, вы просто смотрите. Это вовсе не означает отождествления с деревом: вы никоим образом не можете стать деревом. Если вы смотрите на жену, мужа или друга без всякого образа, отношения становятся совершенно иными; вторжения мысли не происходит, и у любви появляется шанс.

Участник беседы: Сопутствуют ли друг другу любовь и свобода?

Кришнамурти: Можем ли мы любить без свободы? Может ли быть любовь, если нет свободы? Если мы ревнивы — можем ли мы любить? Напуганные, можем ли мы любить? Если на работе мы движимы своим личным честолюбием, приходя домой говорим: «Я люблю тебя, дорогая», — любовь ли это? Если на работе мы грубы, хитры, а дома стараемся быть мягкими и любящими — возможно ли подобное? Может ли одна рука убивать, а другая рука любить? Может ли вообще любить тщеславный человек? Может ли человек, преисполненный духа соперничества, знать что-либо о любви? Мы принимаем все эти вещи как часть общественной морали; но если мы отрицаем подобную мораль, полностью, всем нашим существом, тогда мы действительно моральны, — но мы этого не делаем. Социально и морально мы уважаемы, и поэтому мы не знаем, что такое любовь. Без любви мы никогда не познаем истину, не познаем, существует или нет такая реальность как Бог. Мы можем знать, что такое любовь, только если знаем, как умереть для всего вчерашнего, для всех образов, связанных с удовольствием, сексуальным или иным; тогда, когда есть любовь, которая сама по себе и есть добродетель, сама по себе и есть мораль, все этики мира — в ней, только тогда та реальность, то нечто, что неизмеримо, входит в бытие.

Участник беседы: Человек, находясь в смятении, создаёт общество. Вы ратуете за то, что для изменения общества человек должен отстраниться от общества, быть от него независимым?

Кришнамурти: Разве человек — не общество? Мы с вами создали это общество, с нашей жадностью и грубостью, с нашими амбициями и с нашим национализмом, с нашим соперничеством, жестокостью и насилием; это то, что мы создали вовне, так как это то, чем мы являемся внутри. Именно мы ответственны за войну, которая идёт сейчас во Вьетнаме, — и вы, и я, — потому что мы приняли войну как стиль жизни. Не предлагаете ли вы, чтобы мы отстранились от самих себя? Но как вы можете отстраниться от самого себя? Вы — часть этого всеобщего безобразия, и вы можете быть свободными от этого уродства, этого насилия, — всего, что действительно существует, фактически, — не отстранением, но только познавая, наблюдая, понимая полностью всё это в самом себе, и тем самым освобождаясь от всякого насилия. Вы не можете отстраниться от самого себя, — это порождает проблему: «кто» же должен сделать это? «Кто» должен отстранить «меня» от общества? — или «меня» от меня самого? Разве сущность, которая хочет отстраниться от самой себя, сделана не из той же глины? Понять всё это, — понять, что «наблюдающий» ничем не отличается от наблюдаемого, — является медитацией; она требует глубочайшего проникновения в самого себя, неаналитического проникновения; путём наблюдения взаимоотношений с вещами, с собственностью и с людьми, с идеями и с природой человек приходит к этому чувству полной внутренней свободы.

Лондон, 20 марта 1969

Мне хотелось бы поговорить о нечто таком, что я считаю очень важным; понимание этого, возможно, сделает нас способными обрести собственное целостное восприятие жизни без какой бы то было фрагментации, — и это позволит нам действовать целостно, свободно, радостно.

Неудовлетворённые той жизнью, которую мы ведём, поверхностной активностью, которая так мало значима и которой мы стараемся придать значение и смысл, мы всё время ищем какую-то тайну. Но этот поиск, являясь чисто интеллектуальным актом, сам продолжает оставаться поверхностной, обманчивой и в конечном итоге бессмысленной деятельностью. Тем не менее, зная всё это, зная, что наши удовольствия скоро закончатся, а повседневные хлопоты являются рутинной, зная, что многочисленные проблемы наши никогда, видимо, не будут решены, потеряв всякую веру в традиционные ценности, учителей и гуру, в санкции церкви или общества, — большинство из нас всё же продолжают этот поиск, стараясь отыскать нечто действительно ценное, не запятнанное мыслью, — отыскать то, что имеет реальное отношение к необыкновенному чувству красоты и экстаза. Большинство из нас, я думаю, пытается найти нечто постоянное, прочное, — то, что не подвержено порче и искажению. Не останавливаясь на явном, на очевидном, мы глубоко — не только на эмоциональном или сентиментальном уровне — жаждем и вопрошающе ищем выход к чему-то, что не может быть измерено мыслью, к чему-то, что не может быть вставлено в рамки веры или догмы. Но есть ли в этом поиске реальный смысл?

Мы собираемся обсудить вопрос медитации; это довольно сложный вопрос, и прежде чем мы углубимся в него, нам следует чётко определиться с самим этим поиском, с этим стремлением иметь переживание, опыт, попытками отыскать и выявить реальность. Мы должны понять смысл того поиска и исследования истины, этой интеллектуальной устремлённости к новому, к тому, что не от времени, что не создано чьими-то потребностями, навязчивыми идеями, желаниями или отчаянием. Возможно ли вообще найти истину путём её поиска? Как узнать, найдена ли действительно истина? Может ли человек, найдя её, сказать: «Это истина», «Это реальность»? Есть ли у этого поиска хоть какой-либо смысл? Большинство религиозных людей постоянно говорят о поисках истины. Мы спрашиваем, может ли истина быть когда-нибудь найдена? Разве в самой идее поиска, обнаружения, не заключена также и идея узнавания, идея, что если я найду нечто, я должен буду это опознать? Не предполагает ли это опознание, что я заранее знаю, что именно я ищу? Является ли истина «узнаваемой» в том смысле, что она уже была когда-то испытана, и поэтому человек в состоянии сказать: «Это она, это истина»? Так есть ли ценность в таком поиске? Или же, если в нём нет смысла, возможно, он есть в постоянном наблюдении, в постоянном слушании? — которые совсем не равнозначны поиску. Когда имеется постоянное наблюдение, движение прошлого отсутствует. «Наблюдать» подразумевает видеть очень чётко; чтобы видеть очень чётко, должна быть свобода, свобода от чувства обиды, неприязни, вражды, от любого предубеждения, недоброжелательства и недовольства, свобода от всех этих накопленных в виде знаний воспоминаний, вмешивающихся в наблюдение. Когда есть такое качество, такой род свободы, в соединении с постоянным наблюдением за тем, что реально происходит, — не только снаружи, но и внутри, — какова тогда вообще нужда в поиске? Ведь всё уже здесь: факт, «то, что есть», — оно наблюдается. Но в

момент, когда мы хотим изменить «то, что есть» в нечто иное, имеет место процесс искажения. Наблюдая свободно, без каких-либо искажений, без какой-либо оценки, без какого-либо стремления к удовольствию, — но просто наблюдая, — мы обнаружим, что «то, что есть» претерпевает необычайные изменения.

Большинство из нас стремятся заполнить свою жизнь знаниями, развлечениями, духовными устремлениями, верованиями, ценностью которых, как мы видим, весьма сомнительна. Мы хотим испытать нечто трансцендентальное, нечто запредельное, — мы хотим пережить нечто необъятное, не имеющее ни границ, ни времени. Для того чтобы «испытать» неизмеримое, необходимо понять значение, смысл «испытания», «переживания», а также всего, что с ним связано. Почему мы вообще хотим «испытать» что-то? — почему вообще хотим «пережить» что-то?

Прошу вас, не принимайте и не отвергайте того, что говорит ведущий беседу; просто проверьте это. Ведущий беседу — давайте ещё раз внесём в это ясность — вовсе не имеет никакого значения. (Он подобен телефону, — и вам нет нужды повиноваться тому, что говорит телефон. Телефон не обладает никаким авторитетом или властью, вы лишь слушаете его.) Если вы слушаете с вниманием, в этом есть любовь, не согласие или несогласие, но присутствует то качество ума, которое говорит: «Давайте послушаем и посмотрим, есть ли в этом смысл, — что здесь верно, а что нет». Не принимайте и не отвергайте, но наблюдайте и слушайте, не только то, что говорится, но также свои реакции, свои искажения в тот момент, когда вы слушаете; увидите свои предубеждения и предрассудки, свои мнения, свои образы, свои переживания, увидите, как все они стремятся помешать вашему слушанию.

Мы спрашиваем: какое значение имеет опыт, переживание? Имеет ли он какое-либо значение? Способен ли опыт разбудить сонный, спящий ум, ум, который пришёл к определённым выводам, связан, обусловлен верованиями? Может ли опыт разбудить его, вздремнуть разбить всю эту структуру? Может ли такой ум — столь обусловленный, столь обременённый своими же собственными бесчисленными проблемами, разочарованиями, печалью — ответить на какой-то вызов? — способен ли он? И если ум всё же отвечает, разве этот ответ не будет неизбежно неадекватным? — и потому приведёт к ещё большему конфликту. Постоянный поиск всё более широкого, более глубокого трансцендентального опыта является бегством от подлинной реальности, от «того, что есть», то есть от нас самих, от нашего собственного обусловленного ума. Если ум необычайно бдителен, разумен, свободен, — зачем ему нужен какой бы то ни было «опыт» вообще, зачем ему вообще иметь его? Свет есть свет, он не просит большего света. Желание большего «опыта», «переживаний», есть бегство от действительности, бегство от «того, что есть».

Если вы свободны от этого вечного поиска, свободны от потребности и желания испытать нечто необыкновенное, можно продолжить выяснять, что такое медитация. Это слово — как слова «любовь», «смерть», «красота», «счастье» — слишком многозначно. Имеется так много школ медитации, которые учат вас, как медитировать. Но чтобы понять, что такое медитация, человек должен заложить фундамент правильного поведения. Без такого фундамента медитация — это фактически форма самогипноза; без свободы от гнева, ревности, зависти, жадности, стяжательства, ненависти, конкуренции, желания успеха — всех этих моральных, уважаемых форм того, что считается добродетельным, — без заложенного правильного фундамента, без того, чтобы действительно жить повседневной жизнью, свободной от искажений, созданных личным страхом, озабоченностью, жадностью и так далее, в медитации очень мало смысла. Закладка такого фундамента имеет первостепенное значение. Поэтому человек спрашивает: что такое добродетель? Что такое мораль? Пожалуйста, не говорите, что это буржуазный вопрос, не имеющий значения в обществе вседозволенности, где всё можно. Нас не интересует такое

общество, — нас интересует жизнь, полностью свободная от страха, — жизнь, способная на глубокую, непреходящую любовь. Без этого медитация становится отклонением от правильного курса, превращаясь в что-то вроде наркотика, который принимают, — что делалось столь многими, — чтобы иметь необыкновенные переживания, продолжая, однако, вести убогую жизнь. Те, кто принимают наркотики, имеют некоторые необычные переживания, видят, возможно, немного более яркие цвета, они становятся, возможно, немного более чувствительными, — и будучи чуткими в таком химическом состоянии, они — возможно — видят вещи без пространства между «наблюдающим» и наблюдаемой вещью. Но когда действие химического препарата прекращается, наркоманы возвращаются к своим прежним страхам, возвращаются к скуке, возвращаются к старой рутине, — и поэтому им приходится вновь принимать наркотик.

Пока не заложен фундамент добродетели, медитация остаётся трюком по контролю за умом, по его успокоению, насильственной подгонке под требования системы, которая говорит: «Делайте то-то и то-то — и вы получите великую награду». Но такой ум, какие бы методики вы ни пробовали и какие бы системы ни практиковали, так и останется маленьким, жалким, обусловленным и потому никчемным. Человек должен выяснить, что такое добродетель, что такое поведение. Является ли поведение результатом внешней обусловленности, общества, культуры, в которых человек был воспитан? — вы ведь ведёте себя в соответствии с этим. Добродетель ли это? Или добродетель — в свободе от общественной морали жадности, зависти и всего прочего того же рода? — что считается весьма уважаемым. Возможно ли вообще культивировать добродетель? И если её можно культивировать, не станет ли она механической и, следовательно, вовсе лишённой добродетели? Добродетель — нечто живое, текущее, постоянно самообновляющееся, и её невозможно увеличить в размере с течением времени; это всё равно что предполагать возможность культивировать смирение. Можете ли вы культивировать смирение? Это может делать только тщеславный человек, «культивирующий» смирение; что бы он ни культивировал, он всё же останется тщеславным. Но в ясном видении природы тщеславия и гордыни, в самом этом видении есть свобода от тщеславия и гордыни — и в этом есть смирение. Если это ясно, тогда можно продолжить выяснять, что такое медитация. Если человек не в состоянии делать это очень глубоко, самым подлинным и серьёзным образом, — не просто делать два-три дня, а затем сбросить, — прошу вас, не надо тогда говорить о медитации. Медитация, если вы понимаете, что это такое, — нечто совершенно необыкновенное; но невозможно понять её, пока вы не прекратите все свои поиски и смутные метания, пока вы не освободитесь от желания и судорожного цепляния за то, что, представляясь вам истиной, есть лишь ваша собственная проекция. Вы не можете даже подойти к ней, пока в вас имеется потребность в «опыте», в «переживании», пока не понят тот хаос, в котором вы живёте, беспорядок собственной жизни. При наблюдении этого беспорядка приходит порядок, который не является всего лишь планом или проектом. Когда вы это сделали — что само по себе уже есть медитация, — то тогда можно спросить не только о том, чем является медитация, но и о том, чем она не является, ибо в отрицании ложного — истина.

Любая система, любой метод, который учит вас как медитировать, очевидным образом ложны. И можно видеть, интеллектуально, логически, почему: ведь если вы практикуете что-либо согласно методу — каким бы благородным, древним, современным, популярным он ни был, — вы делаете себя механическим, вы повторяете что-то вновь и вновь в надежде добиться чего-либо. В медитации цель не отличается от средства. Но метод обещает вам что-то; это средство для достижения цели, результата. Если средство механично, тогда результат также является чем-то, что произведено механизмом; механичный ум говорит: «Я достигну, я получу нечто». Человек должен быть полностью свободен от всех методов, всех систем; это уже начало

медитации — вы отрицаете то, что абсолютно ложно и бесполезно. И, кроме того, существуют и те, кто практикует «осознание». Можете ли вы осознание практиковать? — ведь если вы «практикуете» осознание, то вы постоянно невнимательны. Поэтому вместо практики удержания внимания осознавайте своё невнимание. Если вы сознаёте своё невнимание, внимание возникает из этого осознания, так что вам нет никакой нужды его практиковать. Поймите это — это так ясно, так просто. Вам не нужно ездить в Бирму, в Китай или в Индию — в места романтические, но ничего не дающие. Помню, однажды я путешествовал в машине по Индии с группой людей. Я сидел рядом с водителем, трое других сидели сзади; они говорили об осознании, желая обсудить со мной, что это такое. Машина ехала очень быстро, и когда на дороге появился козлёнок, водитель его не заметил и задавил несчастное животное. Джентльмены, сидевшие сзади, продолжали говорить об осознании, даже не заметив случившегося! Вы смеётесь; однако это то, чем мы все занимаемся, — мы интересуемся идеей осознания интеллектуально, на уровне слов и мнений, не осознавая при этом того, что происходит в реальности.

Не существует никакой практики, есть только жизнь. И тогда возникает вопрос: «Как контролировать мысль?» Мысль блуждает с места на место; вы хотите о чём-то поразмышлять, мысль же перескакивает на нечто иное. Вам говорят: практикуйте, контролируйте; думайте о картине, о какой-нибудь фразе, или ещё о чём-нибудь, — концентрируйтесь; однако мысль уходит совсем в другую сторону, поэтому вы тянете её назад, и эта битва продолжается, взад и вперёд. Поэтому возникает вопрос: зачем вообще нужно контролировать мысль, и кто та сущность, которая собирается это делать? Пожалуйста, следите за этим внимательно. Пока не понят этот существенный вопрос, невозможно разобраться в том, что такое медитация. Когда человек говорит: «Я должен контролировать мысль», — кто этот контролирующий? Кто сам этот цензор? Разве этот цензор отличается от того, что он собирается контролировать или формировать или изменять во что-то другое? Разве они оба — не одно и то же? Что же происходит, когда «мыслящий» видит, что он и сам является мыслью, — а это так и есть, — что «переживающий» является переживанием? Что ему теперь делать? Вы понимаете вопрос? Мыслящий является мыслью, и эта мысль блуждает. Тогда мыслящий, считая себя отдельным, говорит: «Я должен контролировать мысль». Отличается ли сам мыслящий от того, что он называет мыслью? Если нет мысли, есть ли мыслящий?

Что происходит, когда мыслящий видит, что он является мыслью? Что действительно имеет место, когда «мыслящий» — это мысль, когда «наблюдающий» — это наблюдаемое? Что происходит? Нет разделения, нет фрагментации, а потому нет и конфликта; следовательно, мысль больше не надо контролировать, подгонять под что-то. Что тогда происходит? Есть ли вообще какое-либо блуждание мысли? До этого был контроль мысли, была концентрация мысли, был конфликт между «мыслящим», который хотел контролировать мысль, и постоянно блуждающей мыслью. Это то, что всё время происходит со всеми нами. Затем произошло внезапное осознание того, что «мыслящий» является мыслью, подлинное, не словесное понимание. Что тогда происходит? Существует ли ещё такое явление, как блуждание мысли? Мысль блуждает, когда «наблюдающий» отличается от мысли, которую он подвергает цензуре, когда он может сказать, что эта мысль правильная или неправильная, что она блуждает, что требуется контроль над ней. Но когда мыслящий осознаёт, что он сам является мыслью, — есть ли и тогда её блуждание? Вникните в это, господа, — не принимайте на веру, убедитесь сами. Конфликт есть лишь там, где есть сопротивление; сопротивление создаётся мыслящим, считающим себя отдельным от мысли. Когда мыслящий осознаёт, что он и сам является мыслью, сопротивление отсутствует — это вовсе не означает, что мысль блуждает повсюду и делает всё, что хочет, — вовсе нет.

Вся идея контроля и концентрации подвергается огромному изменению; теперь это внимание, нечто совершенно отличное от них. Если понятна природа внимания, что внимание может быть сфокусировано, тогда понятно и то, что это совершенно отлично от концентрации, которая всегда исключает, отбрасывает. Тогда вы спросите: «Возможно ли делать что-либо без концентрации?», «Разве мне не понадобится концентрация для любого действия?» Но нельзя ли это сделать с вниманием? — которое концентрацией не является. «Внимание» означает «внимать», то есть слушать, слышать, видеть — всем своим существом, всем своим телом, своими нервами, глазами, ушами, умом, сердцем — полностью. В этом тотальном внимании — в котором деление отсутствует — вы можете делать всё; и в таком внимании сопротивление отсутствует. И тогда следующий вопрос: может ли ум, включающий рассудок, — рассудок, который обусловлен, который является результатом тысяч и тысяч лет эволюции, рассудок, который является хранилищем памяти, — может ли ум стать спокойным, затихнуть? Ибо только тогда, когда весь ум безмолвен, тих, происходит подлинное восприятие, ясное видение, в уме отсутствует смятение, путаница. Как ум может быть спокойным, тихим? Не знаю, замечали ли вы, что для того чтобы смотреть на прекрасное дерево или на облако, наполненное светом и великолепием, вы должны смотреть всем своим существом, безмолвно; в противном случае вы не смотрите непосредственно, а смотрите на них с некоторым образом, с неким представлением удовольствия, или вы смотрите на них с воспоминанием о вчерашнем дне — так что на самом деле вы не смотрите на них, вы смотрите скорее на образ, чем на факт. Итак, спрашивается, может ли тотальность ума — включающая рассудок — быть абсолютно тихой, совершенно спокойной? Люди задавали этот вопрос — по-настоящему очень серьёзные люди — и будучи не в состоянии его разрешить, они пробовали различные приёмы, они говорили, что ум можно успокоить повторением слов. Пробовали ли вы когда-нибудь это? — повторять «Аве Мария» или санскритскую мантру, завезённую из Индии, — повторять определённые слова, чтобы успокоить ум? Неважно, какие это слова, придайте им ритмичность — «Кока-кола», любое слово, — часто их повторяйте и увидите, что ваш ум становится совершенно спокойным; но это — тупой ум, а не ум, который чуток, бдителен, деятелен, полон жизненной силы, страсти, интенсивен. Тупой ум, даже если бы он и мог сказать: «У меня был необыкновенный трансцендентальный опыт», — обманывает сам себя.

Так что безмолвие ума — не в повторении слов, не в насилии над самим собой; какие только трюки не были испробованы, чтобы его утихомирить; но в глубине души человек знает, что когда ум спокоен, тогда со всей проблемой покончено, тогда существует истинное восприятие. Как уму, включающему рассудок, быть совершенно спокойным? Кто-нибудь посоветует правильно дышать и делать глубокие вдохи, чтобы увеличить концентрацию кислорода в крови; маленький убогий ум, занимающийся очень глубоким дыханием, день за днём, может стать довольно спокойным; но он по-прежнему останется самим собой — маленьким убогим умом. Или практиковать йогу? Но это включает в себя очень многое. Йога означает мастерство в действии, а не просто практику определённых упражнений, необходимых для поддержания тела здоровым, сильным, чутким, что включает правильное питание, ограничивающее потребление огромного количества мяса, и прочее (углубляться в это не будем; возможно, вы все здесь мясоеды). Мастерство в действии требует интенсивной чуткости тела, лёгкости тела, правильного выбора пищи, без потакания диктату языка или привычки.

Так что же человеку делать? Кто задаёт этот вопрос? Вполне очевидно, что хотя мы живём в беспорядке, внутренне и внешне, порядок необходим, и не меньший, чем в математике. Такой порядок рождается только при наблюдении беспорядка, не через усилие навязать некий образец, который кто-то или вы сами почитаете за порядок. Через видение, через осознание беспорядка возникает порядок. Понятно также, что ум должен быть необыкновенно тихим, чутким, живым,

свободным от какой бы то ни было привычки, физической или психологической; как всё это осуществить? Кто задаёт этот вопрос? — ум, который болтает, ум, в котором столь много знаний? Он узнал что-то новое? Иначе говоря: «Я могу очень ясно видеть лишь тогда, когда я спокоен, и поэтому я должен быть спокоен». Затем он говорит: «Как мне стать спокойным?». Несомненно, сам этот вопрос неверен. В тот момент, когда ум спрашивает «как», он ищет систему, а значит разрушает тем самым то, о чём спрашивает: как ум может быть совершенно спокойным, тихим? — не механически, не принудительно, не вынужденный быть тихим. Ум, спокойствие которого не навязано, — необыкновенно активный, чуткий, живой. Но когда вы спрашиваете «как», присутствует разделение между наблюдающим и тем, что наблюдается.

Когда вы осознаёте, что не существует в этом мире метода, системы, мантры, учителя, которые могут помочь вашему уму стать безмолвным, когда осознаёте истину, что только безмолвный ум способен видеть, — ум действительно становится необыкновенно тихим, спокойным. Это похоже на увиденную опасность и уклонение от неё. Так же и здесь — когда видишь, что ум должен быть абсолютно тихим, он спокоен, тих.

Большое значение имеет *качество* безмолвия. Очень маленький ум может быть очень спокойным, у него мало пространства, в котором надо быть спокойным; это маленькое пространство со своим маленьким покоем есть самая безжизненная, мёртвая вещь на свете — вы знаете, что это такое. Но ум, который имеет безграничное пространство и такое же спокойствие, такую же тишину, ум, который не имеет центра в виде «я», «наблюдающего», — это совсем иной ум. В такой тишине нет никакого «наблюдающего» вообще; качество этой тишины безмерно, безгранично, напряжённо активно; активность этого безмолвия совсем иная, чем активность, центрированная вокруг «эго». Если уму удалось продвинуться так далеко (на самом деле он никуда не продвигается, он всегда там, если вы знаете, как вести наблюдение), тогда, возможно, то, что человек искал на протяжении веков, Бог, истина, то, что не имеет границ и не имеет имени, что вне времени, оказывается здесь, — без вашего приглашения, оно здесь. Такой человек благословен — истина и экстаз существуют для него.

Перейдём к обсуждению и к вопросам? Вы можете спросить: «В чём ценность всего этого для повседневной жизни? Я должен жить, ходить на службу, существует семья, существует хозяин или начальник, конкуренция. Какое это имеет отношение ко всему этому?» Такого вопроса не будет? Если вы его зададите, значит вы ничего не поняли из всего, сказанного сегодня утром. Медитация не является чем-то отдельным от повседневности; это не значит удалиться в уголок комнаты и десять минут медитировать, чтобы затем вернуться к обязанностям мясника, как метафорически, так и фактически. Медитация — одна из самых серьёзных вещей, вы занимаетесь ею весь день, на службе, в семье, в тот момент, когда вы признаёте кому-то в любви, когда обсуждаете и решаете судьбу своих детей, когда вы учите их быть солдатами, убивать, быть националистами, поклоняться флагу, ловиться на приманки современного общества; наблюдение всего этого, осознание своей роли в этом — всё это является частью медитации. И когда вы так медитируете, вы обнаруживаете в этом необыкновенную красоту; вы действуете верно в каждый момент; а если и ошибаетесь в какой-то миг, так это не страшно, вы снова вернётесь на верную дорогу — вы не станете попусту тратить время на сожаления. Медитация — часть жизни, а не что-то отличное от неё.

Участник беседы: Не можете ли вы сказать что-нибудь о лени?

Кришнамурти: Лени — прежде всего, что плохого в лени? Давайте не будем смешивать лень с незанятостью. Большинство из нас, к сожалению, ленивы и склонны к праздности, и поэтому мы заставляем себя быть активными, — что делает нас ещё более ленивыми. Чем больше сопротивляюсь я своей лени, тем более ленивым становлюсь. Но взгляните на лень: утром, когда встаю, я чувствую, что мне ужасно лень, ничего не хочется делать. Почему тело

стало таким ленивым? Возможно, человек переел, или он позволил себе сексуальные излишества или сделал в предшествующие сутки что-то такое, из-за чего тело его стало тяжёлым и унылым; и тело просит: «Ради бога, оставьте меня в покое, хотя бы ненадолго»; человек хочет подхлестнуть его, сделать деятельным; но он не исправляет свой способ жизни и потому принимает пиллюлю, чтобы активизировать себя. Но если человек начинает наблюдать, он видит, что тело обладает своим собственным разумом; требуется необыкновенная разумность, понятливость, чтобы наблюдать разумность тела. Человек перенапрягает его, перегружает его; он привык к мясу, он пьёт спиртное, он курит, вы знаете всё прочее в том же роде, и потому само тело утрачивает собственную, присущую ему органическую разумность. И чтобы позволить телу действовать разумно, ум должен стать разумным и не позволять себе вмешиваться, вредить телу. Попробуйте это, и вы увидите, что с ленью произойдёт потрясающая перемена.

Существует также вопрос свободного времени. У людей всё больше и больше свободного времени, особенно в преуспевающих обществах. Что с ним делать? — это становится проблемой: больше развлечений, кинофильмов, телеканалов, книг, болтовни, катания на лодках, игры в крикет — вы стараетесь везде успеть, заполнить свободное время всякого рода деятельностью. Церковь советует заполнять его Богом, идти в церковь, молиться — все эти фокусы, которые проделывались и прежде и которые являются лишь ещё одной формой развлечения. Или человек говорит о том, о сём. У вас есть свободное время — используете ли вы его, чтобы обратиться вовне или внутрь? Жизнь — не только внутренняя жизнь; жизнь — движение, она подобна приливу и отливу. Итак, что вы будете делать со свободным временем? Станете более просвещёнными? — способными цитировать больше книг? Будете проводить беседы (как, к сожалению, делаю я) или будете погружаться глубоко в самих себя? Чтобы погрузиться глубоко внутрь, необходимо также понимание внешнего. Чем больше вы понимаете внешнее — не просто факт расстояния до луны, техническое знание, но внешние движения общества, наций, войны и ненависть, существующую повсюду, — когда вы понимаете это внешнее, вы можете погрузиться в себя очень глубоко, и эта внутренняя глубина не имеет предела. Вы не можете сказать: «Я достиг предела, это — просветление». Просветление нельзя получить от другого — просветление приходит вместе с пониманием смятения; а чтобы понять смятение, вы должны посмотреть на него.

Участник беседы: Если мыслящий и мысль неразделимы, как вы утверждаете, и если кто-то считает мыслящего отделённым и пытается контролировать мысль, то это приносит только борьбу и ещё большую путаницу ума, и таким путём нам не прийти к безмолвию, тогда я не понимаю — если мыслящий есть мысль — как же разделение это возникает в первый раз? Как может мысль бороться сама с собой?

Кришнамурти: Как возникает это разделение между мыслящим и мыслью, если они в реальности одно? А с вами это обстоит именно таким образом? Факт ли в действительности, что мыслящий есть мысль, или вы просто считаете, что так должно быть, а потому это для вас вовсе не является действительностью? Чтобы это понять, необходима огромная энергия; иначе говоря, когда вы смотрите на дерево, должно быть достаточно энергии, чтобы не иметь разделения на «я» и это дерево. Для этого требуется гигантская энергия; тогда нет разделения, а потому нет и конфликта между двумя, нет контроля. Но поскольку большинство из нас обусловлено в соответствии с идеей, что мыслящий отличается от мысли, — возникает конфликт.

Участник беседы: Почему мы для себя такая трудная проблема?

Кришнамурти: Потому что у нас очень сложный ум, не так ли? Мы не являемся простыми людьми, которые просто смотрят на вещи, наши умы изодранны. Общество развивается, становясь всё более и более сложным, как и наши умы. Чтобы понять то, что очень сложно, надо

самому быть очень простым. Чтобы понять то, что очень сложно, очень сложную проблему, вы должны наблюдать саму эту проблему, не привнося в это исследование никаких умозаключений, ответов, предположений, теорий. Когда вы смотрите на проблему, — зная, что ответ находится в самой проблеме, — ваш ум становится очень простым; простота — в этом наблюдении, не в проблеме, которая может быть очень сложной.

Участник беседы: Как я могу увидеть целостность, увидеть всё как единое целое?

Кришнамурти: Человек привык фрагментарно смотреть на вещи, видеть дерево как нечто отдельное, жену как нечто отдельное, службу, начальника — всё в виде фрагментов. Как я могу видеть мир — частью которого я являюсь — полностью, тотально, не разделённым? Теперь, просто слушайте, сэр, просто слушайте: кто будет отвечать на этот вопрос? Кто скажет вам, как смотреть, — ведущий беседу? Вы поставили вопрос, и вы ожидаете ответа, — но от кого? Если вопрос действительно серьёзный — я не говорю, что ваш вопрос неправильный, — если вопрос действительно серьёзен, тогда в чём проблема? Проблема в том, что я не могу увидеть целостность, так как смотрю на всё фрагментарно! Когда ум смотрит на вещи фрагментарно? Почему? «Я люблю свою жену и ненавижу своего начальника!» — Вы понимаете? Если бы я любил свою жену, я обязательно любил бы и остальных. Разве нет? Не надо говорить «да», если нет любви. Вы не любите свою жену, детей, не любите, хотя, возможно, и говорите об этом. Если бы вы любили жену и детей, вы по-другому обучали бы их, вы заботились бы о них, не финансово, но по-другому. Лишь тогда, когда есть любовь, нет разделения. Вы понимаете, сэр? Когда вы ненавидите, есть разделение, — вы озабочены, жадны, завистливы, жестоки, склонны к насилию; но когда вы любите (любите не умом, любовь — не слово, любовь — не удовольствие), когда вы действительно любите, удовольствие, секс и так далее имеют совсем иное качество; в такой любви нет разделения. Разделение возникает, когда появляется страх. Когда вы любите, нет «меня» и «тебя», «нас» и «других». Но вы спросите: «Как мне любить? Как почувствовать этот аромат?» На это есть только один ответ: смотрите на себя, наблюдайте за собой; не истязайте себя, а наблюдайте, и в этом наблюдении, видя всё таким, как есть, вы, быть может, и обретёте такую любовь. Но для этого требуется огромное усердие в наблюдении; в наблюдении нельзя быть ленивым, нельзя быть невнимательным.

Лондон, 23 марта 1969

МОЖЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК ИЗМЕНИТЬСЯ?

Энергия. Её потери в конфликте.

Мы смотрим на состояние мира, на господствующие в мире тенденции и видим, что в нём происходит — студенческие бунты, классовые предубеждения, конфликты чёрных с белыми, войны, политическая неразбериха, смятение, разделение, производимое нациями, религиями. Мы также видим противостояние, борьбу, озабоченность, одиночество, отчаяние, отсутствие любви и страх. Почему мы миримся со всем этим? Почему принимаем общественную мораль и социальное окружение, если прекрасно видим их крайнюю аморальность; почему мы, зная это, — и не просто эмоционально или сентиментально, а из наблюдения мира, самих себя, — почему мы живём таким образом? Почему наша система образования выпускает вместо живых человеческих существ существа механические, обученные мириться с определёнными работами — и в конце концов умирать? Образование, наука и религия никоим образом не разрешили наших проблем.

Почему каждый из нас, наблюдая весь этот хаос, мирится с ним и подстраивается под него, вместо того, чтобы полностью разрушить в себе этот процесс? Я думаю, мы должны задать этот вопрос не интеллектуально, не для того, чтобы найти некоего бога, реализацию или особый вид счастья, неизбежно ведущих к различным вариантам бегства. Мы должны посмотреть на это спокойно, твёрдым взглядом, без какого бы то ни было осуждения и оценки. Мы должны спросить, как взрослые люди, почему мы живём таким образом — живём, боремся и умираем? И когда мы задаём этот вопрос серьёзно, с твёрдым намерением это понять, ни философиям, ни теориям, ни спекулятивным идеям здесь уже места нет. Имеет значение не то, что должно бы быть, что могло бы быть, какому принципу мы должны следовать, к какого рода идеалам, религии или гуру нам следовало бы обратиться. Очевидно, что все подобные ответы бессмысленны, когда вы сталкиваетесь с этим хаосом, смятением, страданием и постоянным конфликтом, в которых мы живём. Мы превратили жизнь в поле боя, где каждая семья, каждая группа, каждый народ противостоит другим. Видя всё это не как идею, а как нечто, что вы действительно наблюдаете, с чем вы сталкиваетесь лицом к лицу, вы спрашиваете себя — что это такое? Почему мы продолжаем существовать таким образом, не живя и не любя, но в страхе и ужасе, пока не умрём?

Задав этот вопрос, что вы будете делать? Его не могут задать люди, уютно обосновавшиеся в привычных идеалах, в комфортабельных домах, люди, имеющие мало денег, люди, которые очень уважаемы и буржуазны. Если такие люди и задают вопросы, они немедленно интерпретируют их в соответствии со своими личными потребностями. Наш же вопрос общечеловечен — он касается жизни каждого из нас, и богатого и бедного, и молодого и старого; мы спрашиваем, почему мы живём такой монотонной и бессмысленной жизнью? Ходим на службу и работаем в лаборатории или на заводе по сорок лет, растим детей, учим их самым абсурдным способом, — а затем умираем. Думаю, чтобы выяснить это, вы должны задать этот вопрос всем своим существом. Тогда вы сможете задать себе следующий вопрос: могут ли вообще люди радикально, в самой своей основе, измениться? — так, чтобы они взглянули на этот мир заново, другими глазами, иным сердцем, свободным от ненависти, вражды, расовых предубеждений, очень ясным умом, обладающим невероятной энергией.

Когда видишь всё это — войны, нелепые разделения, созданные религиями, отчуждённость

человека в обществе, противостояние семьи всему остальному миру, приверженность каждого человека некоему личному идеалу и разделение самого себя на «я» и «ты», «мы» и «они», — когда видишь всё это, объективно и психологически, остаётся лишь один вопрос, одна фундаментальная проблема: способен ли человеческий ум, так сильно обусловленный, измениться? Измениться радикально, и не в каких-то будущих воплощениях, не в конце жизни, а сейчас, так, чтобы стать новым, свежим, юным, невинным, неотягощённым; чтобы мы узнали, что значит любить и что означает жить в мире. Я думаю, что это — единственная проблема. Когда она будет разрешена, тогда любая другая проблема, экономическая или социальная — всё то, что ведёт к войнам, — исчезнет, и возникнет совершенно иная структура общества.

Итак, наша проблема сводится к возможности ума, рассудка и сердца жить как будто только явившись на свет, незапятнанными, свежими, невинными, знающими, что значит счастье, экстаз, глубокая любовь. Вы знаете, есть опасность выслушивать риторические вопросы; но это совсем не риторический вопрос — это наша жизнь. Нас не интересуют слова или идеи. Большинство из нас захвачены в слова, никогда не понимая глубоко того, что слово вовсе не есть сама реальность, описание вовсе не есть описываемое. И если бы мы попытались в течение этих бесед понять, как человеческий ум, включающий в себя мозг, ум и сердце, в течение веков делался обусловленным через пропаганду, страх и другие воздействия, мы смогли бы реально выяснить возможность этого ума подвергнуться радикальной трансформации; чтобы повсюду в мире человек мог жить мирно, в необыкновенной любви, великом экстазе, в понимании того, что неизмеримо. Наша проблема такова: может ли ум, столь отягощённый прошлыми воспоминаниями, традициями, может ли такой ум без усилия, борьбы и конфликта зажечь в себе огонь перемены, огонь изменения, и сжечь в нём весь шлак вчерашнего? Поставив этот вопрос — который, я уверен, задаёт себе любой вдумчивый, серьёзный человек, — с чего мы должны начать? С внешних изменений этого бюрократического мира, с его социального строя? Или нам начать с внутреннего, с психологического? Будет ли для нас главным объектом революционных преобразований мир внешний, со всеми его технологическими знаниями, чудесами науки? Человек уже пытался это проделать. Уже утверждалось, что если вы радикально меняете внешнее бытие — чем и занимались все кровавые революции в нашей истории, — человек изменится, он станет счастливым. Коммунисты и другие революционеры утверждали, что стоит навести порядок вовне, как внутренняя гармония будет обеспечена. Они говорили также, что неважно, если нет порядка внутри, важно, чтобы был порядок во внешнем мире — порядок, основанный на идеях, Утопия, во имя которой были убиты миллионы людей.

Поэтому давайте начнём с внутреннего, психологического. Это не означает, что вы предоставите нынешнему общественному порядку, с его сумятицей и беспорядком, остаться, как он есть. Но существует ли разделение между внутренним и внешним? Или это — единое движение, в котором внутреннее и внешнее существуют не как две отдельные реальности, но просто как движение? Я думаю, что важно установить между нами не только словесное общение — на английском, общем для нас с вами, используя понятные для всех нас слова, — но задействовать также иные, более тонкие формы общения; и поскольку мы собираемся проникнуть в проблему очень глубоко, очень серьёзно, здесь необходимо общение, проникающее глубже словесного уровня, выходящее за его пределы. Должна быть сопричастность, предполагающая, что обе стороны глубоко заинтересованы, небезразличны, что они смотрят на проблему со страстью, с жадной жаждой понять её. Поэтому необходимо не только словесное общение, но и глубокая сопричастность, при которой нет вопроса о согласии или несогласии. Согласие или несогласие не должны возникать, поскольку мы имеем дело не с идеями, мнениями, концепциями или идеалами — нас интересует проблема изменения человека. И ни ваше мнение, ни моё мнение вовсе не имеет никакого значения. Если вы

говорите, что такое изменение невозможно, раз человек не меняется тысячелетиями, вы уже преградили себе путь, вы не двинетесь с места, не начнёте выяснять что-либо и исследовать. Или если вы просто говорите, что это возможно, вы живёте в мире возможностей, а не реальностей. Так что следует подойти к этому вопросу без предварительных идей о возможности или невозможности изменения человека. Здесь необходим свежий ум, жаждущий выяснять, ум, достаточно юный, чтобы подвергнуть всё проверке, исследованию. Мы должны не только установить ясную словесную связь, должна быть и сопричастность вас и ведущего беседу, чувство дружбы, любви, которые возникают тогда, когда есть сильный общий интерес. Когда муж и жена глубоко интересуются своими детьми, они отбрасывают все мнения, свои личные симпатии и антипатии — им интересен только ребёнок. В этом интересе есть огромная любовь — не какое-то мнение, которое управляло бы действиями. Точно так же необходимо чувство глубокой связи между вами и ведущим беседу, чтобы вместе предстать перед одной и той же проблемой, с одной и той же интенсивностью, в один и тот же момент. Тогда мы способны установить эту сопричастность — только одна она приносит глубокое понимание.

Итак, имеется этот вопрос: как может ум, в своём нынешнем состоянии так глубоко обусловленный, радикально измениться? Надеюсь, вы задаёте себе этот вопрос, ведь без подлинной морали, не имеющей ничего общего с моралью этого общества, без подлинного аскетизма, не имеющего ничего общего с аскетизмом священника с его жёсткостью и насилием, без порядка глубоко внутри любой поиск истины, реальности, Бога — имя можно дать любое — вовсе не имеет никакого смысла. Возможно, те из вас, кто пришёл сюда выяснить, как осознать Бога или как приобрести некий мистический опыт, будут разочарованы; ибо без нового, свежего ума, без глаз, видящих то, что истинно, вы не имеете возможности понять неизмеримое, не имеющее имени, понять то, что *есть*.

Если вы просто хотите более широкого опыта, более глубоких переживаний, но ведёте жизнь жалкую, бессмысленную, у вас будет опыт, будут переживания, которые ничего не будут стоить. Мы должны вместе вникнуть в это — вы обнаружите, что вопрос этот очень сложный, так как в него включено очень многое. Для его понимания необходима свобода и энергия; это непременное условие — огромная энергия и свобода наблюдения. Если же вы связаны с какой-то верой или привязаны к какой-то утопической идее, то вы, несомненно, не свободны для наблюдения.

Существует этот сложный ум, обусловленный как католик или протестант, ум, ищущий безопасность, связанный тщеславием и традицией. Для ума, ставшего поверхностным во всём, кроме технологической сферы, путешествие на луну представляется удивительным достижением. Но те, кто строил космический корабль, ведут жизнь вполне заурядную, мелочную, завистливую, тревожную, озабоченную, честолюбивую, и умы их обусловлены. Мы спрашиваем, могут ли такие умы быть совершенно свободными от любой обусловленности, чтобы жить совершенно по-иному. И чтобы это выяснить, нужна свобода наблюдать — наблюдать не в качестве христианина, индуса, голландца, немца, русского или кого-либо ещё. Для ясного наблюдения необходима свобода, которая предполагает, что само наблюдение является действием. Само это наблюдение приводит к радикальной революции. Для такого наблюдения вам необходима огромная энергия.

Итак, мы собираемся выяснить, почему люди не обладают такой энергией, устремлённостью, накалом, чтобы измениться. Их энергии всегда достаточно для того, чтобы ссориться и убивать друг друга, делить мир или летать на луну — для всего этого хватает энергии. Но у них явно нет энергии для того, чтобы радикально измениться. Поэтому мы спрашиваем, почему у нас нет этой необходимой энергии?

Интересно, что вы ответите на этот вопрос? Мы говорили: у человека достаточно энергии

ненавидеть; случись война, он пойдёт сражаться, когда ему надо убежать от реальности, у него хватает энергии для бегства с помощью идей, развлечений, богов, выпивки. Когда ему хочется удовольствия, сексуального или другого, он к нему устремляется с невероятной энергией. Человек обладает достаточным разумом, чтобы покорить окружающую его среду, жить на морском дне, жить на земной орбите, — для всего этого жизненная энергия у него есть. Но очевидно, что у него нет жизненной энергии для изменения даже ничтожной привычки. Почему? Потому что мы рассеиваем эту энергию в конфликте с самими собой. Мы не стараемся вас в чём-то убедить, мы не занимаемся пропагандой, не заменяем старые идеи на новые. Мы стараемся открыть, понять.

Посмотрите — мы осознаём, что должны измениться. Давайте возьмём в качестве примера насилие и жестокость — они являются фактом, реальностью. Люди жестоки и склонны к насилию; они построили общество насилия, несмотря на всё, что было сказано религиями о любви к ближнему и любви к Богу. Всё это — лишь идеи, в которых нет подлинной ценности, ведь человек остаётся жестоким, склонным к насилию и эгоистичным. И будучи склонным к насилию, он изобретает противоположное — ненасилие. Прошу вас вникнуть в это вместе со мной.

Человек всё время старается прийти к ненасилию. Так что существует конфликт между тем, что есть, то есть насилием, и тем, что должно быть, то есть ненасилием. Между этими двумя противоположностями существует конфликт. Это — самая суть потери энергии. Пока сохраняется двойственность между «тем, что есть» и тем, что «должно быть», и человек пытается стать кем-то другим, прилагает усилия для достижения того, что «должно быть», этот конфликт является потерей энергии. Пока существует конфликт противоположностей, у человека не будет хватать энергии, чтобы измениться. Почему я вообще должен иметь эти противоположности? Например, идеал ненасилия? Ведь идеал реальностью не является, в нём нет смысла, он ведёт лишь к различным формам лицемерия; быть агрессивным, но с претензией на святость. Или если вы говорите, что следуете идеалу и со временем станете мирным, это — великое притворство, отговорка, потому что вам потребуется много лет, чтобы избавиться от насилия, — а на деле это может и вовсе не произойти. Тем временем вы являетесь лицемером и по-прежнему склонны к насилию. Таким образом, если мы сможем не в абстракции, но на деле отбросить все идеалы и иметь дело с фактом (в данном случае — с фактом нашей склонности к насилию), то никакой потери энергии не будет. Это на самом деле очень важно понять, и это — не особая теория ведущего беседу. До тех пор, пока человек блуждает в лабиринте противоположностей, он неизбежно впустую теряет энергию и потому не в состоянии измениться.

Итак, на одном дыхании вы можете стереть все идеологии, все противоположности. Прошу вас, вникните в это, поймите это; то, что происходит, действительно необыкновенно. Если человек, который раздражён, притворяется спокойным, или пытается избавиться от раздражения, то в этом есть конфликт. Но если он говорит: «Я буду наблюдать за этим раздражением, не стараясь уйти от него или дать ему рациональное объяснение», — у него имеется энергия, чтобы понять раздражение и положить ему конец. Если мы просто развиваем идею, что ум должен быть свободен от обусловленности, будет оставаться двойственность между фактом и тем, что «должно быть». Так что это — потеря энергии. Если вы говорите: «Я выясню, что обуславливает этот ум», — это как отправиться к хирургу, когда имеешь рак. Хирург занимается операцией и удалением опухоли. Но если пациент размышляет о том, как чудесно он будет жить впоследствии, или если мучается страхом по поводу операции, то это — пустая потеря энергии.

Мы интересуемся исключительно фактом обусловленности ума, а не тем, что ум «должен

быть свободным». Если ум необусловлен, он является свободным. Поэтому мы собираемся выяснить, изучить очень внимательно, что делает его обусловленным, каковы влияния, порождающие эту обусловленность, и почему мы миримся с этим. Прежде всего, громадную роль в нашей жизни играет традиция. В этой традиции мозг развился таким образом, чтобы обрести физическую безопасность. Без определённого уровня безопасности жить невозможно, это необходимое жизненное условие. Человеку требуется кров, пища и одежда. Но тот психологический способ, каким мы обходимся с этой необходимостью, является источником хаоса, как внутреннего, так и внешнего. Психика, чья структура соткана мыслью, также желает внутренней безопасности во всех своих взаимоотношениях. Это — начало всех наших проблем. Физическая безопасность должна иметь место для всех, а не только для немногих; однако мы лишаемся физической безопасности для каждого, когда психологическая безопасность ищется через нации, через религии, через семью. Надеюсь, что вы это понимаете, и между нами установился определённый контакт.

Итак, существует необходимое обуславливание ради физической безопасности; но когда начинается поиск психологической безопасности, когда возникает потребность в ней, обуславливание ума становится необычайно мощным. Иначе говоря, психологически, в наших отношениях с идеями, людьми, вещами, мы жаждем безопасности; но существуют ли в принципе безопасные отношения? Очевидно, что нет. Получается, что желание психологической безопасности отрицает физическую безопасность. Если я хочу жить в безопасности в роли индуса, со всеми индуистскими традициями, их суевериями, их идеями, я отождествляю себя с большой группой людей, что даёт мне психологический комфорт. Я поклоняюсь флагу, нации, племени — я отделяю себя от остального мира. Ясно, что такое разделение несёт в себе физическую угрозу. Когда я поклоняюсь нации, обычаям, религиозным догмам и суевериям, я отгораживаюсь, замыкая себя в пределах этих категорий, и тогда, очевидно, я должен отказываться в физической безопасности всем остальным. Уму реально требуется физическая безопасность, но она отрицается, когда ум ищет безопасность психологическую. Это факт, не чье-то мнение, это так и есть. Когда я ищу безопасность в своей семье, в своей жене, в своих детях, в своём доме, я неизбежно противопоставляю себя миру, я отгораживаюсь от других семей, вступаю в противостояние с остальной частью мира. Можно ясно видеть, как обусловленность начинается, как две тысячи лет пропаганды в христианском мире заставили принять эту культуру и поклоняться ей, и подобное же происходило и на Востоке. Итак, через пропаганду, традиции, желание безопасности ум начинает обуславливать самого себя. Но существует ли в принципе психологическая безопасность в наших отношениях с идеями, с людьми, с вещами? Если под отношением понимать прямой контакт с чем-либо, то если у вас нет контакта, то у вас нет и отношений. Если у меня есть идея, есть образ моей жены, прямой контакт, отношения с ней невозможны. Я могу с ней спать, тем не менее отношений с ней у меня не будет, так как мой образ жены препятствует непосредственному контакту с ней. Наличие же моего образа у неё метает её прямому контакту со мной. Существует ли какая-нибудь психологическая несомненность или безопасность, такая, которую постоянно ищет ум? Очевидно, что когда вы наблюдаете очень близко любые отношения, в них нет несомненности, уверенности. Что происходит, когда муж и жена, парень и девушка хотят установить прочные отношения? В тот момент, когда жена или муж бросают взгляд на кого-нибудь ещё, рождается страх, ревность, тревога, раздражение, ненависть, и нет никакого постоянства, неизменности отношений. И тем не менее ум постоянно хочет чувствовать, что ему что-то принадлежит, хочет чувствовать принадлежность к чему-то.

Итак, всё это является фактором, обуславливающим ум через пропаганду, газеты, журналы, уста проповедников, и человек начинает осознавать острую необходимость не быть

подверженным никаким внешним влияниям. Тогда вы выясняете, что же это значит — быть вне влияний. Пожалуйста, следите за этим. Когда вы читаете газету, вы подвергаетесь влиянию, сознательно или бессознательно. Когда вы читаете роман или иную книгу, вы подвергаетесь влиянию; существует давление, нажим, направленное на то, чтобы прочитанное было занесено в какую-нибудь категорию. В этом вся суть пропаганды. Это начинается со школы, и всю жизнь вы повторяете то, что сказали другие. Выходит, что вы — люди, получающие всё из вторых рук. Как могут люди, получающие всё из вторых рук, раскрыть то, что оригинально, что истинно? Очень важно понять обусловленность, важно рассматривать её очень глубоко; когда вы её рассматриваете, у вас есть энергия, чтобы разрушить все виды обусловленности, владеющие умом.

Возможно, теперь вам захочется задать вопросы и тем самым глубже проникнуть в нашу проблему; помните, задавать вопросы довольно легко, намного труднее задать правильный вопрос. Это не означает, что ведущий беседу удерживает вас от вопросов. Мы должны их задавать, должны сомневаться во всём, что сказал кто-то другой, в книгах, в религиях, в авторитетах, во всём! Мы должны задавать вопросы, должны сомневаться, быть скептическими. Но мы должны также знать, когда надо позволить скептицизму уйти, чтобы задать правильный вопрос, так как в самом таком вопросе заключён ответ. Итак, если хотите задать вопросы — пожалуйста, задавайте.

Участник беседы: Сэр, не безумны ли вы?

Кришнамурти: Вы спрашиваете, не безумен ли ведущий беседу? Хорошо. Интересно, что вы подразумеваете под этим словом «безумный», вы имеете в виду неуравновешенность, умственную болезнь, странные идеи, невротизм? Обычно всё это подразумевают под словом «безумный». Но кто судья? Вы, я или кто-то ещё? Серьёзно, кто судья? Способен ли безумный человек судить, кто безумен, а кто нет? Если вы судите, является ли ведущий беседу уравновешенным или нет, это суждение — не часть ли безумия этого мира? Судить о ком-либо, не зная о нём ничего, кроме его репутации, кроме образа, который вы о нём имеете. Если вы судите согласно репутации и пропаганде, которую вы заглотили, способны ли вы судить правильно? В суждении всегда есть тщеславие; независимо от того, является ли тот, кто судит, невротиком или здоровым человеком, тщеславие всегда присутствует в суждении. Но может ли тщеславие воспринимать истину? Не требуется ли вам величайшее смирение, чтобы видеть, понимать, любить? Нет ничего труднее, сэр, чем быть здоровым в этом ненормальном, безумном мире. Здравость ума предполагает отсутствие иллюзий, каких-либо образов себя или других. Если вы говорите, что вы такой-то и такой-то — великий, ничтожный, хороший, благородный, — все эти эпитеты являются образами самого себя. Когда такие образы присутствуют, человек определённо не находится в здоровом уме, он живёт в мире иллюзий. Боюсь, большинство живут именно так. Когда вы называете себя голландцем — извините, что я говорю это, — вы не вполне уравновешенны. Вы отделяете себя, изолируете себя, так же как и те, кто называют себя индусами. Эти национальные и религиозные деления, с их армиями, с их священниками, указывают на состояние умственной болезни.

Участник беседы: Можете ли вы понять насилие, не имея для него противоположности?

Кришнамурти: Когда уму хочется оставаться с насилием — он приглашает идеал ненасилия. Посмотрите, это так просто. Я хочу остаться с насилием, это то, каков я есть, каковы другие люди — мы жестоки. Но у меня есть традиция десяти тысяч лет, которая говорит: «Культивируй ненасилие». Так что существуют и факт моей склонности к насилию, и мысль, которая говорит: «Послушай, в тебе не должно быть насилия». Такова моя обусловленность. Как мне быть свободным от обусловленности, чтобы я мог смотреть на насилие, оставаться с насилием, понять его, пройти сквозь него и покончить с ним? — и не только на поверхностном

уровне, но и глубоко внутри, на так называемом подсознательном уровне. Как уму не попасться на крючок идеала? Не в этом ли вопрос?

Пожалуйста, послушайте. Мы не говорим о Мартине Лютере Кинге или Ганди или X, Y, Z. Нас эти люди совершенно не касаются — у них свои идеалы, своя обусловленность, свои политические амбиции, и ничто из этого меня не касается. Мы рассматриваем, какими являемся мы, вы и я, что мы за люди. Как человеческие существа мы склонны к насилию, мы обусловлены традицией, пропагандой и культурой создавать противоположное; мы используем противоположное, когда это нам подходит, а когда нет — отбрасываем. Мы используем это политически или духовно различными способами. Но сейчас говорится о том, что когда ум хочет оставаться с насилием и полностью его понять, вторгаются традиция и привычка. Они говорят: «Ты должен иметь идеал ненасилия». Существует факт, и существует традиция. Каким образом уму освободиться от традиции, чтобы отдать всё своё внимание своей склонности к насилию? Проблема именно в этом. Вы это понимаете? Существует факт моей склонности к насилию, и существует традиция, которая говорит, что я не должен быть таким. Теперь я буду наблюдать не за насилием, а только за этой традицией. Раз она мешает моему желанию уделить внимание склонности к насилию, то почему она это делает? Почему она вмешивается? Меня интересует уже не понимание склонности к насилию, а понимание воздействия традиции. Вы следите за этим? Я отдаю своё внимание *этому*, и тогда традиция не вмешивается. Итак, я выясняю, почему традиция играет в жизни человека столь важную роль — традиция, существующая как привычка. Будь это привычка к курению, к спиртному, привычка в половой жизни, речевая привычка — почему мы живём с ними? Осознаём ли мы их? Осознаём ли мы наши традиции? Если вы осознаёте их не полностью, если вы не понимаете традиции и привычки, то они обязательно будут вторгаться и вмешиваться в то, что вы хотите наблюдать. Нет ничего легче, чем жить по привычке. Но чтобы порвать с привычками, требуется очень много всего — я могу и работы лишиться. Когда я пытаюсь вырваться, мне становится страшно, ведь привычки обеспечивают мою безопасность, заставляют меня чувствовать себя уверенно, поскольку и остальные люди живут так же. Встать внезапно среди голландцев и заявить: «Я — не голландец», — это же произведёт как бы толчок. Поэтому есть страх. Если вы скажете: «Я против всего этого установленного порядка — который является беспорядком», вас выгонят с работы; поэтому вам страшно, и вы соглашаетесь. Традиция играет чрезвычайно важную роль в жизни. Вы когда-либо пытались есть пищу, к которой не привыкли? Попробуйте — и вы увидите, как будут сопротивляться ваш язык, ваш желудок. Если вы привыкли курить, вы курить продолжаете, а пытаясь сломать эту привычку, проводите годы в борьбе с ней.

Так что ум находит в привычке безопасность, когда говорит: «Моя семья, мои дети, мой дом, моя мебель». Когда вы говорите «моя мебель», вы *являетесь* этой мебелью. Вы можете смеяться, но когда вашу любимую мебель отнимают, вы возмущаетесь. Вы и есть эта мебель, этот дом, эти деньги, этот национальный флаг. Так жить — значит жить не только поверхностной, глупой жизнью, но и жить в рутине и скуке. А когда вы живёте в рутине и в скуке, вам не обойтись без насилия.

Амстердам, 3 мая 1969

ПОЧЕМУ МЫ НЕ МОЖЕМ ЖИТЬ В МИРЕ?

Страх, как он возникает. Время и мысль. Внимание — сохранять «пробуждённость».

Кажется странным, что мы не можем найти способ жизни, в котором нет ни конфликта, ни страдания, ни смятения, но лишь безграничная любовь и внимание. Мы читаем книги интеллектуалов, объясняющих, как общество должно быть организовано экономически, социально, морально. Затем мы обращаемся к книгам религиозных людей, теологов, с их умозрительными идеями. По-видимому, большинству из нас представляется очень трудным найти, не полагаясь на других, способ жить таким образом, чтобы жизнь наша была бодрой, мирной, полной энергии и ясности. Считается, что мы — люди зрелые и искушённые. Те из нас, кто постарше, прошли через две страшные войны, революции, перевороты, через все виды несчастий. И тем не менее мы здесь, в это прекрасное утро, беседуем обо всём этом, ожидая, возможно, что нам скажут что делать и покажут какой-то реальный способ жизни, готовые последовать за кем-нибудь, кто смог бы дать нам некий ключ к красоте жизни и величию чего-то за пределами повседневности.

Мне интересно выяснить — вам, возможно, тоже, — зачем мы слушаем других. Почему получается так, что мы не в состоянии сами обрести ясность в наших умах и сердцах, без какого бы то ни было искажения; и почему нам требуется обременять себя книгами? Разве мы не можем жить без смятения? — полнокровной жизнью, в глубочайшем экстазе и действительно в мире? Такое состояние дел представляется мне на самом деле очень странным — но оно таково. Вас никогда не интересовало, смогли ли бы вы жить жизнью, полностью свободной от всякого усилия, спора, борьбы? Мы всё время совершаем усилия, чтобы изменить это, трансформировать то, подавить это, принять то, подражать, следовать определённым формулам и идеям.

Интересно, задавались ли мы когда-нибудь вопросом, можно ли жить без конфликта — не в интеллектуальной изоляции, и не эмоциональной, сентиментальной, довольно-таки путаной жизнью, но жить вообще без какого-либо усилия. Потому что усилие, каким бы приятным (или неприятным), успешным и приносящим пользу оно ни было, искажает и извращает ум. Такой ум подобен машине, детали которой постоянно со скрежетом трутся друг о друга, которая никогда не работает гладко и плавно — и потому быстро изнашивается. Тогда спрашивается — и я думаю, что этот вопрос заслуживает внимания, — можно ли жить без усилия, не становясь ленивым, изолированным, безразличным, не теряя чуткости, не превращаясь в инертного человека? Вся наша жизнь, с момента рождения до самой смерти, — это бесконечное напряжённое усилие, нацеленное на приспособление, на изменение, на то, чтобы стать чем-нибудь. Это напряжённое усилие и конфликт способствуют смятению, притупляют ум и делают нечувствительными наши сердца.

Итак, возможно ли — не как идея, не как нечто безнадёжное, что за пределом наших сил, — найти способ жизни без конфликта, и не только на поверхности, но и глубоко в так называемом подсознании, в наших собственных глубинах? Возможно, что этим утром нам удастся глубоко проникнуть в этот вопрос.

Прежде всего, почему мы создаём конфликты, как приятные, так и неприятные, и есть ли возможность положить этому конец? Можем ли мы совершить это и вести совсем иную жизнь, жизнь, полную энергии, чистоты, интеллектуальной мощи, разумности? Можем ли мы обладать сердцами, переполненными любовью в подлинном смысле этого слова? Я думаю, нам следует

использовать наши умы и наши сердца, чтобы выяснить это, полностью отдаться этому.

Конфликт, несомненно, существует из-за противоречия в нас самих, что находит своё внешнее выражение в обществе, в активности «я» и «не-я». Другими словами, «я», со всеми своими амбициями, побуждениями, стремлениями, удовольствиями, беспокойствами, заботами, ненавистью и страхами, противостоит «другим», — тому, кто «не-я». Вместе с тем существует идея о жизни без конфликта или противостояния друг другу несовместимых желаний, стремлений и побуждений. Если мы сознаём это напряжение, мы можем увидеть это в самих себе — все эти импульсы и воздействия противоречащих друг другу потребностей, борющихся между собой верований, идей и стремлений.

Именно эта двойственность, эти противоположные желания с их страхами и противоречиями порождают конфликт. Думаю, при самонаблюдении это становится достаточно очевидным. Стереотип двойственности повторяется вновь и вновь, и не только в повседневной жизни, но и в так называемой религиозной жизни — в виде противостояния рая и ада, плохого и хорошего, благородного и низменного, любви и ненависти. Очень прошу вас не просто слушать слова, но и наблюдать за самими собой, используя ведущего беседу в качестве зеркала, в котором можно без всякого психоанализа увидеть себя фактически, осознать работу своего собственного ума и сердца. Каждый может увидеть, как любая форма разделения, фрагментации или противоречия, как внутри нас, так и снаружи, неотвратимо производит конфликт между насилием и ненасилием. Осознавая такое реальное состояние дел — есть ли возможность положить этому конец не только на поверхностном уровне нашего сознания и в нашей повседневной жизни, но и в самих основах нашего бытия, так, чтобы исчез любой конфликт тянущих в разные стороны потребностей и желаний, так, чтобы прекратилась любая активность двойственно фрагментированного ума? Как это сделать? Человек строит мост между «я» и «не-я» — между «я» со всеми его амбициями, побуждениями, противоречиями и «не-я», которое есть идеал, которое есть формула, общее представление, концепция. Мы всё время пытаемся строить мосты между «тем, что есть» и тем, что «должно быть». И в этом — противоречие и конфликт, и вся наша энергия теряется именно здесь. Способен ли ум прекратить разделение и остаться полностью с тем, что *есть*? В понимании того, что есть, — существует ли какой-либо конфликт вообще?

Я хотел бы тщательно рассмотреть этот вопрос, взглянув на него иначе, в связи со свободой и страхом. В большинстве своём мы желаем свободы, хотя живём, поглощённые эгоистической деятельностью и проводя свои дни в заботах и в беспокойствах о самих себе, о своих неудачах и достижениях. Мы хотим быть свободными — не только политически, что сравнительно легко, если вы не живёте в диктаторской стране, но также свободными от религиозной пропаганды. Любая религия — древняя или современная — есть результат работы пропагандистов и потому вовсе не является религией. Чем серьёзнее человек, чем больше интересуется всей жизнью в целом, тем больше занят он поиском свободы, тем больше он вопрошает и сомневается, избегая принимать что-либо на веру. Человек хочет быть свободным, чтобы выяснить, существует ли реальность, существует ли что-то вечное, вневременное, или всего этого нет. Во всех наших взаимоотношениях можно заметить совершенно явное стремление остаться свободным, однако эта свобода обычно становится процессом самоизоляции и потому перестаёт быть подлинной свободой.

В этом стремлении к свободе есть страх. Потому что свобода может означать полное, абсолютное отсутствие защищённости и гарантий — человек же боится полной незащищённости и отсутствия гарантий. Незащищённость и отсутствие гарантий кажутся ему очень опасными — каждый ребёнок нуждается в надёжности своих взаимоотношений. И взрослея, мы продолжаем требовать гарантий и уверенности во всех своих взаимоотношениях —

с вещами, с людьми и с идеями. Эта потребность в гарантированности, в безопасности неизбежно питает страх, а будучи напуганными, мы всё больше и больше зависим от вещей, к которым привязываемся. Поэтому возникает этот вопрос свободы и страха. Есть ли вообще возможность освободиться от страха, не только физически, но и психологически, не только на поверхности ума, но и в самых тёмных его уголках, в его самых потаённых закоулках, в которые вы никогда не проникали? Может ли ум быть абсолютно, полностью свободным от всего страха? Именно страх разрушает любовь — и это не теория, — именно страх способствует озабоченности, привязанности, собственничеству, стремлению господствовать, ревности во всех взаимоотношениях, именно страх способствует насилию. Это можно наблюдать в перенаселённых городах с их умножающимся населением, где отсутствие безопасности, неуверенность, страх отчасти способствуют росту насилия. Можем ли мы освободиться от страха, так, чтобы покидая этот зал, вы ушли без малейшей тени страха?

Чтобы понять страх, надо рассмотреть не только физические страхи, но и обширную сеть психологических страхов. Возможно, нам удастся вникнуть в это. Вопрос: как возникает страх? — что его поддерживает, обеспечивает ему продолжительность, и можно ли положить ему конец? Физический страх понять довольно легко. На физическую опасность следует немедленная реакция, реакция эта является ответом многих веков приспособления, тренировки, того обусловливания, без которого физическое выживание, жизнь были бы невозможны. Физически человек должен выживать — и традиция тысяч лет говорит: «Будь осторожен», память говорит: «Будь осторожен, здесь опасность, действуй немедленно». Но является ли этот физический ответ на опасность страхом?

Пожалуйста, следите за всем этим внимательно, поскольку мы собираемся рассмотреть нечто весьма простое и в то же время сложное, и если вы не уделите этому всё своё внимание, понимание невозможно. Мы спрашиваем, является ли этот физический сенсорный ответ на опасность, который включает в себя немедленное действие, страхом? Или это разум — и потому вообще не страх? Является ли разум продуктом развития традиции и памяти? Если да, тогда почему же разум не действует в полную мощь и в психологической области (как ему следовало бы делать), где человек столь многого боится? Почему тот же самый разум, который мы обнаруживаем при виде опасности, не действует также и в случае психологических страхов? И применим ли этот физический разум к психологической природе человека? Речь идёт о том, что существуют страхи различного рода, которые всем нам известны: страх смерти, страх темноты, страх перед тем, что скажет или сделает жена или муж, что подумает сосед или начальник, — вся паутина страхов. Мы не собираемся вдаваться в детали различных видов страха, нас интересует страх как таковой, не его разновидности. А когда есть страх и мы начинаем его сознать, имеет место движение избавиться от него либо подавлением, либо бегством в различные виды развлечений, включая развлечения религиозные, либо развивая в себе мужество — которое является сопротивлением, противодействием страху. Бегство, развлечение и мужество — всё это различные формы сопротивления реальному факту страха.

Чем страх сильнее, тем сильнее сопротивление ему, и таким образом создаются различные невротические проявления и действия. Существует страх, а ум — или «я» — говорит, что «страха быть не должно», и тем самым имеет место двойственность. Есть «я», которое отлично от страха, которое убегает от страха и сопротивляется ему, которое накапливает энергию, строит теории или идёт к психоаналитику; и есть «не-я»! «Не-я» — это страх; «я» отделено от этого страха. Поэтому существует непосредственный конфликт между страхом и «я», которое преодолевает этот страх. Имеется наблюдающий и наблюдаемое. Наблюдаемое — это страх, а наблюдающий — это «я», жаждущее избавиться от этого страха. Поэтому существует противостояние, противоречие, разделение и, следовательно, имеет место конфликт между

страхом и «мною», желающим избавиться от этого страха. Мы понимаем друг друга?

Так что проблема — в конфликте между «не-мною» (то есть страхом) и «мною», который считает себя отличным от страха и сопротивляется ему; или пытается победить его, убежать от него, подавить или проконтролировать его. Это разделение неизбежно приводит к конфликту, так же, как это случается и между двумя народами с их армиями, с их флотами, с их отдельными суверенными правительствами.

Итак, есть наблюдающий и наблюдаемое — и наблюдающий говорит: «Я должен избавиться от этой ужасной вещи, я должен разделаться с ней». Этот наблюдающий всегда в сражении, всегда в состоянии конфликта. Это уже стало нашей привычкой, нашей традицией, нашей обусловленностью. И нет ничего труднее, чем избавиться от привычки, любой привычки, так как нам нравится жить в привычках, — таких, как курение, выпивка, сексуальные привычки или привычки психологические; так же и с народами, с суверенными правительствами, которые говорят «моя страна — ваша страна», «мой Бог — ваш Бог», «моя вера — ваша вера». В нашей традиции — бороться, сопротивляться страху, но это только усиливает конфликт и продлевает жизнь страху.

Если это ясно, мы можем перейти к следующему этапу, то есть: существует ли, в данном конкретном случае, какое-либо действительное различие между наблюдающим и наблюдаемым? Наблюдающий думает, что он отличается от наблюдаемого, то есть от страха. Но существует ли какое-либо различие между ним и тем, что он наблюдает, или оба они — одно и то же? Очевидно, что оба они — одно. Наблюдающий есть наблюдаемое — если происходит нечто абсолютно новое, то наблюдающего нет вообще. Но поскольку наблюдающий опознаёт свою реакцию как страх, который он знал ранее, возникает это разделение. Рассматривая, исследуя это очень, очень глубоко, вы открываете для себя — надеюсь, что вы сейчас это и делаете, — что наблюдающий и наблюдаемое по существу одно и то же. Следовательно, раз они идентичны, вы полностью устраняете противоречие, «я» и «не-я», и вместе с ним вы также полностью отбрасываете всякое усилие. Но это не означает, что вы принимаете страх или отождествляете себя с ним. Есть страх, — наблюдаемое, — и есть наблюдающий, который является частью этого страха. Так что же делать? (Вы работаете так же интенсивно, как работает ведущий беседу? Если вы просто слушаете слова, тогда, я боюсь, вам не удастся всерьёз разрешить эту проблему страха.) Существует только страх, и нет никакого отдельного от этого страха наблюдающего: наблюдающий и *есть* страх. Здесь имеется несколько обстоятельств. Прежде всего, что такое страх, как страх возникает? Мы не обсуждаем последствия страха, его причин, его способность окрашивать чью-то жизнь в мрачные тона убожества и уродства. Мы спрашиваем: «Что такое страх, как страх возникает?» Нужно ли анализировать страх шаг за шагом, чтобы открыть его бесчисленные причины? Ведь когда вы начинаете анализировать, тогда анализирующий должен быть абсолютно свободным от всех предрассудков и обусловленности; он должен смотреть, наблюдать. Если же с самого начала имеется искажённое суждение, тогда по мере продолжения анализа искажение это только усиливается.

Поэтому все попытки избавиться от страха с помощью анализа не приводят к прекращению страха. Я надеюсь, здесь присутствуют и психоаналитики! Дело в том, что когда мы открываем причину страха и действуем затем на основании этого открытия, причина становится следствием, а следствие становится причиной. Следствие, и действие на основе этого следствия для нахождения его причины, и открытие причины, и действие в соответствии с этой причиной — всё это становится следующей стадией. Это становится и следствием и причиной в бесконечной цепи причин и следствий. Если же мы отказываемся от выяснения причины страха и от анализа страха — тогда что нам делать?

Знаете, это не развлечение, но в открытии реальности есть огромная радость, в понимании

всего этого заключена великая радость. Так что же порождает страх? Время и мысль порождают страх перед грядущим — время в виде вчерашнего, сегодняшнего и завтрашнего: потеря работы, смерть, уход жены или мужа, рецидив болезни и боли. Во всё это вовлечено время. Время, включающее то, что мой сосед может сказать обо мне завтра, или время, покрывающее нечто, совершённое мной много лет назад. Я опасюсь, что мои тайные желания могут и не реализоваться. Итак, время связано со страхом, страхом неизбежной в конце жизни или, возможно, уже поджидающей за углом смерти, и это страшно. Итак, время, страх и мысль — всегда вместе. Времени нет, если мысль отсутствует. Размышление о том, что случилось вчера, боязнь, что это может повториться завтра — так рождается и время и страх. Наблюдайте это, прошу вас убедиться в этом самостоятельно — не надо ничего принимать или отвергать; но, слушая, выясняйте сами истину этого и идите дальше, не останавливаясь на уровне слов, на уровне согласия и несогласия. Для того, чтобы найти истину, вам надо иметь чувство, страсть выяснять, огромную энергию. Тогда вы обнаруживаете, что мысль порождает страх; размышление о прошлом или будущем, будь это следующая минута, завтрашний день или же то, что будет через десять лет, делает это событием. Размышление о событии, которое было приятным вчера, поддерживает или продолжает вчерашнее удовольствие, сексуальное, чувственное, интеллектуальное или психологическое; размышление о нём, создание образа — как делает большинство людей — придаёт этому событию прошлого продолжение через мысль и порождает дополнительное удовольствие.

Мысль порождает страх, как порождает она и удовольствие; они оба означают время. Таким образом, мысль является творцом этой медали с двумя сторонами: удовольствием и страданием — которым является страх. Но тогда что же делать? Мы поклоняемся мысли, которая стала столь невероятно важной, что мы думаем, будто чем она хитрее и изощрённее, тем лучше. В мире бизнеса, в религиозном мире или в кругу семьи интеллектual увлечённо использует мысль, украшая эту потёртую монету гирляндами слов. Как почитаем мы людей, которые интеллектуально, на словах, демонстрируют свой ум в рассуждениях! Но именно мышление ответственно за страх и за то, что называют удовольствием.

Мы не говорим, что нам не следует иметь удовольствие. Мы не пуритане, мы пытаемся понять его, и в самом понимании всего этого процесса страху приходит конец. Когда это происходит, вы видите, что удовольствие есть нечто совсем иное, и мы тщательно исследуем это, если у нас будет время. Итак, мысль ответственна за это мучение; одна сторона медали — мучение, другая — удовольствие и его продолжение, потребность в удовольствии и погоня за ним, — включая и религиозную и любую другую форму удовольствия. Что же в этом случае делать мысли? Может ли она прекратиться? Правильна ли постановка вопроса? Кто это — тот, кто собирается остановить мысль? «Я», который не является мыслью? Но ведь «я» — результат мысли, значит мы имеем всё ту же проблему с «я» и «не-я», проблему наблюдающего, который мечтает, что стоит ему остановить мышление, как для него начнётся совершенно иная жизнь. Но существует только мысль, а не наблюдающий с его заявлением: «Я хочу прекратить мысль», ибо наблюдающий — продукт мысли. Как возникает мысль? Нетрудно видеть, что мысль — ответ памяти, опыта и знания, то есть ответ мозга, хранилища всего этого. Когда мозг о чём-то спрашивают, он отвечает реакцией памяти и опознавания. Мозг является результатом миллионов лет эволюции и обуславливания — мысль всегда стара, мысль никогда не бывает свободной, мысль — это реакция всей обусловленности мозга.

Что же делать? Когда мысль осознаёт, что она не в состоянии что-либо сделать со страхом, поскольку сама же и создаёт страх, возникает молчание — исчезает малейшее движение, ведущее к страху. Поэтому ум, включающий и рассудок, наблюдает весь этот феномен привычки, противоречия, борьбы между «я» и «не-я». Он осознаёт, что наблюдающий есть

наблюдаемое. И видя, что страх не может быть просто проанализирован и отброшен, что он всегда будет здесь, ум видит также, что и анализ не является выходом. Тогда человек спрашивает себя: «Каково происхождение страха? Как он появляется?»

Мы сказали, что он появляется через время и мысль. Мысль является ответом памяти, мысль также порождает страх. И страх не может окончиться путём простого контроля или подавления мысли или через попытки превращения мысли во что-то другое или усердным использованием всех трюков и фокусов, которыми человек обманывает себя. Осознавая всю эту структуру в самой себе, безвыборно, объективно, видя всё это, сама мысль говорит: «Я буду спокойной без всякого контроля или подавления», «Я буду тихой». И тогда наступает конец страху, что означает конец печали и понимание себя — самопознание. Без познания себя нет конца печали и страху. Только ум, свободный от страха, может встретить реальность лицом к лицу.

Возможно, теперь вы хотите задать вопросы. Задавать их нужно — эти вопросы, это раскрытие здесь себя самому себе, необходимы; и надо также задавать вопросы самому себе, когда вы сидите в своей комнате, гуляете по саду, едете в автобусе — вы должны задавать вопросы, чтобы постигать. Задавать, однако, следует правильные вопросы, и в самой постановке правильного вопроса уже заложен правильный ответ.

Участник беседы: Понять самого себя, свою боль, свою печаль, — это правильно? — это то, что следует делать?

Кришнамурти: Как человеку можно принять себя таким, каков он есть? Вы хотите сказать, что принимаете своё уродство, свою жестокость, свою склонность к насилию, свою претенциозность, своё лицемерие? Вы можете принять всё это? И не хотите изменить? — в самом деле, не должны ли мы изменить всё это? Как можно принять установленный порядок общества — с его моралью, которая аморальна? Разве жизнь — это не постоянное движение изменения? Когда живёшь, нет никакого принятия, есть только жизнь. Тогда мы живём с движением жизни, и движение жизни требует перемены, психологической революции, мутации.

Участник беседы: Я не понимаю.

Кришнамурти: Простите. Возможно, когда вы употребили слово «принимать», вы не сознавали, что в повседневном английском языке это слово означает принимать вещи такими, какие они есть. Не лучше ли вам задать вопрос на голландском?

Участник беседы: Принимать вещи по мере их прихода.

Кришнамурти: Буду ли я принимать вещи по мере их прихода, когда меня бросает моя жена? Когда я теряю деньги, когда теряю работу, когда меня презирают или оскорбляют — буду ли я принимать всё это? Приму ли я войну? Чтобы принимать вещи по мере их прихода, действительно, а не теоретически, человек должен быть свободен от «я», от «мне». И это то, о чём мы говорили всё сегодняшнее утро — об освобождении ума от «я» и «вы», от «мы» и «они». Тогда вы можете жить от момента к моменту, — бесконечно, без борьбы и без конфликта. А это и есть подлинная медитация, подлинное действие, не конфликт, жестокость или насилие.

Участник беседы: Мы должны думать — это неизбежно.

Кришнамурти: Да, понимаю, сэр. Вы считаете, что вам предлагают вообще не думать? Но вы должны думать, чтобы сделать конкретную работу, и вы должны думать, чтобы добраться до своего дома. Существует также и общение с другими с помощью слов — которое также невозможно без мысли. Так какое же место занимает мысль в жизни? Мысль должна действовать, когда вы что-то делаете. Пожалуйста, проследите за этим. Чтобы делать какую-то техническую работу, чтобы функционировать на уровне компьютера, — даже если и не так эффективно, — требуется мысль: ясная, объективная, неэмоциональная, без предрассудков и без умозаключений. Мысль необходима, чтобы действовать чётко и понятно. Но мы также знаем,

что мысль порождает страх и что именно страх мешает нам действовать эффективно. Итак, встаёт вопрос: «Может ли человек действовать без страха, когда мысль необходима для этого действия, и оставаться безмолвным, когда мысль не требуется?» Вы понимаете? Может ли человек иметь такие ум и сердце, которые понимали бы весь этот процесс страха, удовольствия и мышления, — понимали бы тишину ума? Может ли человек действовать, используя мысль, когда она необходима, и без неё, когда она не нужна? Это ведь довольно просто, не правда ли? Иначе говоря, может ли ум быть настолько внимательным, чтобы, бодрствуя, думать и действовать, когда это необходимо, и в этом действии оставаться бодрствующим и бдительным, не засыпая и не работая чисто механическим образом?

Итак, вопрос не в том, следует ли нам думать или не следует, а в том, как оставаться бдительным. Для этого требуется глубокое понимание мышления, страха, любви, ненависти, одиночества. Необходимо быть полностью вовлечённым в эту жизнь таким, какой ты есть, но с полным пониманием. А понять их глубоко можно только тогда, когда ум бдителен, полностью бодрствует и свободен от всякого искажения.

Участник беседы: Не хотите ли вы сказать, что в момент опасности вы просто реагируете, исходя из опыта?

Кришнамурти: А вы — не так? Когда вы видите опасное животное, разве вы реагируете не из памяти, не из опыта? — возможно, это даже не ваш личный опыт, но опыт многих поколений, который говорит: «Будь осторожен».

Участник беседы: Именно это я и имел в виду.

Кришнамурти: Так почему мы не действуем столь же эффективно, когда мы видим опасность национализма, войны, отдельных правительств с их суверенными правами и армиями? Это ведь наиболее опасные вещи — так почему же мы не реагируем, почему не говорим: «Давайте всё это изменим»? Это означало бы, что вы изменяете самого себя, своё знакомое бытие; что вы уже не принадлежите какой-то нации, какому-то флагу, стране или религии; это означало бы, что вы — свободный человек. Но именно этого мы и не делаем. Мы реагируем на физическую опасность, однако игнорируем опасность психологическую, которая намного более опустошительна. Мы принимаем вещи такими, какие они есть, или мы бунтуем против них в надежде построить некую фантастическую Утопию, которая надежде оказывается тем же. Видеть опасность внутри и видеть опасность вовне — это одно и то же, это означает быть бдительным, бодрствующим — то есть быть разумным и чутким.

Амстердам, 10 мая 1969

Интересно, почему люди во всём мире лишены подлинной страсти? Они жаждут власти, влияния, различных развлечений от секса до религии; есть у них и другие формы вожделений. Но, по-видимому, очень немногие имеют эту глубокую страстность, направленную на понимание всего процесса жизни и не позволяющую растрачивать всю полноту своей энергии лишь на фрагментарную деятельность. Управляющий банка испытывает огромный интерес к банковским операциям, а художник или учёный преданы своим собственным особым интересам, но очевидно реже всего встречается устойчивая мощная страсть, направленная на понимание целостности жизни.

При исследовании вопроса, что такое целостное понимание жизни, любви и смерти, нам потребуются не только наши интеллектуальные способности и сила чувства — нам потребуется нечто гораздо большее: огромная энергия, которую может обеспечить только настоящая страсть. Поскольку перед нами грандиозная проблема, очень сложная, тонкая и весьма глубокая, мы должны посвятить ей всё своё внимание — что, в конце концов, и есть страсть, — чтобы самим выяснить, увидеть, существует ли способ жизни, полностью отличный от того, как мы живём сейчас. Чтобы понять это, следует рассмотреть несколько вопросов, следует исследовать процесс сознания, как поверхностные, так и глубинные уровни нашего ума, а также выяснить природу, сущность порядка; не только вовне, в обществе, но и внутри самого себя.

Следует выяснить значение жизни, не просто придумывая ей смысл, но выясняя, рассматривая, что это значит — жить. Следует также глубоко вникнуть в вопрос о том, что такое любовь и что означает умереть. Всё это надо исследовать и в сознании, и в глубинных, тайных закоулках собственного ума. Человек должен спросить, что значит порядок, что означает жить; мы должны спросить, может ли человек жить жизнью, полной всеохватывающей любви, сострадания и нежности. Следует также выяснить для себя значение того необычайного, что именуют смертью.

Всё это не обрывки, не фрагменты, но единое движение, целостность жизни. Мы будем не в состоянии что-либо понять, если разделим это движение на жизнь, любовь и смерть — это единый поток. Чтобы понять весь этот процесс, требуется энергия, не только интеллектуальная энергия, но энергия сильного чувства, включающая в себя безмотивную страстность, постоянно пылающая внутри человека. И поскольку наши умы фрагментированы, необходимо вникнуть в вопрос сознательного и бессознательного, ибо здесь начинаются все деления на «я» и «не-я», на «ты» и «я», на «мы» и «они». Пока существуют эти деления — национальные, семейные или религиозные, с их отдельными собственническими зависимостями, — фрагментация жизни неизбежна. Будет повседневная жизнь с её скукой и рутинной, будет то, что мы называем любовью, пронизанной ревностью и собственничеством, зависимостью и превосходством, будет страх и неотвратимость смерти. Можем ли мы вникнуть в этот вопрос серьёзно, не просто теоретически, или на уровне слов, но действительно исследовать его, наблюдая всё это в себе и спрашивая, почему существует эта фрагментация, порождающая так много страданий, замешательства и противоречий?

Легко увидеть в самом себе активность поверхностного ума, с его заботами о хлебе насущном, с его технологическим, научным, стяжательским знанием. Мы наблюдаем, как

конкурируем друг с другом на работе, мы наблюдаем поверхностные процессы в своём собственном уме. Но есть скрытые уголки, никогда ранее нами не исследованные; мы даже не знаем, как проводить такое исследование. Если мы хотим осветить их светом ясности и понимания, мы или читаем книги, которые описывают нам эти моменты, или идём на приём к психоаналитику или идём к философу. Сами же мы не знаем, как взглянуть на них; хоть мы и способны наблюдать внешнюю, поверхностную активность ума, но мы явно не способны заглянуть в ту глубокую, в ту потайную пещеру, в которой скрывается всё минувшее. Может ли сознательный ум, с его позитивными желаниями и притязаниями, проникнуть в глубинные уровни своего собственного бытия? Я не знаю, пробовали ли вы это, но если пробовали, делая это достаточно настойчиво и серьёзно, вы могли обнаружить огромный пласт прошлого, расовую обусловленность, религиозные внушения, барьеры, разделения; всё это спрятано там. Кажущаяся случайность мнений исходит от этих прошлых накоплений, которые, по существу, базируются на старом знании и опыте прошлого, с их разнообразными формами умозаключений и мнений. Может ли ум наблюдать всё это, понимать это и подняться над этим, выйти за его пределы, так, чтобы никакого разделения не было вообще?

Это важно, поскольку мы обусловлены так, что смотрим на жизнь фрагментарным образом. И пока эта фрагментация продолжается, существует потребность самоосуществления: «я» жаждет осуществиться, достичь, соперничать, «я» жаждет удовлетворить своё честолюбие. Именно эта фрагментация жизни заставляет нас быть одновременно индивидуалистами и коллективистами, заставляет нас быть озабоченными собой эгоистами, стремящимися слиться с чем-то большим, но так, чтобы оставаться отдельными. Именно этот глубокий раскол в сознании, во всей структуре и природе нашего бытия ответственен за раскол и фрагментацию в нашей деятельности, в наших мыслях, в наших чувствах. Поэтому мы разделяем жизнь и то, что зовётся любовью и смертью.

Возможно ли наблюдать движение прошлого, которое является бессознательным? — если можно использовать слово «бессознательное», не придавая ему особого психоаналитического смысла. Глубокое бессознательное есть прошлое, и мы действуем, исходя из него. Так что есть деление на прошлое, настоящее и будущее — то есть время.

Всё это, возможно, звучит довольно сложно, но это не так; всё проясняется, если посмотреть внутрь самих себя, понаблюдать за собой в действии, понаблюдать за работой своих мнений, своих мыслей, умозаключений. Когда вы смотрите на себя критически, вы можете видеть, что ваши действия основаны на каком-нибудь прошлом выводе, формуле или стереотипе, которые проецируют себя на будущее в виде идеала, и вы действуете в соответствии с этим идеалом. Так что прошлое всегда действует вместе со своими мотивами, умозаключениями, формулами и рецептами; ум и сердце перегружены воспоминаниями, которые формируют нашу жизнь, внося в неё фрагментацию.

Можно спросить, способен ли сознательный ум заглянуть в подсознательное настолько полно, что станет понятным всё его содержимое, которое является прошлым? Это требует способности к критике, не самоуверенного критицизма, требует того, чтобы человек наблюдал. Если человек действительно бдителен, это разделение, этот раскол целостности сознания прекращается. Такое пробуждённое состояние возможно лишь тогда, когда имеет место критическое самосознание, свободное от суждений.

Наблюдать — значит быть критичным; быть критичным не в смысле использования критики, основанной на оценках и мнениях, но быть критично-бдительным. Но если эта критичность является личной, отягощённой страхом или какой-либо формой предубеждения, она перестаёт быть подлинно критичной, а становится просто фрагментацией.

То, что интересует нас сейчас, — понимание всего процесса, всей целостности жизни, не

отдельного её фрагмента. Мы не спрашиваем, что нам надо делать с какой-то частной проблемой, скажем, с социальной деятельностью, безотносительно к единому процессу жизни; мы стараемся выяснить, что включает в себя понимание реальности, существует ли эта реальность, безмерность, вечность. Именно это целостное, тотальное восприятие — не фрагментированное восприятие — является предметом нашего интереса. Такое понимание всего движения жизни как единого целостного действия возможно лишь тогда, когда из всего нашего сознания исчезают собственные концепции, принципы, идеи и такие расколы и разделения, как разделение на «я» и «не-я». Если это ясно — и я надеюсь, что это так, — то мы можем двигаться дальше, чтобы выяснить, что значит жить.

Мы привыкли считать жизнь положительным актом: делать, думать, хлопотать, конфликтовать, бояться, печалиться, грешить и чувствовать себя виноватым, строить честолюбивые планы, бороться, конкурировать с окружающим, жаждать удовольствий и успеха. Именно всё это мы называем жизнью. Это наша жизнь, с её редкими моментами радости, сострадания без какого-либо мотива и щедрости без каких-либо условий. Есть в ней, конечно, и отдельные моменты экстаза, блаженства, не имеющие прошлого и будущего. Но хождение на службу, раздражение, ненависть, презрение, неприязнь — вот что мы называем повседневной жизнью, и мы считаем её необыкновенно положительным явлением.

Отрицание положительного — вот подлинно положительное. Отвергнуть эту так называемую жизнь, для которой характерны уродство, одиночество, страх, жестокость насилия, отвергнуть её, не воображая, будто знаешь жизнь какую-то другую, это и есть самое положительное действие. Мы понимаем друг друга? Посмотрите, высшая мораль — полное отрицание традиционной морали, ибо то, что мы называем общественной, респектабельной моралью, крайне аморально — мы конкурируем друг с другом, мы жадны, мы завистливы, каждый стремится действовать по-своему и только для себя — вы сами знаете, как мы себя ведём. Мы называем это общественной моралью, а религиозные люди толкуют о морали иного рода — но вся их жизнь, их жизненная позиция, иерархическая структура религиозной организации и веры аморальны. Отвергнуть — не означает реагировать, ведь когда вы реагируете, это всего лишь ещё одна форма раскола через ваше собственное сопротивление. Но когда вы отвергаете это потому, что поняли это, налицо высшая форма морали.

И точно так же, отвергать мораль общества, отвергать то, как мы живём, — наши маленькие, мелочные жизни, наше пустое и поверхностное мышление и существование, то удовлетворение на поверхностном уровне, которое дают нам накопленные вещи, — отвергать всё не в качестве реакции, а просто видя крайнюю глупость и разрушительный характер такого способа жизни, — отвергать всё это и означает жить. Видеть ложное ложным — это видение и есть истина.

Тогда, что такое любовь? Любовь — это удовольствие? Любовь — это желание? Является ли она привязанностью, зависимостью, обладанием объектом любви и господством над ним? Слова ли это любви: «Это моё, а не ваше, моя собственность, мои сексуальные права», основанные на ревности, ненависти, раздражении, насилии? Кроме того, любовь была поделена на высшую и низшую в соответствии с религиозной обусловленностью; так является ли всё это любовью? Можете ли вы любить и быть в то же время честолюбивым? Можете ли вы любить своего мужа, и он может ли говорить, что любит вас, если он честолюбив? Может ли быть любовь там, где есть конкуренция и гонка за успехом?

Отвергнуть всё это, и не только интеллектуально или словесно, но действительно уничтожить это в себе и в своей жизни, никогда не испытывать ни ревности, ни зависти, никогда ни с кем не соперничать, не питать честолюбивых замыслов — отвергнуть всё это, — несомненно это и есть любовь. Эти два способа поведения не могут сочетаться между собой.

Мужчина, который ревнует, как и женщина, которая властвует, подавляет, оба не знают, что такое любовь; они могут говорить о любви, могут спать друг с другом, обладать друг другом, полагаться и рассчитывать друг на друга в отношении своего комфорта, защищённости, в борьбе со страхом одиночества — но всё это определённо не любовь. Если бы люди, которые говорят, что любят своих детей, действительно любили бы их, разве были бы тогда войны? Разве было бы деление на национальности, эти разделения и отделения? То, что мы называем любовью, является пыткой, источником отчаяния, чувством вины. Такая любовь обычно отождествляется с сексуальным удовольствием. Мы не пуритане, не ханжи, мы не говорим, что не должно быть удовольствия. Когда вы смотрите на облако, на небо, на красивое лицо, вы испытываете наслаждение. Когда вы смотрите на цветок, существует красота этого — мы не отрицаем красоту. Красота — не удовольствие мысли, но именно мысль привязывает удовольствие к красоте.

Точно так же, когда мы любим и имеют место сексуальные отношения, мысль привязывает к сексу удовольствие, образ того, что было испытано, повторение его в будущем. В этом повторении — удовольствие, которое не является красотой. Красота, нежность и любовь не исключают секса. Но сейчас, когда всё дозволено и кажется, что общество впервые открыло для себя секс, секс приобрёл чрезмерную важность. Видимо, в настоящее время именно секс представляется человеку единственным спасением, единственной свободой; во всём остальном человеком помыкают, запугивают, он подвергается интеллектуальному и эмоциональному насилию, он повсюду раб, разорён, разрушен, и единственное время, когда он может быть свободным, приходится на секс. В такой свободе он находит определённую радость, и человек хочет повторения этой радости. Мы наблюдаем всё это — и где же любовь? Только ум и сердце, полные любви, способны увидеть всё движение жизни. Тогда человек с такой любовью, что бы он ни делал, — морален, добр, а то, что он делает, — прекрасно.

И как во всё это войдёт порядок — понимая, что наша жизнь так запутана, так беспорядочна. Мы все хотим порядка, не только в нашем доме, где мы отводим каждой вещи надлежащее место, но и за его пределами, в обществе, где царит чудовищная социальная несправедливость. Мы также хотим порядка внутри, там должен быть порядок — глубокий, математический порядок. Можно ли такой порядок привнести, подгоняя всё под шаблон, который мы считаем порядком? Тогда, сравнивая реальность с таким образцом, мы неминуемо приходим к конфликту. Разве этот конфликт — не тот же беспорядок, который не может быть добродетелью? Когда ум усиленно старается быть добродетельным, моральным и этичным, он сопротивляется, — и в самом этом конфликте присутствует беспорядок. Добродетель — сама основа порядка, хотя слово это и звучит старомодно в современном мире. Эта добродетель не порождается конфликтом мысли, она приходит только тогда, когда вы критически, с пробуждённым разумом, понимая самого себя, наблюдаете этот беспорядок. Тогда существует полный порядок, порядок в своей высшей форме, — в форме добродетели. Всё это возможно лишь тогда, когда присутствует любовь.

Также существует вопрос смерти, старательно отодвигаемый нами подальше, как связанный с чем-то, что должно произойти в будущем, лет через пятьдесят или завтра. Мы боимся прихода конца, физического завершения, отнимающего у нас все накопления, заработанное, пережитое, жену, мужа, дом, мебель, садик, книги, стихи, написанные нами или те, что мы надеемся написать. Мы боимся позволить всему этому уйти, потому что мы сами есть эта мебель, эти картины — всё, чем мы обладаем; если у нас есть способность играть на скрипке, мы ещё и скрипка. Из-за нашего самоотождествления со всеми этими вещами мы сами являемся ими и ничем, кроме них. Смотрели ли вы на это под таким углом? Вы и есть дом с его ставнями, спальней, мебелью, за которыми вы годами ухаживали, — вы есть всё это. Если вы уберёте всё

это, вы — ничто.

И это то, чего вы боитесь больше всего: быть ничем. Разве не странно, что вы отдаёте сорок лет жизни ежедневному хождению на службу — а когда прекращаете, у вас начинает болеть сердце, и вы умираете? Вы являетесь этой службой, всеми этими папками, вы — менеджер, клерк или кто-то там ещё, вы — всё это и ничего кроме этого. И ещё у вас есть множество идей о Боге, о добродетели, об истине, о том, каким должно быть общество — и это всё. Это так печально. Осознать для себя, что ты — именно это, очень печально, — однако ещё более печально то, что вы этого и не осознаёте. Увидеть всё это, понять смысл этого — значит умереть.

Смерть неотвратима, все организмы должны прийти к концу. Но мы боимся дать прошлому уйти. Мы ведь являемся прошлым, мы являемся временем, печалью, страданием, с редкими проблесками красоты, цветением добродетели или глубокой нежности — и все эти проблески мимолётны, в них нет постоянства. И боясь смерти, мы спрашиваем: «Буду ли я жить снова?», то есть будет ли продолжение битвы, конфликта, страдания, владения вещами, накапливаемого опыта? Весь Восток верит в реинкарнацию, перевоплощение душ. То, чем вы являетесь, — смятением, хаосом и запутанностью, — вы хотите увидеть родившимся вновь. Реинкарнация предполагает также, что мы родимся в другой жизни; при этом значение имеет то, что вы делаете сейчас, сегодня, не то, как вы собираетесь жить, родившись в следующей жизни — если таковая существует. Если вы будете рождены вновь, имеет значение то, как вы живёте сегодня, поскольку именно сегодня засеваются либо семена красоты, либо семена печали. Но те, кто так горячо верит в перевоплощение, не знают, как себя вести; если бы они заботились о поведении, они не были бы озабочены тем, что будет, ибо добродетель — это внимание к настоящему.

Смерть — часть жизни. Вы не можете любить, если не будете умирать, умирать для всего, что не является любовью, умирать для всех идеалов, которые являются проекцией ваших собственных потребностей, умирать для всего прошлого, для всего испытанного; только в такой смерти вы узнаете смысл любви, узнаете смысл жизни. Жить, любить и умирать — одно и то же, это жизнь целостная, полная, жизнь в настоящем. Тогда есть непротиворечивое действие, не порождающее боли и страдания, и тогда жизнь, любовь и смерть — это действие. Это действие есть порядок. Если человек живёт именно так — а он должен жить так, и не в редкие моменты, но каждый день, каждую минуту, — тогда мы будем иметь и общественный порядок, и единство людей, а на месте политиков с их личными амбициями и их обусловленностью в правительствах будут действовать компьютеры. Итак, жить — значит любить и умирать.

Участник беседы: Можно ли стать свободным немедленно и жить без конфликтов? — или на освобождение требуется время?

Кришнамурти: Можно ли жить без прошлого сразу, мгновенно — или чтобы избавиться от прошлого, потребуется время? Требуется ли время, чтобы избавиться от прошлого, и не мешает ли время тому, чтобы начать жить немедленно? Вопрос именно в этом. Прошлое подобно тайной пещере — или винному погребу, где вы храните своё вино, если у вас оно есть. Так требуется ли время, чтобы освободиться от этого прошлого? Что предполагает та необходимость затраты времени, к которой мы привыкли? Я говорю себе: «Мне потребуется время, чтобы с помощью ежедневной практики я смог стать добродетельным. Я буду избавляться от моей ненависти, от моей склонности к насилию, постепенно, медленно»; это то, к чему мы привыкли, наша обусловленность, воспитание. Поэтому мы спрашиваем себя, возможно ли отбрасывать время постепенно? — что включает время. То есть, будучи склонным к насилию, я говорю: «Я постепенно избавлюсь от этого». Что это означает — «постепенно», «шаг за шагом»? Ведь тем временем я продолжаю оставаться склонным к насилию. Идея постепенного избавления от склонности к насилию — форма лицемерия. Очевидно, что если я склонен к насилию, я не могу

избавиться от этого постепенно, я должен покончить с этим немедленно. Могу ли я избавиться от психологического груза немедленно? Не могу, если принимаю идею постепенного освобождения себя от прошлого. Что важно, так это видеть факт таким, каков он есть сейчас, без всякого искажения. Если я ревнив и завистлив, мне следует видеть это полностью, целостным наблюдением, не частичным. Смотрю я на свою ревность — почему я ревную? Потому что я одинок — человек, от которого я зависел и на которого так полагался, меня бросил, и внезапно я оказался лицом к лицу со своей пустотой, со своей изоляцией, я боюсь этого и потому рассчитываю на вас. И если вы отворачиваетесь от меня, я сержусь, я ревную. Реальный факт — моё одиночество и моя потребность в общении и в близких отношениях, потребность в ком-то, кто будет не только готовить для меня обед, создавать мне комфорт, обеспечивать сексуальными и другими удовольствиями, но и, что самое главное, избавит меня от одиночества. Именно поэтому я и ревную. Могу ли я понять это одиночество мгновенно? Я могу понять его, только если наблюдаю его, не убегаю от него, если я способен рассматривать его, наблюдать его критически, с пробуждённым разумом, не ища отговорки и не пытаюсь заполнить пустоту или найти нового сотоварища. Чтобы наблюдать и рассматривать это, необходима свобода, и когда такая свобода наблюдения есть, я свободен от ревности. Так что восприятие, тотальное наблюдение ревности и свобода от ревности — это не вопрос времени, но то, что даётся полнотой внимания, критическим осознанием, безвыборным и мгновенным наблюдением всего происходящего по мере его возникновения. Тогда имеет место свобода — не в будущем, а сейчас, — свобода от того, что мы называем ревностью.

Это равным образом применимо и к насилию, и к гневу, и к любой другой привычке, будь то курение, привычка выпивать или сексуальные привычки. Если мы внимательно следим за своими привычками и делаем это всем своим умом и всем сердцем, мы с пониманием осознаём всё их содержание; тогда имеет место свобода. Коль скоро такое осознание действует, оказывается возможным мгновенное и полное наблюдение всего, что бы ни возникло в уме, — гнева, ревности, агрессивности, жестокости, двусмысленности, неприязни. В этом — свобода, и то, что было, перестаёт быть. Итак, прошлое не может исчезнуть постепенно. Время — не путь к свободе. Идея постепенности — не форма ли это лени, неспособности иметь дело с прошлым немедленно, в само мгновение его возникновения? Когда вы обладаете этой удивительной способностью наблюдать ясно то, что появляется, и когда вы свой ум и своё сердце полностью отдаёте наблюдению этого — прошлое исчезает.

Итак, время и мысль не прекращают прошлого, поскольку время и мысль являются прошлым.

Участник беседы: Является ли мысль движением ума? Является ли осознание действием безмолвного ума?

Кришнамурти: Как мы уже говорили, мысль есть ответ памяти, поглощающей, как компьютер, любой вид информации. Когда вы запрашиваете компьютер, он отвечает только тем, что хранится в его памяти. Точно так же ум, мозг являются кладовой прошлого, памятью. Когда уму бросают вызов, он отвечает на него мыслью в соответствии со своим знанием, своим опытом, своей обусловленностью и так далее. Итак, мысль есть движение, или, скорее, часть движения ума и мозга. Задавший вопрос хочет знать, является ли осознание безмолвием, тишиной ума. Можете ли вы наблюдать что-либо: дерево, свою жену, своего соседа, политика, священника или красивое лицо без всякого движения ума? Образ вашей жены, вашего мужа, вашего соседа, память об огорчении, об удовольствии — всё это вмещается в наблюдение, не так ли? А когда имеет место вмешательство какого-то образа, тонкое или явное, наблюдения уже нет, реального полного осознания нет, есть лишь частичное осознание. Для чёткого наблюдения между наблюдающим и наблюдаемым не должно быть никаких образов. Когда вы

смотрите на дерево, можете ли вы смотреть на него так, чтобы не было знания о дереве в терминах ботаники, не было знания о собственном удовольствии, не было желания в отношении дерева? Можете ли вы видеть дерево настолько полно, что пространство между вами, наблюдающим, и наблюдаемой вещью исчезает? Это не означает, что вы становитесь деревом! Но когда пространство исчезает, исчезает и наблюдающий — остаётся только то, что наблюдается. В таком наблюдении имеет место восприятие с необыкновенно живым и ярким видением цвета, формы и красоты листвы, ствола; когда отсутствует центр «я», который наблюдает, вы входите в интимный контакт с тем, что наблюдаете.

Существует движение мысли как части мозга и ума, необходимое при словесном ответе на вызов. Но чтобы открыть что-то новое, неизведанное, необходимо это интенсивное внимание без всякого движения. В этом нет ничего мистического или оккультного, того, в чём вы должны упражняться год за годом — всё это чистый вздор. Такое внимание имеет место тогда, когда — между двумя мыслями — вы наблюдаете.

Вам известно, как человек открыл реактивную тягу? Как это произошло? Он знал всё, что известно о двигателях внутреннего сгорания, — но он искал какой-нибудь другой способ. Чтобы смотреть, вы должны быть безмолвны; если вы носите с собой весь багаж знаний о двигателе внутреннего сгорания, вы найдёте только то, что вы уже знаете. Известное должно спать в покое — тогда вы откроете что-то новое. Точно так же, чтобы увидеть свою жену, своего мужа, дерево, своего ближнего, весь общественный строй, который является сплошным беспорядком, вы должны в безмолвии найти новый способ смотреть, а значит, новый способ жить и действовать,

Участник беседы: Как нам найти силы жить без теорий и идеалов?

Кришнамурти: А откуда у вас находятся силы, чтобы жить с ними? Откуда у вас эта необычайная энергия жить по рецептам, жить с формулами, с идеалами, с теориями? Вы живёте по рецептам — откуда у вас на это силы? Эти силы растрачиваются в конфликте. Идеал находится там, вы — здесь, и вы стараетесь жить в соответствии с этим идеалом. Поэтому имеет место разлад и конфликт, а следовательно — потеря энергии. Так что когда вы видите, как энергия теряется, когда вы видите абсурдность идеалов, формул, концепций, ответственных за постоянный конфликт, когда вы всё это видите, у вас появляются силы, чтобы жить без всего этого. Тогда энергия в избытке, потому что прекратилась потеря энергии через конфликт. Но смотрите — мы боимся так жить из-за своей обусловленности. И мы, вместе с остальными, соглашаемся с этим набором рецептов и идей. Мы живём по ним — и мы принимаем конфликт как способ жизни. Но когда мы видим всё это не на уровне слов, не теоретически, не интеллектуально, но чувствуем всем нашим существом абсурдность такого способа жизни, тогда мы обладаем избытком энергии, появляющимся при отсутствии какого бы то ни было конфликта. Тогда существует только факт — и ничего кроме самого факта. Существует факт, что вы жадны, — не идеал того, что вам не следует быть жадным, это являлось бы пустой тратой энергии, но факт, что вы жадны, склонны к приобретательству, обладанию и господству. Только это и является фактом, и когда вы всё своё внимание полностью отдаёте этому факту, у вас имеется энергия, чтобы от него избавиться, и потому вы можете жить свободно, без каких-либо идеалов, без каких-либо принципов, без каких-либо верований. И это есть любовь и смерть для всего прошлого.

Амстердам, 11 мая 1969

Большинство из нас пойманы в сеть физических и психологических привычек. Некоторые из нас осознают это, другие — нет. Если человек осознаёт эти привычки, возможно ли для него мгновенно избавиться от какой-то из них, а не продолжать следовать ей многие месяцы и годы? Осознавая какую-то конкретную привычку, возможно ли покончить с ней без всякого усилия, борьбы, отбросить её немедленно, — привычку курить или особым образом трясти головой, свою обычную улыбку или любую другую из множества присущих человеку привычек? Можно ли без малейшей формы сопротивления или контроля осознавать, скажем, свою привычку к бесконечной пустой болтовне, вечному беспокойству ума, и наблюдением положить этому конец — легко, без усилий, мгновенно? С этим связано несколько обстоятельств — и прежде всего, понимание того, что борьба против чего бы то ни было, например, против какой-то привычки, формирует сопротивление этой привычке. Но выясняется, что сопротивление в любой форме только умножает конфликт. Сопrotивляясь привычке, подавляя её, борясь с ней, человек растрчивает в борьбе и в контроле ту самую энергию, которая так необходима для понимания этой привычки. В это включено также ещё одно: считается, что этот процесс должен протекать во времени и от любой конкретной привычки следует избавляться постепенно, через подавление или отвыкание.

С одной стороны, мы привыкли считать, что единственная возможность избавиться от привычки — сопротивляться ей, развивать противоположную привычку; с другой стороны, мы считаем, что сделать это можно только постепенно, в течение некоторого времени. Но если человек действительно исследует это, он видит, что любая форма сопротивления приводит к развитию дальнейших конфликтов и что время, сколько бы дней, недель или лет мы этим ни занимались, в действительности не приводит к концу привычки; поэтому мы спрашиваем, возможно ли избавиться от привычки без сопротивления ей и без участия времени — избавиться немедленно?

Чтобы быть свободным от страха, требуется не сопротивление страху в течение какого-то времени — нужна энергия, способная встретить эту привычку и немедленно её уничтожить: это и есть внимание. Внимание — сама суть всякой энергии. Обратить своё внимание означает внимать всем своим умом, всем сердцем, отдать всю свою физическую энергию и с этой энергией встречать лицом к лицу, или осознавать, конкретную привычку; тогда вы увидите, что привычка не имеет более никакой власти — она исчезает мгновенно.

Человек, возможно, считает, что его различные привычки не особенно важны — они у него есть, и какое это имеет значение? — или он находит оправдание для своих привычек. Но если удастся установить в уме это качество внимания, то такой ум, осознающий факт, истину того, что энергия есть внимание и внимание необходимо для уничтожения любой конкретной привычки, такой ум, начиная осознавать какую-то конкретную привычку, или традицию, видит, что она приходит к концу, полностью.

У человека есть привычка сплетничать, или же он предаётся бесконечной болтовне ни о чём; если он начинает со вниманием осознавать это, он обретает ту необыкновенную энергию, которая не является продуктом сопротивления, как и большинство видов энергии. Эта энергия внимания есть свобода. Если человек понимает это по-настоящему очень глубоко — не как

теорию, но как подлинный факт, с которым он экспериментировал, который он увидел, полностью осознал, — можно продолжить исследование самой природы и структуры страха. И следует иметь в виду, что когда говоришь об этом довольно сложном вопросе, словесное общение между вами и ведущим беседу становится довольно трудным; если вы не слушаете с достаточным усердием и вниманием, общение невозможно. Если вы думаете об одном, когда ведущий беседу говорит о чём-то другом, общения, конечно, нет. Если вы озабочены своим конкретным страхом и уделяете ему всё ваше внимание, словесная связь между вами и ведущим беседу обрывается. Чтобы словесно общаться друг с другом, требуется качество внимания, в котором есть усердие, интенсивность, накал, страсть понять эту проблему страха.

Сопричастность важнее передачи информации. Передача информации словесна, сопричастность — нет. Два человека, хорошо знающие друг друга, полностью, мгновенно понимают друг друга без всяких слов, так как между ними установилась определённая форма связи, общения. Когда мы имеем дело с таким сложным вопросом, каким является проблема страха, требуются и сопричастность, и словесное общение. Иначе мы не действуем вместе. Итак, сказав всё необходимое, давайте рассмотрим проблему страха.

Дело не в том, что вам следует быть свободными *от* страха. В тот момент, когда вы стараетесь освободить себя от страха, вы создаёте сопротивление страху. Сопротивление в любой форме не прекращает страх, страх всегда будет оставаться, даже если вы попытаетесь убежать от него, контролировать его или подавлять. Бегство, контроль и подавление — всё это формы сопротивления, страх будет продолжаться, даже если вы наращиваете силу сопротивления. Итак, мы не говорим о том, чтобы быть свободными от страха. Свобода от чего-то — не свобода. Поймите это, прошу вас, ведь погрузившись в проблему с тем полным вниманием, о котором было только что сказано, вы должны покинуть этот зал без малейшего чувства страха. Это единственное, что действительно важно, а не то, что говорит или не говорит ведущий беседу, согласны вы с ним или нет; что важно, так это то, чтобы человек полностью, во всей своей жизни, во всём своём существовании, психологически, покончил со страхом.

Таким образом, дело не в том, что нужно быть свободным от страха или сопротивляться ему. Важно понять всю природу и структуру страха, *понять страх* — то есть узнать его, наблюдать его, войти с ним в непосредственный контакт. Мы обязаны познать страх, а не учиться, как его избегать, как привлекать для сопротивления ему мужество и тому подобное. Мы должны учиться, познавать. Что же это означает — «учиться», «познавать»? Ясно, что это — не накопление знаний о страхе. Было бы мало пользы в том, чтобы углубляться в исследование вопроса страха, если вы не понимаете это полностью. Обычно же считается, что познание предполагает накопление знаний о чём-то; если человек хочет выучить итальянский язык, он должен накапливать знание слов и их значений, грамматических и стилистических правил и так далее; накопив такие знания, он способен говорить по-итальянски. То есть имеет место процесс накопления знаний, приводящий впоследствии к действию; и в этот процесс вовлечено время. Мы же говорим, что подобное накопление не есть познание. Познание — всегда активное настоящее, а не результат накопленного ранее знания. Познание — процесс, действие, которое всегда происходит в настоящем. Большинство же из нас привыкло к идее, что прежде всего надо накопить информацию, знание, опыт, а уже исходя из них действовать. Мы говорим нечто совершенно иное. Знание — всегда в прошлом, и когда вы действуете, прошлое определяет это действие. Мы говорим, что познание — в самом действии, и потому оно не может быть накоплением в виде знания.

Познание страха происходит в настоящем, это что-то свежее. Если я встречаю страх с прошлым знанием, с прошлыми воспоминаниями и ассоциациями, я не встречаю страх непосредственно и потому не могу его познать. Я могу сделать это лишь когда мой ум является

свежим, юным. В этом вся наша трудность, ведь мы всегда подходим к страху с грузом ассоциаций, воспоминаний, случаев и переживаний, мешающим нам взглянуть на него заново и познать его вновь, по-новому. Существует много страхов — страх смерти, боязнь темноты, страх потерять работу, боязнь мужа или жены, страх оказаться незащищённым, страх не осуществиться, страх остаться нелюбимым, страх одиночества, страх не добиться успеха. Не являются ли все эти страхи выражением одного, центрального страха? Тогда встаёт вопрос: иметь ли нам дело с частными проявлениями страха или заняться страхом как таковым? Мы хотим понять природу страха, не то, как он выражается в каком-то отдельном направлении. Если мы сможем иметь дело с центральным фактором страха, мы сможем разобраться и в том, что нам делать и с его частными проявлениями. Поэтому не говорите о каком-то своём конкретном страхе: «Я должен разрешить этот вопрос», а поймите природу и структуру страха; тогда сможете справиться и с этим конкретным страхом. Поймите, насколько важно, чтобы ум пребывал в состоянии, в котором никакого страха нет вообще. Ведь когда есть страх, есть помрачение, отупление сознания; тогда ум ищет различные способы бегства и стимуляции в развлечениях разного рода: хождение в церковь, посещение футбола, слушание радио. Такой ум испуган, не способен на ясность и не знает, что значит любить; может быть, ему знакомо удовольствие, но что значит любить, этого он определённо не знает. Страх разрушает ум, страх делает ум уродливым. Существует физический страх и страх психологический. Есть физический страх перед опасностью, как при встрече со змеей или когда вы неожиданно оказываетесь на краю пропасти. Этот страх — физический страх перед встретившейся опасностью, — разве он не разумен? Вот здесь пропасть — я вижу её и немедленно реагирую, я не хожу по её краю. Так не является ли разумом тот страх, который говорит мне: «Будь осторожен — здесь опасно»? Этот разум был накоплен веками — ведь сколько людей упало в пропасть. Моя мама, мои друзья предупреждали меня быть осторожным с этой пропастью. Значит, в этом выражении физического страха присутствуют и функционируют в одно и то же время и память, и разум. Далее, существует уже психологический страх того физического страха, который был вами когда-то испытан. Скажем, страх перед болезнью, которая приносила столько боли. Помня про эту боль, которая есть чисто физическое явление, мы не хотим, чтобы она повторялась снова — у нас есть психологический страх перед не существующей в настоящий момент болью. Может ли этот психологический страх быть понят так, чтобы он больше не появлялся? У меня была боль — большинство людей знают, что это такое, — мне было больно на прошлой неделе или год назад. Боль была невыносимой, и я не хочу, чтобы она повторилась. Я боюсь, что это может вернуться. Что происходит в этом случае? Будьте очень внимательны. Есть память о боли, и мысль говорит: «Не позволяй боли вернуться снова. Будь осторожен!» Мысль о минувшей боли рождает страх её повторения. Мысль привносит страх в саму себя. Это особая форма страха — страх болезни, которая может повториться вместе со своей болью.

Существует много различных психологических страхов, которые являются производными мысли: страх перед тем, что может сказать сосед, страх не стать обеспеченным, уважаемым, не соблюсти общественную мораль — которая на деле аморальна, — страх потерять работу, страх одиночества, страх тревоги — тревога сама есть форма страха, — и всё то, что также основано на мысли и встречается в жизни.

Существуют не только сознательные страхи, есть также страхи, скрытые в глубинах психики, в глубинных пластах ума. Можно иметь дело с сознательными страхами, но страхи глубокие, замаскированные, не так просты. Как выявить эти подсознательные, глубинные, скрытые страхи? Может ли сознательный ум это сделать? Может ли сознательный ум с его активной мыслью снять покров с подсознательного, тайного? (Мы используем слово «подсознательный» не в его специальном смысле: что не осознаётся, о чём не знают, что в

скрытых пластах — вот и всё.) Может ли сознательный ум — ум, приученный приспособляться ради выживания, приученный согласовываться с имеющимися обстоятельствами, — вы знаете сознательный ум, как он ловок, изощрён, — может ли сознательный ум раскрыть всё содержание подсознания? Не думаю, что он может это. Ум способен раскрыть какой-нибудь пласт, который он истолкует в соответствии со своей обусловленностью. Но само это истолкование ещё больше обуславливает сознательный ум, так что он становится ещё менее способным исследовать следующий пласт полностью.

Человек видит, что обычное сознательное усилие исследовать более глубокое содержание ума становится чрезвычайно трудной задачей, если поверхностный ум не будет полностью свободным от обусловленности, от всех предрассудков и страхов; в противном случае ум не способен на наблюдение. Человек видит, что это для него чрезвычайно трудно, даже, скорее, просто невозможно. И он спрашивает: есть ли какой-то другой, совсем иной подход к этой проблеме?

Может ли ум опустошить себя от всех страхов через анализ, самоанализ, с помощью профессионального психоаналитика? Здесь существенно ещё одно обстоятельство. Когда я анализирую себя, всматриваюсь в себя, слой за слоем, я проверяю, сужу, оцениваю; я говорю: «это верно», «это неправильно», «это я сохраню», «это сохранять не буду». Когда я анализирую, отличаюсь ли я от того, что я анализирую? Я должен ответить на это сам, должен сам увидеть истинность этого. Отличается ли анализирующий от того, что анализируется, например, от ревности? Отличия нет, он сам и есть эта ревность, но анализирующий старается отделить себя от неё как отдельную сущность, которая говорит: «Я собираюсь наблюдать ревность и избавиться от неё, или войти с ней в контакт». Но ревность и анализирующий являются частями друг друга.

В процесс анализа вовлечено время, например, чтобы себя проанализировать, мне потребуется много дней или много лет. И по прошествии многих лет я всё ещё боюсь. Так что психоанализ — не выход. Психоанализ требует очень много времени, но когда дом горит, вы не присаживаетесь для анализа и не идёте к профессионалу, чтобы сказать: «Пожалуйста, расскажите мне всё обо мне», — вы должны действовать. Психоанализ есть форма бегства, лени и неспособности. (Для невротика, может быть, и хорошо сходить к психоаналитику — но даже и ему не избавиться таким образом от своего невроза полностью. Впрочем, это уже другой вопрос.)

Сознательный анализ бессознательного — это не выход. Ум, видящий это, говорит сам себе: «Я не буду больше анализировать, я вижу бесполезность этого»; «я не буду больше сопротивляться страху». Понимаете, что происходит с умом? Когда он отбрасывает традиционный подход, подход анализа, сопротивление, время, что происходит с самим умом? Он становится необыкновенно острым. Ум становится, благодаря необходимости наблюдения, необыкновенно интенсивным, острым, живым. Он спрашивает: существует ли иной подход к проблеме раскрытия своего содержания, всего минувшего, памяти расы и семьи, груза культурной и религиозной традиции, продукта двух тысяч или десяти тысяч лет? Может ли ум быть свободным от всего этого, отбросить всё это и тем самым отбросить весь свой страх? Итак, передо мной проблема, эту проблему острый ум — ум, отбросивший все виды анализа, необходимо требующего времени, и потому не имеющий для себя завтра, — должен разрешить окончательно, сейчас. Следовательно, никакого идеала нет; нет вопроса о будущем, говорящего: «Я буду свободен от этого». Значит теперь ум находится в состоянии *полного внимания*. Он более не убегает, он более не придумывает время как способ решения проблемы, он более не применяет анализ, не сопротивляется. Следовательно, сам ум имеет совершенно новое качество.

Психологи говорят: вы должны видеть сны, иначе можно сойти с ума. Мой вопрос: «Почему

я вообще должен видеть сны?» Можно ли жить так, чтобы сновидений вообще не было? — тогда ум сможет действительно отдохнуть. Он и так был активен весь день: он слушал, задавал вопросы, наблюдал за красивым облаком, за прекрасным лицом, за движением воды, за движением жизни, за всем, — он наблюдал, наблюдал; и когда ум засыпает, ему нужен полный покой, иначе он утром проснётся усталым, по-прежнему старым.

Поэтому спрашивается, есть ли способ вовсе не видеть снов? — так, чтобы ум за ночь получил полный отдых и приобрёл те качества, которые нельзя приобрести днём. Это возможно лишь тогда — это факт, не предположение, не теория, не выдумка, не надежда, — когда вы действительно бодрствуете, полностью бдительны в течение дня, наблюдая любое движение своей мысли и своих чувств, когда вы бдительны к каждому мотиву, к каждому сигналу и к каждому намёку того, что глубоко внутри, когда вы бдительны при разговоре, при ходьбе или слушая кого-то, когда вы наблюдаете своё честолюбие, свою ревность или свою реакцию на гимн «Слава Франции», когда читаете книгу, в которой написано «ваши религиозные верования — чепуха», наблюдаете, чтобы увидеть, что вовлечено в эту веру. Во время бодрствования действительно бодрствуйте, будьте чутки и бдительны, когда работаете, сидите в автобусе, разговариваете со своей женой, своими детьми, своим другом, когда курите — почему вы курите — когда читаете детектив — почему вы его читаете — когда идёте в кино — зачем — для возбуждения, ради секса? Когда вы видите красивое дерево или движение облаков по небу, полностью осознавайте то, что происходит внутри и вовне, и тогда, улёгшись спать, вы убедитесь, что не видите снов — а когда вы проснётесь на следующее утро, ваш ум будет свежим, впечатлительным и бодрым.

Париж, 13 апреля 1969

Мы говорили о хаосе в мире, громадном насилии, смятении, не только вне нас, но и внутри. Насилие идёт от страха, проблему которого мы уже рассматривали. Думаю, сейчас нам следует рассмотреть нечто, что для большинства из вас, возможно, несколько чуждо; но это должно быть рассмотрено, а не просто отвергнуто, говоря, что это иллюзия, фантазия и тому подобное.

На протяжении всей своей истории человек, сознавая всю краткость своей жизни, полной тревоги и печали, и сознавая неизбежность смерти, всегда формулировал идею, именуемую Богом. Он понимал — как и мы понимаем сейчас, — что жизнь скоротечна, и ему хотелось испытать что-то действительно великое, высшее, испытать то, что не сконструировано просто умом или чувствами. Ему хотелось получить опыт мира (или хотя бы нащупать дорогу к нему), который полностью отличался бы от того мира, в котором он живёт, превосходил бы его и лежал бы выше его убожества и страдания. Он надеялся найти этот трансцендентальный, неясный мир через поиск — он надеялся разыскать его. Нам следует тщательно исследовать данный вопрос: существует ли реальность, — не важно, какое имя даёт ей человек, — которая является совершенно иным измерением. Чтобы глубже вникнуть в эту проблему, следует, конечно, ясно сознавать, что недостаточно понимать только на словесном уровне, поскольку описание никогда не является описываемым, — слово — не вещь. Можем ли мы проникнуть в эту тайну — если тайной является то, во что человек всегда старался проникнуть или взять приступом, о чём молил, за что цеплялся, чему поклонялся, чему посвящал свою жизнь?

Жизнь является тем, что она есть: довольно поверхностным, пустым и сомнительным делом без особого смысла, — и человек стремится этот смысл придумать, сделать жизнь значимой. Чем умнее человек, тем сложнее, значительнее выдуманная им цель. Не найдя ни красоты, ни любви, ни чувства безмерного, человек может сделаться циничным, во всём разувериться. Человек видит, что абсурдно, нечестно и бессмысленно выдумывать идеологию, формулу жизни, утверждать, что Бог есть или его нет, в то время когда жизнь не имеет никакого смысла — что верно для той жизни, которую мы ведём, — в ней нет смысла. Так что давайте не выдумывать этот смысл.

Если мы сможем, давайте сами вместе выясним, существует или нет та реальность, которая не представляет собой лишь интеллектуальную выдумку, эмоциональную фантазию, не является бегством. Человек на протяжении всей своей истории утверждал, что существует реальность, к которой вы должны готовиться, для которой вы должны делать определённые вещи, дисциплинировать себя и сопротивляться всем видам соблазна, контролировать себя, контролировать секс, соответствовать образцу, установленному религиозным авторитетом, святыми и так далее. Вы должны также отвергать мир, уходить в монастырь, в пещеру, где сможете медитировать, пребывать в одиночестве и вдали от соблазнов. Мы видим абсурдность такой установки, так как человек не может реально уйти от этого мира, от «того, что есть», от страдания, от отвлекающих факторов и достижений науки. Что касается теологии, человек, несомненно, должен отказаться от всех систем теологии — от всех религиозных верований. Если он действительно отбрасывает веру в любой форме, никакого страха более нет.

Зная, что общественная мораль аморальна, мы понимаем, что человек должен быть чрезвычайно моральным, ибо, в конечном счёте, лишь морали под силу навести порядок как в

нас самих, так и в обществе; но такая мораль должна быть действием, не просто моралью идей и понятий, но подлинно моральным поведением.

Возможно ли дисциплинировать самого себя без подавления, контроля и бегства? Корневое значение слова «дисциплина» — это «учиться»; не подчиняться или становиться последователем кого-либо, не подражать или подавлять, но учиться, познавать. Сам акт познания требует дисциплины — дисциплины, не навязанной или приспособляющей вас к какой-либо идеологии, ни сурового аскетизма монаха. Тем не менее без подлинного аскетизма наше поведение в повседневной жизни приводит лишь к беспорядку. Человек может видеть, сколь жизненно важно иметь в самом себе полный порядок, подобный математическому, — порядок не относительный, не основанный на сравнении, не привнесённый влиянием окружения. Добродетельное поведение должно упрочиться настолько, чтобы ум был в полном порядке. Если же ум находится в состоянии боли, разочарования, подвержен влиянию окружения или приспособляется к общественной морали, тогда он неизбежно находится во внутреннем беспорядке и смятении; но беспорядочный ум не способен открыть истину.

Для того чтобы ум встретился с этой удивительной тайной — если она существует, — ум должен заложить фундамент поведения, мораль, которая не является моралью общества, мораль, в которой вообще нет никакого страха и которая поэтому свободна. Только тогда — заложив этот глубокий фундамент — ум способен пойти дальше, продолжить выяснять, что такое медитация, — то качество безмолвия, наблюдения, в котором не существует «наблюдающего». Если в жизни человека, в действиях человека, отсутствует эта основа правильного поведения, в медитации будет очень мало смысла.

На Востоке есть много школ, систем и методов медитации — включая дзэн, йогу, — которые были принесены на Запад. Человек должен иметь полную ясность в отношении утверждения, будто через метод, систему, через соответствие определённому образцу или традиции ум сможет достигнуть реальности. Можно видеть, насколько это абсурдно, независимо от того, принесено ли это с Востока или придумано здесь. Метод предполагает подчинение, повторение; предполагает, что имеется кто-то, достигший определённого просветления, кто говорит, что делать надо, а что не надо. И мы, жаждущие обладать этой реальностью, следуем за ним, соглашаемся, подчиняемся, практикуем то, что нам говорят, день за днём, как машины. Тупой, невосприимчивый ум, не обладающий значительной разумностью, понятливостью, может практиковать какой-либо метод бесконечно, становясь всё более и более тупым, более и более глупым. Он обретёт свой собственный «опыт» в границах своей собственной обусловленности.

Некоторые из вас, возможно, побывали на Востоке и изучали там медитацию. Существует целая традиция, стоящая за ней. В древности эта традиция распространялась в Индии и по всей Азии. Даже сейчас она всё ещё владеет умами, о ней пишут бесчисленное количество книг. Но любая форма традиции, этого пережитка прошлого, используемая для выяснения существования великой реальности, очевидным образом совершенно бесполезна. Ум должен быть свободным от любой формы духовной традиции, от её одобрения и поддержки; в противном случае человек полностью лишается высшей формы разумности.

Тогда что такое медитация, если она не традиционна? Она и не может быть традиционной, никто не может научить вас, вы не можете идти какой-либо особой дорогой и говорить: «На этом пути я узнаю, что такое медитация». Весь смысл медитации в том, чтобы ум стал совершенно спокойным, тихим; спокойным и тихим не только на сознательном уровне, но также на глубоких, тайных, скрытых уровнях сознания; настолько спокойным, тихим, чтобы мысль молчала, чтобы она не блуждала с места на место. Одна из доктрин традиции медитации — о традиционном подходе мы уже говорили — это необходимость контролировать мысль; но это

следует полностью отбросить, а чтобы отбросить, надо взглянуть на это внимательно, объективно, без эмоций.

Традиция утверждает, что вам следует иметь гуру, учителя, который поможет вам медитировать, он скажет вам, что делать. Запад имеет свою собственную форму традиции, традицию молитвы, созерцания, исповеди. Но в целом принцип тот, что кто-то уже знает, а вы не знаете, и тот, кто знает, собирается учить вас, дать вам просветление — и это предполагает авторитет, мастера, гуру, Спасителя, Сына Божия и так далее. Они знают, а вы не знаете; и они говорят: «Следуйте этому методу, этой системе, выполняйте это день за днём, практикуйте, и вы, если вам повезёт, достигнете конечной цели». Это означает, что вы обречены бороться с собой весь день, стараясь соответствовать системе или образцу, стараясь подавить свои собственные желания, склонности, свою зависть, ревность и честолюбие. И потому имеет место конфликт между тем, какой вы есть, и тем, каким вы должны быть в соответствии с системой. Это означает, что имеет место усилие; но ум, который делает усилие, никогда не сможет быть спокойным; через усилие ум никогда не может стать совершенно тихим.

Для достижения контроля над мыслью традиция предлагает концентрироваться. Концентрироваться — это просто сопротивляться, строить вокруг себя стену, защищать исключительное сосредоточение на одной идее, принципе, образе, или на чём-либо ещё. Традиция говорит, что вы должны пройти через это, чтобы поиск ваш был успешным. Она утверждает, что вы не должны допускать сексуальных проявлений, не должны обращать внимание на этот мир, как всегда говорили все святые, — которые были более или менее невротичными. Когда вы увидите и поймёте — не только на словах или интеллектуально, но на деле, — что всё это означает и с чем связано, — а это можно увидеть только тогда, когда вы не привержены этому и способны взглянуть на это объективно, — вы отбрасываете это полностью. Это следует сделать полностью, ибо тогда ум, в самом акте отбрасывания, становится свободным и следовательно разумным, сознающим, не подверженным власти иллюзий.

Чтобы медитировать, в самом глубоком смысле слова, человек должен быть добродетельным, моральным; это не мораль следования образцу, шаблону, требующая упражнения, соответствующая обычаю или общественному порядку, это мораль, которая приходит естественно, неотвратимо, сладостно, когда вы начинаете понимать себя, когда осознаёте свои мысли, свои чувства, свои действия, свои склонности, свои амбиции и прочее — осознаёте без всякого выбора, просто наблюдая. Из такого наблюдения следует правильное действие, ничего общего не имеющее с подчинением, или с действием в соответствии с идеалом. Когда это живёт глубоко внутри нас, во всей своей красоте и простоте, без тени грубости, — ведь грубость существует только рядом с усилием, — когда мы объективно, без симпатий и антипатий, рассмотрели все системы, методы и обещания, тогда мы способны отбросить всё это, так, что ум ваш будет свободен от прошлого; тогда мы сможем продолжить выяснять, что такое медитация.

Если вы не заложили такого фундамента, вы можете играть с медитацией, но смысла в этом нет — это сходно с играми людей, которые едут на Восток, обращаются к какому-нибудь знающему учителю, и он говорит им, как сидеть, как дышать, что делать, то или это, после чего они возвращаются и пишут книгу, и всё это суший вздор. Человек должен быть сам себе учителем и сам себе учеником; нет никакого авторитета, есть только понимание.

Понимание возможно лишь тогда, когда есть наблюдение без наблюдающего в роли центра. Вы когда-нибудь наблюдали, следили, пытались выяснить, что такое понимание? Понимание — не интеллектуальный процесс, не интуиция, не чувство. Когда говорят: «Я очень ясно понимаю что-то», — имеет место наблюдение из полной тишины, — только так и возможно понимание. Когда вы говорите, что понимаете, вы имеете в виду, что ум тихо этому внемлет, без согласия

или несогласия; это состояние, в котором слушание является полным, и только в нём имеет место понимание и это понимание является действием. Действие не следует за пониманием, это происходит одновременно, одним движением.

Итак, медитация — слово это так сильно перегружено традицией — это приведение ума и мозга, без усилия и какого-либо принуждения, к их наивысшей способности — к разумности, к величайшей восприимчивости, к чуткости. Мозг безмолвен; это хранилище прошлого, развивавшееся миллионы лет, непрерывно и беспрестанно активное, — этот мозг безмолвен.

Под силу ли это безмолвие мозгу, уму, который обусловлен на всё реагировать, отвечать на малейший стимул? Приверженцы традиции говорят, что это достижимо правильным дыханием, практикой осознания. Это вновь поднимает вопрос, «кто» является той сущностью, которая контролирует, практикует, перекраивает мозг? Не мысль ли, которая говорит: «Я — наблюдающий, я собираюсь контролировать мозг, положить конец мышлению»? Мыслящего порождает мысль.

Возможно ли для мозга — быть совершенно тихим? Это часть медитации — выяснять, возможно ли это, — не просто сказать вам, как это сделать; никто не может сказать вам, как этого добиться. Ваш мозг, столь сильно обусловленный культурой, каждым своим опытом, мозг как результат длительной эволюции, может ли он быть совершенно тихим? — ведь без этого всё, что он увидит или испытает, будет искажено, истолковано им в рамках своей обусловленности.

Какую роль играет сон в медитации, в жизни? Это довольно интересный вопрос, и если вы глубоко и самостоятельно это рассматриваете, вам многое открывается. Мы уже говорили, что сны не являются необходимостью. Мы говорили, что ум, мозг, должен быть полностью осознанным в течение дня, — внимательным к тому, что происходит снаружи и внутри. Осознавая внутренние реакции на внешние воздействия со всеми сопутствующими данным реакциям напряжениями, ум должен быть внимательным к сигналам подсознания, — а затем, в конце дня, он должен воспринять всё это, принять к сведению, учесть. Если вы этого не делаете, то, когда засыпаете, мозг будет продолжать работать и ночью, чтобы навести порядок внутри себя, — что очевидно. Если вы сделали всё это сознательно, то во сне вы познаёте совсем другие вещи, совершенно другое измерение; и это является частью медитации.

Существует закладывающее фундамент поведение, действие в котором — любовь. Существует отказ от всех традиций, так, чтобы ум был полностью свободен, мозг — совершенно спокоен, тих. Если вы глубоко вникните в это, вы увидите, что мозг может быть тихим — не от каких-то трюков, не от приёма наркотика, но благодаря активному и также пассивному осознанию в течение всего дня. И если в конце дня всё случившееся внимательно просматривается, и тем самым наводится в этом порядок, то во время сна мозг безмолвен, познавая иное движение.

Итак, всё тело, мозг, всё, безмолвно, без всякого искажения; только тогда, если какая-нибудь реальность существует, ум может воспринимать её. Её, эту безмерность, приглашать бесполезно, — но если она существует, если существует то, чему нет имени, то, что запредельно, тогда ложность или истинность этой реальности могут быть восприняты лишь таким умом.

Вы можете сказать: «Какое отношение всё это имеет к жизни? Я должен жить этой повседневной жизнью, ходить на службу, мыть тарелки, ехать в переполненном гремящем автобусе — как всё это соотносится с медитацией?» Медитация есть понимание жизни, каждодневной жизни со всеми её сложностями, страдания, печали, одиночества, отчаяния, страха, зависти, стремления стать знаменитым, добиться успеха; понимание всего этого есть медитация. Без понимания жизни любая попытка встретить тайну пуста, бессмысленна; это похоже на попытку дезорганизованного ума прийти к математическому порядку. Медитация имеет самое прямое отношение к жизни, это не уход в эмоциональное, экстатическое состояние.

Существует экстаз, не являющийся удовольствием; этот экстаз приходит только тогда, когда есть этот внутренний математический порядок в самом себе, порядок абсолютный. Медитация является образом жизни, повседневной жизни — только тогда может возникнуть и войти в жизнь то, что непреходяще, в чём нет времени.

Участник беседы: Кто же этот наблюдающий, тот, который осознаёт свои собственные реакции? Какая энергия при этом используется?

Кришнамурти: Смотрели ли вы на что-либо без реакции? Смотрели ли вы на дерево, на лицо женщины, на гору, на облако, на свет на воде — просто, чтобы увидеть это, не преобразовывая это в симпатию или отвращение, в удовольствие или мучение — просто, чтобы увидеть? В таком наблюдении, когда вы полностью внимательны, — есть ли наблюдающий? Сделайте это, сэр, меня не спрашивайте, — если вы делаете это, то вы выясните. Наблюдайте реакции, без суждения, не оценивая, ничего не искажая, — будьте полностью внимательны к каждой реакции, и в этом внимании вы увидите, что вообще нет никакого наблюдающего, мыслящего, переживающего.

Теперь второй вопрос: какая энергия используется для того, чтобы изменить что-то в самом себе, чтобы осуществить превращение, революцию в душе? Как обрести эту энергию? Сейчас у нас есть энергия, но она уходит в напряжение, в противоречие, в конфликт; энергия вложена в борьбу двух желаний, в борьбу между тем, что я должен сделать и что мне следовало бы сделать, это поглощает огромное количество энергии. Но если противоречия нет, у вас есть масса энергии. Вы посмотрите на свою собственную жизнь, на самом деле посмотрите на неё: она есть противоречие; вы хотите быть мирным человеком — и кого-то ненавидите; вы хотите любить — и вы честолюбивы. Это противоречие порождает конфликт, борьбу; в этой борьбе энергия растрачивается. Если нет вообще никакого противоречия, у вас имеется величайшая энергия, чтобы изменить, преобразить самого себя. Спрашивается, возможно ли это — не иметь противоречий между «наблюдающим» и «наблюдаемым», «переживающим» и «переживаемым», любовью и ненавистью? — эти противоположности, возможно ли жить без них? Возможно, когда существует факт и ничего кроме факта, — факта вашей ненависти, вашей склонности к насилию, но не их противоположности в форме идеи. Когда вы боитесь, вы придумываете этому противоположное — мужество, что является сопротивлением, противоречием, усилием, напряжением. Но когда вы полностью понимаете, что такое страх, — и не убегаете от него в противоположное, — когда вы отдаёте всё своё внимание страху, он не только останавливается, психологически, но также у вас достаточно энергии, чтобы встречать его лицом к лицу. Приверженцы традиции будут говорить, что для накопления такой энергии вы должны избегать секса и всего мирского, что вы должны концентрироваться, обращать свой ум к Богу, уйти из этого мира, избегать искушений, — всё для того, чтобы иметь эту энергию. Но человек остаётся человеком, со своими потребностями и склонностями, и внутри он горит сексуальными, биологическими устремлениями и побуждениями, хочет что-то сделать, сдерживает это, подавляет, — и тем растрачивает энергию. Но если вы живёте с фактом — и только с фактом, — если в момент раздражения вы понимаете, что раздражены, а не то, «как не раздражаться», если вы вникаете в это, живёте с этим, отдаёте этому всё своё внимание, — вы видите, что энергия имеется у вас в избытке. Именно эта энергия держит ум ясным, а сердце открытым, ибо избыток энергии — это избыток любви, а не идей или сентиментальных чувств.

Участник беседы: Что вы подразумеваете под экстазом, можете ли вы описать его? Вы говорите, что экстаз не является удовольствием? — что любовь не является удовольствием?

Кришнамурти: Что такое экстаз? Когда вы смотрите на облако, на игру света в этом облаке, там есть красота. Красота — это страсть. Чтобы увидеть красоту облака или красоту

света на том дереве, необходима страсть, необходима интенсивность. В этой интенсивности, в этой страсти нет никакой сентиментальности, чувства симпатии и антипатии. Экстаз не является личным — он не ваш и не мой, как и любовь не ваша и не моя. Когда есть удовольствие, оно ваше или моё. Когда есть этот медитативный ум, он обладает своим собственным экстазом — однако описать его невозможно, для его описания нет слов.

Участник беседы: Вы говорите, что не существует ни хорошего, ни плохого, что все реакции хороши, — вы это говорите?

Кришнамурти: Нет, сэр, я этого не говорю. Было сказано — наблюдайте свою реакцию, не называйте её хорошей или плохой. Называя её хорошей или плохой, вы создаёте противоречие. Приходилось ли вам смотреть на свою жену — простите за однообразие примеров — без образа, имеющегося у вас в отношении неё, образа, составленного вами за тридцать лет совместной жизни? У вас есть представление о супруге, а у неё есть представление о вас, эти представления контактируют вместо вас. Эти представления, эти образы, появляются тогда, когда вы невнимательны в своих отношениях, — именно невнимание порождает суждение. Можете ли вы смотреть на свою жену, не порицая, не оценивая её, говоря что она права или не права, просто наблюдать, не привнося в это своих предубеждений? Тогда вы увидите, что есть совершенно иной способ действия, вытекающий из такого наблюдения.

Париж, 24 апреля 1969

О НАСИЛИИ

Что такое насилие? Навязывание — у истоков психологического насилия. Необходимость наблюдать. Невнимание.

Кришнамурти: Цель этих обсуждений — творческое наблюдение: творчески наблюдать себя в момент наших бесед. Все мы должны внести свой вклад в любую тему, которую хотим обсудить, и нам необходима некоторая откровенность, честность — речь не идёт о грубости или бестактном выставлении напоказ чужой глупости или чьей-то разумности. Каждый из нас должен принять участие в обсуждении определённой темы, всего, что с ней связано. Чувство восприятия нового должно быть во всём, что мы обсуждаем или исследуем. Это творчество, не повторение старого, это выражение нового при открытии самих себя, когда мы выражаем себя словами. Тогда, думаю, наши обсуждения будут бесполезными.

Участник беседы (1): Могли бы мы рассмотреть более глубоко вопрос энергии — и то, как происходит её потеря?

Участник беседы (2): Вы говорили о насилии, о насилии войны, насилии нашего отношения к людям, насилии того, как мы думаем и смотрим на других. Но как быть с насилием самосохранения? Ведь если на меня нападёт волк, то я буду защищаться изо всех сил, яростно. Возможно ли в одной своей части быть насильственным, а в другой части — не быть?

Кришнамурти: Было предложение обсудить насилие — то насилие, когда человек искажает самого себя, чтобы соответствовать особому стереотипу общества или морали; но существует и проблема самосохранения. Где лежит граница, разграничение между самосохранением, которое иногда может нуждаться в насилии, и другими формами насилия? Вы хотите обсудить это?

Аудитория: Да.

Кришнамурти: Прежде всего мне хотелось бы предложить для обсуждения различные формы психологического насилия, а затем посмотреть, каково место самосохранения, когда на вас нападают. Интересно, что вы думаете о насилии? Что оно значит для вас?

Участник беседы (1): Это вид обороны.

Участник беседы (2): Это нарушение моего покоя, удобства, комфорта.

Кришнамурти: Что для вас означает насилие как чувство, как слово? Какова его природа?

Участник беседы (1): Это агрессия.

Участник беседы (2): Когда расстроен, становишься склонным к насилию.

Участник беседы (3): Человек склонен к насилию, когда у него что-то не получается.

Участник беседы (4): Ненависть в смысле взятия верха над кем-то или над чем-то.

Кришнамурти: Что насилие значит для вас?

Участник беседы (1): Выражение опасности, когда «я» вступает в действие.

Участник беседы (2): Страх.

Участник беседы (3): В насилии, несомненно, есть причинение кому-то или чему-то ущерба, боли, мысленно или физически.

Кришнамурти: Потому ли вы знаете насилие, что вы знакомы с ненасилием? Знали бы вы, что такое насилие, не зная его противоположности? Распознаёте ли вы насилие только из-за того, что вам знакомы состояния ненасилия? Каким образом вы знаете насилие? Поскольку человек агрессивен, склонен к соперничеству, и видит последствия всего этого, то есть насилие,

он придумывает ненасилие. Знали бы вы, что такое насилие, если бы не было его противоположности?

Участник беседы: Я не относил бы это к какой-то категории, но что-то я почувствовал бы.

Кришнамурти: Потому ли существует или возникает это чувство, что вы знаете насилие?

Участник беседы: Мне кажется, насилие причиняет нам страдание, это нездоровое ощущение, от которого мы хотим избавиться. Вот почему и хочется стать не склонным к насилию.

Кришнамурти: Я ничего не знаю о насилии, о ненасилии. Я не начинаю с какой-то идеи или формулы. Я действительно не знаю, что означает насилие. Я хочу выяснить это.

Участник беседы: Когда на человека нападают, когда причиняют боль или ущерб, такой опыт вызывает у него желание защитить себя.

Кришнамурти: Да, это понятно; об этом уже говорили. Я всё ещё стараюсь понять, что такое насилие. Хочу изучить, исследовать его, вырвать его с корнем, изменить его, — вы следите?

Участник беседы: Насилие — это отсутствие любви.

Кришнамурти: Вы знаете, что такое любовь?

Участник беседы: Мне кажется, что всё это идёт от нас.

Кришнамурти: Да, совершенно верно.

Участник беседы: Насилие идёт от нас.

Кришнамурти: Это правильно. Я хочу выяснить, идёт ли оно изнутри или извне.

Участник беседы: Это форма защиты.

Кришнамурти: Прошу вас, давайте не будем спешить. Это довольно серьёзная проблема — в неё вовлечён весь мир.

Участник беседы: Насилие растрчивает часть моей энергии.

Кришнамурти: Все говорят о насилии и ненасилии. Люди говорят: «Вы должны жить сильно, неистово», или, видя результат этого, они говорят: «Вы должны жить мирно». Чего только мы ни слышали от проповедников, от педагогов и прочих, чего только ни читали в книгах; но я хочу выяснить, есть ли возможность понять природу насилия, выяснить, какое место оно вообще занимает в жизни, что делает человека склонным к насилию, агрессивным, полным духа соперничества? Подчинение авторитету, даже благородному, — не включает ли насилие? Не входит ли насилие в дисциплину, налагаемую на человека обществом или им самим? Не является ли насилие конфликтом внутри и вовне? Я хочу понять, каково происхождение, истоки насилия; иначе я просто жонглирую словами. Склонность к насилию — естественна ли она в психологическом смысле? (Психофизиологические состояния мы рассмотрим позже.) Внутренне, является ли насилие агрессией, гневом, ненавистью, конфликтом, подавлением, приспособлением, подчинением? И не основано ли стремление соответствовать, следовать чему-то, на этих постоянных усилиях найти, достичь, стать, добиться, реализовать себя, быть благородным, и всё такое прочее? Всё это лежит в области психологии. Если мы не сможем исследовать это достаточно глубоко, мы не будем способны понять, как ввести новое состояние в нашу повседневность, которой требуется определённый уровень безопасности, самосохранения. Правильно? Так что давайте начнём отсюда.

Что вы считаете насилием? — не на словах, но на самом деле, внутренне?

Участник беседы (1): Это нарушение чего-то другого, применение к нему силы. Оно налагается на что-то, подавляя его.

Участник беседы (2): А если что-то отвергать?

Кришнамурти: Давайте начнём с подавляющего наложения, навязывания, применения силы к «тому, что есть». Я ревнив, и на это я накладываю идею не быть ревнивым: «Я должен не

быть ревнивым». Подавляющее наложение, навязывание, применение силы к «тому, что есть» — это насилие. Будем двигаться не спеша, постепенно, — и, возможно, одной этой фразой нам удастся охватить всё это явление насилия. «То, что есть» находится в постоянном движении, оно не статично. Я применяю к этому силу, налагая на это нечто, что, как мне кажется, «должно быть».

Участник беседы: Вы имеете в виду, что когда я чувствую гнев и считаю, что гнева не должно быть, тогда, вместо того, чтобы гневаться, я сдерживаю гнев. Это насилие? Или насилие имеет место тогда, когда я его выражаю?

Кришнамурти: Посмотрите вот на что: я чувствую гнев и, выпуская его наружу, ударяю вас, что даёт начало цепочке реакций, поскольку вы даёте мне сдачи. Само выражение этого гнева есть насилие. Но если на факт своего гнева я налагаю что-то ещё, а именно идею «не быть раздражённым», — не является ли и это также насилием?

Участник беседы: Я согласен с таким общим определением, но наложение должно быть грубым, жёстким, именно это делает его насилием. Если же вы налагаете, навязываете что-то постепенно, это уже не будет насилием.

Кришнамурти: Понимаю, сэр. Если вы навязываете что-то мягко, с тактом, это, по-вашему, не насилие. Я применяю силу к факту моей ненависти постепенно, мягко подавляя его. Но делаете ли вы это грубо или мягко, факт в том, что вы налагаете нечто на «то, что есть», подавляя его. Согласны ли вы с этим, более или менее?

Участник беседы: Нет.

Кришнамурти: Давайте исследуем это. Скажем, я честолобив, и я хочу стать величайшим в мире поэтом (или кем-либо в этом роде), но я разочарован, потому что у меня ничего не получается. Это разочарование, само это честолобие, есть форма насилия над фактом отсутствия поэтического таланта. Я разочарован, потому что вы — лучше меня. Не порождает ли это насилие?

Участник беседы: Любое действие против человека или вещи является насилием.

Кришнамурти: Прошу вас, всмотритесь в связанную с этим трудность. Есть факт, и есть силовое вмешательство в этот факт другим действием. Например, мне не нравятся русские или немцы или американцы, — и я навязчиво налагаю на реальность своё особое, индивидуальное мнение или политическую оценку; это форма насилия. Когда я навязываю вам что-либо — это насилие. Когда я сравниваю себя с вами (кто из нас более великий, более умный), я совершаю насилие над собой — разве это не так? Я склонен к насилию. В школе «Б» сравнивают с «А», который и лучше учится и с блеском пишет контрольные. Учитель говорит: «Б», бери пример с «А». Таким образом, когда он сравнивает «Б» с «А», имеет место насилие, в котором учитель разрушает «Б». Смотрите, получается, что когда тому, что *есть*, навязывается то, чему *следует быть* (идеал, идея совершенства, образ и прочее), существует насилие.

Участник беседы (1): Я чувствую по себе, что когда имеется какое-то сопротивление, какое-то противодействие, что-то, способное разрушать, рождается насилие; но если вы не сопротивляетесь, вы совершаете насилие над самим собой.

Участник беседы (2): Не имеет ли всё это отношение к «эго» — к «я», которое является корнем любого насилия?

Участник беседы (3): Допустим, я согласен с тем, что вы сказали обо всём этом. Предположим, вы кого-то ненавидите, и вы хотите избавиться от этой ненависти. Есть два подхода — насильственный подход и ненасильственный подход. Если вы приказываете себе устранить эту ненависть, вы совершаете над собой насилие. Если, с другой стороны, вы уделяете время, берёте на себя труд узнать и свои чувства и объект своей ненависти, вы постепенно преодолеваете ненависть. Тогда вы решаете проблему методом ненасилия.

Кришнамурти: Думаю, с этим всё ясно, сэр, не так ли? В настоящий момент мы не пытаемся выяснить, как избавиться от насилия, насильственным или ненасильственным образом, но пытаемся выяснить, как насилие появляется в нас. Что такое насилие внутри нас, психологически?

Участник беседы: В этом навязывании — нет ли в нём разрушения чего-то? В такой ситуации человек чувствует дискомфорт, и в нём начинает развиваться ещё большая склонность к насилию.

Кришнамурти: Крушение идей, представлений человека о действительности, его планов, его образа жизни и прочее порождает беспокойство. Это беспокойство вызывает насилие.

Участник беседы (1): Насилие может приходиться или извне, или изнутри. Обычно я порицаю насилие внешнее.

Участник беседы (2): Разве корень насилия — не фрагментация?

Кришнамурти: Прошу вас, есть очень много способов показать, что такое насилие и каковы причины насилия. Не можем ли мы увидеть один простой факт и начинать с него, медленно? Не можем ли мы понять, что любая форма навязывания, родителями — ребёнку, или ребёнком — родителям, учителем — ученику, обществом или церковью, — всё это формы насилия? Не можем ли мы согласиться с этим и начать отсюда?

Участник беседы: Навязывание идёт извне.

Кришнамурти: Мы делаем это не только вовне, но также внутри. Я говорю себе: «Я раздражён», и с напором налагаю на это идею, что я не должен раздражаться. Мы утверждаем, что это насилие. Когда диктатор подавляет людей, это насилие извне. Когда я подавляю то, что чувствую, потому что я боюсь, потому что то, что я чувствую, лишено благородства, чистоты и так далее, — это также насилие. Так что неприятие факта «того, что есть» вызывает это подавляющее наложение, навязывание. Если я принимаю факт моей ревности и не оказываю ей никакого сопротивления, то нет никакого подавляющего наложения, никакого навязывания; тогда я буду знать, что с ней делать. В этом не будет насилия.

Участник беседы: Вы говорите, что воспитание и образование являются насилием?

Кришнамурти: Есть ли способ воспитывать и давать образование без насилия?

Участник беседы: В соответствии с традицией, нет такого способа.

Кришнамурти: Проблема такова: и по своей природе, и в своих мыслях, и в том, как я живу, я — склонное к насилию человеческое существо, агрессивное, полное духа соперничества, жестокое, и всё такое прочее, — я именно таков. И я говорю себе: «Как мне жить по-другому?» — так как я вижу, что насилие приводит к колоссальным антагонизмам и разрушениям в этом мире. Я хочу понять насилие и освободиться от него, чтобы жить по-другому. И поэтому я спрашиваю себя: «Что представляет из себя насилие во мне самом?» «Следствие ли это разочарования из-за того, что я хочу быть знаменитым и знаю, что у меня это не получится, а потому ненавижу известных людей?» Я ревнив, но не хочу быть ревнивым и потому ненавижу это состояние, с его озабоченностью, страхом, раздражением, — и я начинаю подавлять свою ревность. Я делаю всё это, и я понимаю, что это — путь насилия. И я хотел бы выяснить — это что, неизбежно? Или есть возможность понять это, наблюдать за этим, овладеть этим, так, чтобы я жил по-иному? Вот почему я должен понять, что такое насилие.

Участник беседы: Это реакция.

Кришнамурти: Вы слишком быстры. Поможет ли это мне понять природу моего насилия? Я хочу вникнуть в это, выяснить. Я вижу, что до тех пор, пока есть двойственность — то есть насилие и ненасилие, — должен быть и конфликт, умножающий насилие. До тех пор, пока на тот факт, что я глуп, я с напором налагаю идею, что я должен быть умным, существует источник насилия. Когда я сравниваю себя с вами, превосходящим меня по всем статьям, — это также

насилие. Сравнение, подавление, контроль — всё это всегда указывает на форму насилия. И я именно таков. Я сравниваю, я подавляю, я честолюбив. Осознавая всё это — как мне жить без насилия? Я хочу найти способ жить без всей этой борьбы.

Участник беседы: Не является ли моё «я», моё «эго», тем, что борется с фактом?

Кришнамурти: Мы подойдём к этому. Надо, прежде всего, увидеть факт, увидеть то, что происходит. Вся моя жизнь, с момента, когда меня начали учить и до сих пор, есть форма насилия. Общество, в котором я живу, является формой насилия. Общество приказывает мне соответствовать, принимать, соглашаться, делать то, а это не делать — и я следую тому, что оно велит. Это форма насилия. И когда я бунтую против общества, это также является формой насилия (бунтую в смысле неприятия общественных ценностей). Я бунтую против этого, но затем я создаю собственные ценности, и они становятся шаблоном; и этот шаблон я накладываю или на других, или на самого себя — что становится другой формой насилия. Я живу такой жизнью. Иначе говоря — я склонен к насилию. Теперь, что же мне с этим делать?

Участник беседы: Прежде всего, вы должны спросить самого себя, почему вы не хотите больше быть склонным к насилию.

Кришнамурти: Потому что я вижу, что насилие сотворило в этом мире; войны вовне, конфликт внутри, конфликты во взаимоотношениях. Я вижу, что битва эта продолжается — вовне и внутри, — и я говорю: «Должен же быть другой способ жизни».

Участник беседы: А почему вам не нравится такое состояние дел?

Кришнамурти: Оно очень разрушительно.

Участник беседы: Тогда это означает, что вы сами в своей оценке выше всего ставите любовь.

Кришнамурти: Я ничего не оценивал. Я просто наблюдаю.

Участник беседы: Если вам не нравится что-то, значит вы это оцениваете.

Кришнамурти: Я не оцениваю, я наблюдаю. Наблюдаю и вижу, что война разрушительна.

Участник беседы: Что в этом плохого?

Кришнамурти: Я не говорю, плохо это или хорошо.

Участник беседы: Тогда почему вы хотите изменить это?

Кришнамурти: Я хочу изменить это, потому что моего сына убивают на войне, и я спрашиваю: «Нет ли способа жить, не убивая друг друга?»

Участник беседы: Значит, всё, что вы хотите сделать, — это поэкспериментировать с другим способом жизни, а затем сравнить новый способ с нынешним?

Кришнамурти: Нет, сэр. Я не сравниваю. Я уже объяснял это. Я вижу, что моего сына убивают на войне, и я спрашиваю, нет ли другого способа жизни? Я хочу понять, есть ли жизнь, в которой нет места насилию.

Участник беседы: Но предполагая...

Кришнамурти: Никаких предположений, сэр. Моего сына убивают, и я хочу найти способ жизни, при котором не убивали бы ничьих детей.

Участник беседы: То, чего вы хотите, является одной из двух возможностей.

Кришнамурти: Есть дюжина возможностей.

Участник беседы: Ваше стремление отыскать иной способ жизни так сильно, что вы желаете принять этот иной способ, каким бы он ни был. Вы хотите поэкспериментировать с ним и подвергнуть его сравнению.

Кришнамурти: Нет, сэр. Боюсь, вы настойчивы в том, что я недостаточно прояснил.

Либо мы принимаем существующий способ жизни, с его насилием и всем, что с этим связано, либо говорим, что должен быть иной способ жизни, и человеческий разум способен отыскать его, где насилия не существует. Это всё. И мы говорим, что это насилие будет

существовать до тех пор, пока сравнение, подавление, стремление соответствовать, насильственное приведение себя в согласие со стереотипом остаются принятым способом жизни. В этом присутствует конфликт, а потому и насилие.

Участник беседы: Почему возникает беспорядок? Не образуется ли он вокруг нашего «я»?

Кришнамурти: Мы подойдём к этому, сэр.

Участник беседы: То, что лежит в основе насилия, его корень, его суть — это, фактически, воздействие. Раз мы существуем, мы влияем на всё остальное. Я нахожусь здесь. Вдыхая воздух, я воздействую на содержимое этого воздуха. Поэтому я и говорю, что суть насилия заключена в самом факте воздействия, неотъемлемом от жизни. Когда мы воздействуем на что-то в состоянии разлада, в дисгармонии, мы называем это насилием. Но если мы находимся в гармонии с этим «что-то», то это другая сторона насилия — но и это, тем не менее, воздействие. Воздействовать можно против, тогда это насильственное нарушение, но можно воздействовать и «вместе с».

Кришнамурти: Сэр, могу я задать вам вопрос? Вас интересует насилие? Вы вовлечены в насилие? Озабочены ли вы насилием в самом себе и в мире в том смысле, что чувствуете: «Я не могу жить таким образом»?

Участник беседы: Когда мы восстаём, когда бунтуем против насилия, мы создаём проблему, ведь бунт — это насилие.

Кришнамурти: Понимаю, сэр. Но как же нам сдвинуться с мёртвой точки?

Участник беседы: Я не согласен с обществом. Бунт против идей, денег, эффективности и тому подобного — это моя форма насилия.

Кришнамурти: Да, понимаю. Поэтому такой бунт против существующей культуры, образования и прочего сам является насилием.

Участник беседы: Именно так я и понимаю своё насилие.

Кришнамурти: Хорошо; поэтому что теперь вы будете делать с этим? Мы пытаемся выяснить именно это.

Участник беседы: Я хотел бы это выяснить.

Кришнамурти: Я тоже хочу это выяснить. Так что давайте не будем от этого уходить.

Участник беседы: Если у меня есть проблема с человеком, я могу понять это достаточно ясно. Если я ненавижу кого-то, я это знаю; я противодействую этому. Но в отношении общества это невозможно.

Кришнамурти: Пожалуйста, давайте выясним это. Я бунтую против существующей моральной структуры общества. Я осознаю, что просто бунт против этой морали, без понимания истинной морали, является насилием. Что такое истинная мораль? Пока я не выясню этого, пока я не буду жить в соответствии с ней, просто возмущаться, восставать против структуры общественной морали имеет очень небольшое значение.

Участник беседы: Сэр, вы не можете знать насилие, если не имеете его в собственной жизни.

Кришнамурти: О! Вы говорите, что я должен жить, творя насилие, прежде чем смогу понять иное, отличное от такой жизни?

Участник беседы: Вы говорили, что для понимания подлинной морали вы должны жить ею, завоевать это жизнью. Вам необходима жизнь в насилиии, чтобы понять, что такое любовь.

Кришнамурти: Когда вы говорите, что мне следует жить именно так, вы уже накладываете на меня вашу идею о том, что такое любовь.

Участник беседы: Это всего лишь повторение ваших слов.

Кришнамурти: Сэр, существует общественная мораль, против которой я восстаю, потому что вижу её абсурдность. Что такое подлинная мораль, в которой насилие отсутствует?

Участник беседы: Не является ли истинной моралью контроль над насилием? Насилие очевидно существует в каждом; люди, так называемые высшие существа, осуществляют контроль над насилием, а в природе насилие присутствует постоянно и повсеместно: ураганы, убийство одного животного другим, гибель дерева.

Кришнамурти: Возможны более высокие формы насилия, более тонкие, трудноуловимые, и есть грубые, звериные его формы. Вся жизнь есть насилие, малое и большое. Если человек хочет выяснить, возможно ли выйти из всей этой структуры насилия, он должен серьёзно исследовать это, вникнуть в это. Вот именно это мы сейчас и пытаемся сделать.

Участник беседы: Сэр, что вы имеете в виду, когда вы говорите «вникнуть в это»?

Кришнамурти: Под «вникнуть в это» я подразумеваю, прежде всего, проверку, исследование «того, что есть». Но для того чтобы исследовать, необходима свобода от любого умозаключения, любого предварительного суждения. Тогда, с этой свободой, я рассматриваю проблему насилия. Вот что значит «вникнуть в это».

Участник беседы: Тогда что-то происходит?

Кришнамурти: Нет, ничего не происходит.

Участница беседы: Я вижу, что моя реакция на войну такова: «Я не хочу воевать»... Но я вижу, что моё действие — стараться держаться в стороне, жить в другой стране, не иметь дел с людьми, которые мне не нравятся, — я просто держусь в стороне от американского общества.

Кришнамурти: Дама говорит: «Я не хожу на демонстрации, не организую акций протеста, я просто не живу в стране, где всё это происходит. Я держусь подальше от людей, которые мне не нравятся». Всё это — форма насилия. Прошу вас, давайте уделим этому немного внимания. Давайте отдадим наши умы пониманию этого вопроса. Что делать человеку, видящему всю структуру поведения, политического, экономического, религиозного, в большей или меньшей степени включающего насилие, человеку, который чувствует себя пойманным в ловушку, созданную им самим?

Участник беседы: Можно ли сказать, что насилия не существует, но что мышление делает что-то насилием?

Кришнамурти: О! Я убиваю кого-то, и я думаю об этом — и только поэтому это убийство является насилием. Нет, сэр, не играем ли мы словами? Не вникнуть ли нам в это чуть поглубже? Мы видели, что как только я психологически навязываю себе идею или умозаключение, это рождает насилие. (В данный момент мы это примем.) Я жесток — и в своих словах, и в своих чувствах. Я накладываю, на это идею, я говорю, что не должен быть таким — и осознаю, что это навязывание является формой насилия. Что же мне делать с этим настроением жестокости, не пытаясь наложить на него что-то ещё? Могу ли я понять это без подавления этого, без любых вариантов бегства или подмены? Вот факт — я жесток. Это является для меня проблемой, и никакая масса объяснений и оправданий, никакие речи о том, что «вам следует, вам не следует» её не разрешат. Это та проблема, которая меня волнует, я хочу её решить, ибо вижу возможность существования другого способа жизни. Поэтому я говорю себе: «Как без конфликта я могу быть свободным от этой жестокости?», ведь в момент, когда я вношу конфликт в сам процесс освобождения от жестокости, я уже порождаю насилие. Поэтому прежде всего я должен ясно понимать, что означает конфликт. Если в отношении жестокости — от которой я хочу быть свободен — есть хоть какой-нибудь конфликт, в самом этом конфликте возвращается насилие. Как мне быть свободным от жестокости без конфликта?

Участник беседы: Следует её принять.

Кришнамурти: Интересно, что имеется в виду, когда говорится о принятии нашей жестокости. В этом всё дело! Я не принимаю или отвергаю её. Что толку говорить «прими её»? Факт состоит в том, что у меня, например, коричневая кожа — и это всё. Зачем мне принимать

или отвергать этот факт? Факт в том, что я жесток.

Участник беседы: Если я вижу, что я жесток, я принимаю это, понимаю это; но также боюсь действовать жестоко и мириться с этим.

Кришнамурти: Да. Я сказал: «Я жесток». Я не принимаю этого и не отвергаю этого. Это факт; и есть другой факт, что если существует конфликт в попытках избавиться от жестокости, есть насилие. Таким образом, мне приходится иметь дело с двумя обстоятельствами. С насилием, жестокостью и с необходимостью избавления от неё без усилия. Что же мне делать? Вся моя жизнь — это борьба и сражение.

Участник беседы: Проблема не в насилии, а в создании образа.

Кришнамурти: Этот образ оказывается наложенным — или человек сам его накладывает — на «то, что есть», верно?

Участник беседы: Это идёт от незнания своего истинного бытия.

Кришнамурти: Я не совсем понимаю, что вы подразумеваете под «истинным бытием».

Участник беседы: Подразумевается, что человек не отделён от мира, он *есть* мир, и поэтому человек ответственен за насилие, которое происходит вовне.

Кришнамурти: Да. Он говорит, что истинное бытие — в понимании того, что ты — это мир, а мир — это ты, и что жестокость и насилие — не нечто отдельное, но часть единого целого. Вы имеете в виду именно это, сэр?

Участник беседы: Нет. Это часть неведения.

Кришнамурти: Так вы говорите, что существует истинное «я» и есть незнание? Существуют два состояния — истинное бытие и оно же, но покрытое пеленой неведения. Почему? Это старая индийская теория. Откуда вам известно, что существует некое истинное бытие, покрытое пеленой иллюзии и неведения?

Участник беседы: Если мы поймём, что проблемы, которые у нас есть, существуют только в восприятии с точки зрения противоположностей, они исчезнут.

Кришнамурти: То есть всё, что требуется, — это не думать на языке противоположностей. Это просто идея или вы это делаете?

Участник беседы: Сэр, разве двойственность — не внутренне присущее мысли качество?

Кришнамурти: Мы подходим к сути и отдаляемся от неё. Я знаю: я жесток — по различным причинам психологического порядка. Это факт. Как мне быть свободным от этого без усилия?

Участник беседы: Что значит «без усилия»?

Кришнамурти: Я уже объяснял, что я подразумеваю под усилием. Если я подавляю жестокость, в этом есть усилие, в том смысле, что налицо противоречие — жестокость и желание не быть жестоким. Существует конфликт между «тем, что есть» и тем, что «должно быть».

Участник беседы: Если я действительно наблюдаю, смотрю на это, я не могу быть жестоким.

Кришнамурти: Я хочу выяснить, а не принимать формулировки или утверждения. Я хочу выяснить, возможно ли вообще быть свободным от жестокости. Возможно ли быть свободным от жестокости без подавления, без бегства, без попыток справиться с ней силой? Что делать?

Участник беседы: Единственное, что нужно делать, — выявить жестокость, сделать её видной.

Кришнамурти: Чтобы жестокость стала явной, я должен позволить ей выйти, показать себя — не в том смысле, что я стану ещё более жестоким. Почему я не позволяю ей показать себя? Прежде всего, я этого страшусь. Я не знаю, не приведёт ли это к тому, что я стану ещё более жестоким. И позволив ей проявиться, буду ли я в состоянии понять её? Смогу ли я

посмотреть на неё очень пристально, очень внимательно? Я смогу сделать это, только если в тот момент, когда жестокость стала явной, сойдутся вместе моя энергия, мой интерес и настоятельная потребность. В этот момент у меня должна быть настоятельная потребность понять жестокость, мой ум должен быть лишён какого бы то ни было искажения, я должен иметь огромную энергию, чтобы наблюдать. В тот момент, когда моя жестокость становится явной, эти три обстоятельства должны немедленно реализоваться. Это значит, что я достаточно чуток и свободен, чтобы иметь такую жизненную энергию, такую интенсивность, такое внимание. Как мне обрести такое интенсивное внимание? Как достичь этого?

Участник беседы: Если мы достигаем такой точки, когда мы с невероятной силой желаем это понять, — мы уже обладаем таким вниманием.

Кришнамурти: Понимаю. Я лишь спрашиваю: «Возможно ли быть внимательным?» Подождите, поймите что подразумевается под этим, что с этим связано. Не давайте определений, не привносите в это новый набор слов. Вот я. Я не знаю, что такое внимание. Возможно, я никогда ничему не уделял внимания, ибо большую часть своей жизни был невнимателен. Внезапно появляетесь вы и говорите: «Послушайте, проявите внимание, будьте внимательны в отношении жестокости»; и я говорю: «Да, я буду», — но что это означает? Откуда мне взять состояние внимания? Существует ли метод? Если метод и существует, если я могу упражняться, чтобы стать внимательным, на это потребуется время. И в течение всего этого времени я буду оставаться невнимательным — и потому приносить новое разрушение. Поэтому всё это должно произойти немедленно!

Я жесток. Я не буду подавлять жестокость, не буду убегать от жестокости; это не означает, что я решил не убегать и не подавлять. Но я вижу и понимаю, разумом, что подавление, контроль и бегство никогда не решают проблемы — поэтому я всё это отбрасываю. Теперь у меня есть тот разум, который появляется с пониманием тщетности подавления, бегства, попыток преодолеть. С этим разумом я исследую, наблюдаю жестокость. Я понимаю, для такого наблюдения необходимо громадное внимание, а для того, чтобы иметь это внимание, я должен очень тщательно следить за своим невниманием. Так что моя забота — осознавать своё невнимание. Что это значит? Ведь если я стараюсь практиковать внимание, это превращается в нечто механичное и застывшее, так что в таких попытках нет смысла. Но если я становлюсь внимательным к своему невниманию, если осознаю его, я начинаю понимать, как возникает внимание. Почему я невнимателен к чужим чувствам, к тому, как я разговариваю, как ем, к тому, что люди говорят и делают. Через понимание негативного состояния я перехожу к позитивному — то есть к вниманию. Так я исследую, стараясь понять, как возникает невнимательность. Это очень серьёзный вопрос, так как весь мир охвачен огнём. Если я — часть этого мира, если этот мир есть я, то моя обязанность этот пожар потушить. Так что с этой проблемой мы попали в беду, оказались на мели. Ведь именно отсутствие внимания и породило весь этот хаос в мире. Мы видим курьёзный факт, что невнимание является отрицанием — недостатком внимания, недостаточным «присутствием» в этом моменте. Как настолько полно осознавать невнимание, чтобы это превращалось во внимание? Как полностью, немедленно, мне осознать эту жестокость в себе, сделать это с огромной энергией, так, чтобы не было никакого трения, никакого противоречия, чтобы осознание было полным, целостным? Как мне это осуществить? Мы говорим, что это возможно только когда имеется полное внимание; но полного внимания нет, так как наша жизнь проходит в растрате энергии из-за невнимания.

Кришнамурти: Человек изменился не слишком глубоко. Мы говорим о радикальной революции в человеке, а не о наложении нового стереотипа поведения поверх старого. Нас интересует лишь фундаментальная перемена в том, что в действительности происходит внутри нас. Как мы говорили, мир и мы — не две разные, отдельные сущности: мир — это мы, и мы — это мир. Вызвать величайшую переменную в самой основе нашего бытия, революцию, мутацию, преобразование — неважно, какое слово использовать — вот то, чем мы занимаемся в ходе этих обсуждений.

Вчера мы спросили — может ли человек ясно взглянуть на самого себя без всякого искажения, искажения, которое является желанием оценить, осудить, достичь, избавиться от «того, что есть»? Всё это препятствует ясному восприятию, мешая человеку точно, интимно, вблизи наблюдать «то, что есть». Поэтому мне кажется, что этим утром нам следует провести время в дискуссии, обсуждая вместе природу наблюдения, — то, как мы смотрим, как слушаем и видим. Мы попытаемся выяснить, возможно ли вообще смотреть не только одной частью нашего существа, зрительно, интеллектуально, эмоционально. Возможно ли это вообще — наблюдать очень внимательно, близко, и без какого бы то ни было искажения? Имеет смысл вникнуть в это. Что это значит — видеть? Можем ли мы взглянуть на себя, на свою реальную основу, сотканную из зависти, жадности, озабоченности, страха, лицемерия, обмана, тщеславия? Можем ли мы без какого-либо искажения просто наблюдать это?

Можем ли мы этим утром потратить некоторое время, пытаясь выяснить, что это значит — смотреть? Познание, то есть когда вы учитесь, — постоянное движение, постоянное изменение. Это не значит что-то «изучить», «узнать» и смотреть из этой достигнутой точки. Слушая то, что говорится, и при этом наблюдая за собой немного, мы что-то познаём, испытываем, переживаем; и из того познания и переживания мы смотрим. Мы смотрим через память о том, что познали и пережили; с этим воспоминанием в мыслях мы смотрим, наблюдаем. Следовательно, это не наблюдение, не познание. Познание предполагает ум, который познаёт каждый раз заново. Поэтому он всегда чист и свеж для познания. И понимая это, мы перестаём быть озабоченными накоплениями памяти, — нас скорее интересует наблюдение — видеть то, что в действительности имеет место. Мы тогда постараемся быть бдительными, внимательными, чтобы увиденное и познанное не превратилось в воспоминание, через которое мы смотрим, — что было бы искажением. Смотреть каждый раз так, как будто делаешь это впервые! Смотреть на «то, что есть», наблюдать «то, что есть» через память — значит позволить ей диктовать или формировать или руководить вашими наблюдениями, а потому исказить «то, что есть». Можем ли мы продолжать отсюда?

Мы хотим выяснить, что значит наблюдать. Учёный смотрит через микроскоп и близко наблюдает какой-то внешний объект; наблюдает он его без каких-либо предвзятых мнений, хотя и с определённым запасом знаний, который он должен иметь, чтобы смотреть. Но мы наблюдаем всю структуру, всё движение жизни — целое живое существо, которое является «мною». Наблюдать его следует не интеллектуально, не эмоционально, не основываясь на выводах о верном и неверном, о том, что что-то «должно быть», а чего-то «быть не должно». Итак, прежде чем мы сможем смотреть, наблюдать близко, непосредственно, мы должны

осознать этот процесс оценки, суждения и формирования выводов, процесс, постоянно продолжающийся и мешающий наблюдению.

Нас сейчас интересует не само наблюдение, а что это такое — то, что наблюдает. Является ли инструмент, который наблюдает, загрязнённым, перекошенным, искривлённым, отягощённым? Инструмент, который наблюдает, — это вы сами, потому важно не просто смотреть, но наблюдать самого себя. Если у меня есть идея, например, национализма, и я наблюдаю с такой глубокой обусловленностью, с таким убеждением в племенной исключительности, которое называется национализмом, очевидно, что я смотрю с большой долей предубеждённости; поэтому я не смогу видеть ясно. Или, если я боюсь смотреть, мой взгляд, очевидно, также будет искажённым. Или, если я жажду просветления или более высокого положения или чего бы то ни было ещё, то это также помешает ясности восприятия. Следует сознавать всё это, быть сознательным к инструменту, который наблюдает, и сознавать, чист ли он.

Участник беседы: Если человек наблюдает и приходит к заключению, что инструмент не чист — что тогда ему делать?

Кришнамурти: Пожалуйста, следите за этим внимательно. Мы говорили: наблюдайте «то, что есть», наблюдайте основную эгоистическую, эгоцентрическую активность, то, что сопротивляется, что испытывает разочарование или упадок, что сердится, — наблюдайте всё это. Затем мы сказали: следите за инструментом, который наблюдает, и выясняйте, чист ли он. От факта мы перешли к инструменту, который должен наблюдать. Мы проверяем, чист ли этот инструмент, и обнаруживаем, что он не является чистым. Что нам в таком случае делать? Имеет место обострение разума: раньше я был озабочен лишь наблюдением факта, «того, что есть», я следил за этим — и вот я отошёл от этого и говорю: «Я должен следить за инструментом, который наблюдает, за тем, чист ли он». В самом этом исследовании — разумность, вы понимаете? Тем самым имеет место обострение разумности, разума, обострение ума, мозга.

Участник беседы: Не предполагает ли это, что существует такой уровень сознания, в котором нет деления, нет обусловленности?

Кришнамурти: Я не знаю, что это предполагает. Я просто двигаюсь потихоньку. Движение не фрагментарно. Движение не расколото. Раньше, когда я смотрел, у меня не было разумности. Я говорил: «Я должен изменить это»; «Мне не следует изменять этого»; «Этого не должно быть»; «Это хорошо, а это плохо»; «Это должно быть» — и тому подобное. С такими умозаключениями я наблюдал, и ничего не происходило. Сейчас же я понимаю, что инструмент должен быть необыкновенно чистым — чтобы он наблюдал. Так что это единое непрерывное движение разума, а не фрагментарное состояние. Я хочу продолжить это.

Участник беседы: Является ли разум сам по себе энергией? Ведь если он зависит от чего-то, он выдохнется и потерпит крушение.

Кришнамурти: Пусть нас это не волнует пока; оставим на время вопрос об энергии.

Участник беседы: Вы этим уже овладели, а для нас это выглядит как всё большее совершенствование, всё большая изощённость, но с тем же самым побуждением, с той же самой движущей энергией.

Кришнамурти: Является ли то, что здесь имеет место, всё большей изощённостью? Или ум, мозг, всё существо стали крайне вялыми и тупыми под воздействием различных факторов, таких, как всякое давление, деятельность и тому подобное? Мы говорим, что всё наше существо должно быть полностью пробуждённым.

Участник беседы: Это довольно мудро.

Кришнамурти: Погодите, я к этому подхожу, вы поймёте. Разум не эволюционирует. Разум не является продуктом времени. Разум — способность чуткого осознания «того, что есть». Мой

ум туп, и я говорю: «Я должен посмотреть на себя», — и этот тупой ум пытается на себя посмотреть. Очевидно, что он ничего не увидит. Ведь такой ум сопротивляется, отвергает, приспособливается; то, что смотрит, — просто респектабельный, буржуазный, мелочный, ограниченный ум.

Участник беседы: Вы начали с того, что говорили об идеологических системах морали, а сейчас вы идёте дальше, предлагаете нам использовать самонаблюдение и говорите при этом, что все другие системы и несерьёзны и бесполезны. Не является ли и это также идеологией?

Кришнамурти: Нет, сэр. Напротив, я говорю, что если вы смотрите через призму любой идеологии, включая мою, — вы пропали, вы вообще не смотрите. У вас так много идеологий, респектабельных, нереспектабельных, прочих; с этими идеологиями в вашем мозгу, в вашем сердце, вы смотрите. Эти идеологии сделали тупыми ваш мозг и ваш ум — всё ваше существо. Теперь этот отупевший ум наблюдает. Очевидно, что бы он ни наблюдал, как бы ни медитировал, куда бы ни летал, — даже на луну, — он останется всё тем же тупым умом. Итак, этот тупой ум наблюдает, а кто-то приходит и говорит: «Послушайте, друг мой, вы скучный, глупый человек, и то, что вы увидите, будет таким же скучным и глупым; из-за того, что у вас тупой и скучный ум, всё то, что вы увидите, неизбежно также будет глупым, скучным». Это великое открытие: отупевший ум, смотрящий на нечто чрезвычайно живое, делает то, что он видит, также скучным и глупым.

Участник беседы: Но тогда выхода нет.

Кришнамурти: Подождите, идите медленнее, прошу вас. Продвигайтесь шаг за шагом вместе с тем, кто говорит.

Участник беседы: Если тупой ум понимает, что он туп, этот ум не такой уж и тупой.

Кришнамурти: Но я не понимаю этого! Было бы чудесно, если бы тупой ум понял, что он туп, но этого нет. Или он старается навести на себя побольше глянца, становясь умом эрудированным, научным и так далее, или, если он осознаёт свою тупость, говорит: «Этот тупой ум не может ясно видеть». Так что следующий вопрос: как этому тупому и покрытому плесенью уму стать необыкновенно разумным? Что может сделать инструмент наблюдения чистым?

Участник беседы: Вы утверждаете, что когда ум ставит вопрос таким образом, он перестаёт быть тупым? Но возможно ли делать разумные вещи по недоразумению?

Кришнамурти: Нет. Мне хотелось бы, чтобы вы оставили свои умозаключения и выясняли бы, что говорит ведущий беседу.

Участник беседы: Нет, сэр. Не надо уходить от этого.

Кришнамурти: То, о чём вы говорите, сводится к попытке овладеть чем-то, что сделает тупой ум острее, яснее. Я говорю о другом. Я говорю: «Наблюдайте тупость».

Участник беседы: Без непрерывного движения и развития?

Кришнамурти: Наблюдать тупой, вялый ум без непрерывного развития искажения — как такое может случиться? Смотрит мой тупой ум — значит, увидеть ничего нельзя. Я спрашиваю себя: «Как можно сделать ум живым, ярким?» Возник ли этот вопрос из-за того, что я сравнил тупой ум с другим, более действенным и смышлёным умом и сказал себе: «Я должен быть таким же»? Вы следите? Само это сравнение является продолжением тупости ума.

Участник беседы: Способен ли тупой ум сравнивать себя с умом более сильным?

Кришнамурти: А разве он не сравнивает себя всё время с более ярким умом? Разве не это мы называем эволюцией ума?

Участник беседы: Тупой ум не сравнивает, он говорит: «Зачем мне всё это надо?» Или можно было бы выразить это и немного иначе: человек верит, что если он сумеет немного поумнеть, он достигнет чего-то большего.

Кришнамурти: Да, это одно и то же. Итак, я открыл кое-что. Тупой ум говорит: «Я глуп,

если сравнивать; глуп потому, что тот человек умнее меня». Тупой ум не осознаёт, что он глуп сам по себе. Есть два различных состояния. Или я осознаю, что я глуп, сравнивая себя с вами, — это одно. Или я осознаю, что глуп, сам по себе, без сравнения, — но это уже совсем другое дело. Что у вас? Сравниваете ли вы себя и потому говорите, что у вас тупой ум? Или вы осознаёте это без сравнения? Возможно ли такое? Пожалуйста, не уходите от этого ещё немного.

Участник беседы: Сэр, а это возможно?

Кришнамурти: Прошу вас, уделите этому ещё пару минут. Осознаю ли я, что я голоден, потому что вы мне об этом сказали или потому что я чувствую голод? Если вы мне говорите, что я голоден, я могу почувствовать лёгкий голод, но этот голод не настоящий. Если же я проголодался, я действительно голоден. Поэтому я должен очень чётко выяснить, не результат ли сравнения моя тупость. После этого я могу двигаться дальше.

Участник беседы: Это подействовало на вас таким образом, что вы можете отбросить всё это и интересоваться только тем, тупой вы или нет?

Кришнамурти: Потому что я вижу истину того, что сравнение делает ум тупым. Когда в школе одного ребёнка сравнивают с другим ребёнком, этим сравнением ребёнка разрушают. Если вы говорите младшему брату, что он должен быть таким же умным, как его старший брат, вы тем самым ломаете младшего брата — разве не так? Вы не интересуетесь и не занимаетесь младшим братом, вас интересует смыслённость старшего.

Участник беседы: Способен ли тупой ум наблюдать, выяснять, понимать, если он туп?

Кришнамурти: Мы собираемся это выяснить. Прошу вас, давайте начнём ещё раз. Неужели мы не в состоянии за целое утро сдвинуться с места?

Участник беседы: Пока есть этот мотив, какой смысл в том, глуп я сам по себе или в сравнении?

Кришнамурти: Мы собираемся в этом разобраться. Прошу вас, двигайтесь несколько минут вместе с ведущим беседу, не принимая, не отвергая, но наблюдая за самим собой. Мы говорили в самом начале этого утреннего обсуждения, что революция должна произойти в самих основах нашего бытия, что возможно только тогда, когда мы знаем, как наблюдать себя. Наблюдение зависит от живости, чистоты и открытости наблюдающего ума. Но в большинстве своём мы тупы, и мы говорим, что когда мы смотрим, мы ничего не видим. Мы видим гнев, ревность и прочее, но это ни к чему не приводит. Итак, мы интересуемся тупостью ума, не тем, на что он смотрит. Этот тупой ум говорит: «Я должен быть умнее, чтобы наблюдать». У него есть шаблон, образец сообразительности, и он старается стать таким же. Некто говорит этому уму: «Любое сравнение порождает тупость». Поэтому ум говорит: «Я должен быть очень внимателен и осторожен с этим, я не стану сравнивать. Я узнал, что такое глупость, только через сравнение. Если я не буду сравнивать, как же я узнаю, что я глуп?» Поэтому я говорю себе: «Я не буду называть это глупостью». Я вообще не буду использовать слово «глупость». Я буду лишь наблюдать «то, что есть», не называя это никак. Ведь в момент, когда я называю это глупостью, я уже дал этому имя и сделал это глупым. Но если я не называю это глупостью, только наблюдаю, я устранил сравнение, устранил слово «глупый», и есть только «то, что есть». Это не так уж трудно, согласны? Прошу вас, наблюдайте это сами. Посмотрите, что сейчас произошло! Взгляните, где находится мой ум в данный момент.

Участник беседы: Я вижу, что мой ум — слишком медленный.

Кришнамурти: Пожалуйста, просто слушайте. Двигаться я буду очень медленно, шаг за шагом.

Как я осознаю, что мой ум тупой? Потому что вы сказали это мне? Потому что я прочёл книги, показавшиеся мне необычайно умными, сложными и утончёнными? Или я видел блистательных людей и потому, сравнивая себя с ними, называю себя глупым? Я должен это

понять. Поэтому я не буду сравнивать; я отказываюсь сравнивать себя с кем-то ещё. Понимаю ли я в этом случае, что я туп? Не мешает ли слово «тупость» мне наблюдать? Или это слово занимает место «того, что действительно есть»? Понимаете? Итак, я не буду использовать слово, не стану называть ум тупым, не стану называть ум медленно работающим, не стану называть его как-либо ещё — но выясню, пойму «то, что есть». И тем самым я избавился от сравнения, а это наиболее тонкая вещь. Мой ум стал необычайно разумным, ибо он не сравнивает, не использует слово, чтобы увидеть с его помощью «то, что есть», он понял, что описание не совпадает с тем, что описывается. Так что же это, в действительности, такое — «то, что есть»? Можем ли мы двигаться дальше отсюда? Я наблюдаю «то, что есть», ум наблюдает за своим собственным движением. Имеется ли при этом осуждение того, что наблюдается, суждение и оценка? — вы не говорите: «Это должно быть», «Этого быть не должно»? Есть ли у ума какая-либо формула, какой-либо идеал, какое-либо решение, какой-либо вывод, которые неизбежно исказят «то, что есть»? Я должен это выяснить. Если я пришёл к какому-нибудь выводу, заключению, я не могу наблюдать. Если я моралист, если я уважаемый человек, христианин, ведантист, или «просветлённый человек», то или это, всё это препятствует моему наблюдению. Следовательно, я должен быть свободным от всего этого. Я слежу, не появляется ли у меня какого-либо завершающего вывода. Поэтому ум стал необычайно ясным, и он спрашивает: «Есть ли страх?» Я наблюдаю это и говорю: «Есть страх, есть желание безопасности, есть стремление к удовольствию» и так далее. Я вижу, что для меня наблюдение невозможно до тех пор, пока присутствует хоть какой-то завершающий вывод, пока имеет место хоть какое-то приносящее удовольствие движение. Итак, я наблюдаю; я обнаруживаю свою склонность к традиции и понимаю, что традиционный ум не может наблюдать. Мой глубочайший интерес состоит именно в наблюдении, и этот интерес показывает мне опасность любого завершающего вывода. Таким образом, само восприятие опасности ликвидирует эту опасность. Теперь в моём уме нет путаницы, нет завершающих выводов, он не мыслит на языке слов и описаний, и он не сравнивает. Такой ум может наблюдать, и то, что он наблюдает, есть он сам. Это означает, что революция произошла. Теперь вы исчезли — совсем исчезли!

Участник беседы: Не думаю, что эта революция произошла. Сегодня мне удалось взглянуть на ум так, как вы говорите, ум стал острее, но завтра я забуду, как это делать.

Кришнамурти: Вы не сможете забыть это, сэр. Забудете ли вы змею? Забудете ли вы пропасть? Забудете ли про бутылочку с надписью «яд»? Вы не сможете забыть это. Джентльмен спросил: «Как мне почистить инструмент?» Мы сказали: чистка инструмента — в осознании того, что делает инструмент тусклым, пыльным, нечистым. Мы описали, что делает его таким, и сказали также, что описание не является реальной описываемой вещью; так что не попадайтесь в ловушку слов. Оставайтесь с описываемой вещью, с тем инструментом, который стал негодным, мутным.

Участник беседы: Если вы наблюдаете себя таким образом, как вы это описываете, наверняка тогда вы чего-то ожидаете.

Кришнамурти: Я не ожидаю преобразования, просветления, какой-либо перемены. Я ничего не ожидаю, потому что я не знаю, что произойдёт. Я ясно понимаю только одно — что инструмент, который наблюдает, не чист, он мутный, он потрескался. Это всё, что я знаю, и ничего больше. И моя единственная забота: как можно добиться того, чтобы инструмент был целым, здоровым?

Участник беседы: Почему вы наблюдаете?

Кришнамурти: Я в огне, а мир — это я. Я в ужасном волнении, в ужасном смятении — и где-то во всём этом должен быть какой-то порядок. Именно это заставляет меня наблюдать. Но если вы говорите: «С этим миром всё в порядке, беспокоиться не стоит, у меня хорошее

здоровье, есть немного денег, есть жена, дети, дом, бросьте всё это», — тогда, конечно, мир не в огне. Но ведь он *в огне*, нравится вам это или нет. Именно это заставляет меня наблюдать, не какая-то интеллектуальная концепция или эмоциональное возбуждение, но реальный факт, что мир в огне: войны, ненависть, обман, идолы, ложные боги и тому подобное. Восприятие того, что происходит снаружи, заставляет меня осознавать внутреннее. И я говорю, что внутреннее состояние есть внешнее состояние, оба они — одно, неделимое.

Участник беседы: Вы вернулись к самому началу. Фактом является то, что глупый ум не видит этого, потому что сравнивает. Он будет думать, что ему следует измениться.

Кришнамурти: Нет, это не верно. Я не хочу быть другим! Я только вижу, что инструмент — мутный. Я не знаю, что делать с этим. Поэтому я собираюсь выяснить, что вовсе не означает, что я хочу поменять инструмент. Я этого не хочу.

Участник беседы: Является ли использование *любого* слова препятствием в наблюдении?

Кришнамурти: Слово — не реальность; так что если вы смотрите на реальность, не отложив в сторону слово, последнее становится необыкновенно важным.

Участник беседы: Мне кажется, что я с вами не согласен. Если присмотреться, можно увидеть, что инструмент состоит из двух частей. Одна часть — восприятие, другая — словесное выражение. Невозможно разделить эти две части. Это проблемы лингвистики, не глупости. Трудность связана с языком, с произвольностью, случайным характером выражений.

Кришнамурти: Вы говорите, что в наблюдении имеется восприятие и выражение, и эти двое неразделимы. Следовательно, когда есть восприятие, должна быть также и ясность выражения, словесного понимания, и что восприятие и выражение разделять нельзя — они должны всегда быть вместе. Поэтому, говорите вы, очень важно использовать правильное слово.

Участник беседы: Я говорю о «выражении», я не говорю о «намерении».

Кришнамурти: Понимаю — выражение. Из этого вытекает другое: восприятие, выражение и действие. Но если выражение и восприятие сами не являются действием — выражение является выражением действия словами, — имеет место фрагментация. Разве восприятие — не действие? Само восприятие и есть действие. Когда я вижу обрыв, следует немедленное действие; это действие является выражением восприятия. Итак, восприятие и действие нельзя разделять, здесь нет места для идеала. Если я вижу глупость идеала, само восприятие этого является действием разума. Так что наблюдение глупости, восприятие глупости, — это очищение ума от глупости, то есть действие.

Саанен, Швейцария, 6 августа 1969

Кришнамурти: Важно, я думаю, понять природу и красоту наблюдения, видения. До тех пор пока ум подвержен какому-либо искажению — невротическими побуждениями или чувствами, страхом, печалью и нездоровьем, честолюбием, снобизмом, погоней за властью, — он не имеет возможности слушать, наблюдать, видеть. Искусство видеть, слушать и наблюдать — это не то, что можно культивировать, не вопрос развития и постепенного роста. Когда человек осознаёт опасность, имеет место немедленное действие, инстинктивный, мгновенный ответ тела и памяти. С самого детства человек был обусловлен встречать опасность таким образом, так, чтобы ум реагировал мгновенно, в противном случае могла последовать физическая гибель. Спрашивается, возможно ли действовать в самом *видении*, в котором вообще нет обусловленности? Может ли ум свободно и немедленно ответить на любую форму искажения и следовательно действовать? Иначе говоря, восприятие, действие и выражение являются чем-то единым, они не разделены, не расколоты. Само видение есть действие, которое выражает это видение. Когда есть осознание страха, пронаблюдайте его настолько полно и близко, чтобы само это наблюдение стало освобождением от страха, то есть действием. Можем мы рассмотреть это сегодня утром? Я чувствую, это очень важно: мы имеем возможность проникнуть в неведомое. Но ум, оказавшийся каким-то образом глубоко обусловленным своими собственными страхами, амбициями, завистью, отчаянием и прочим, не может проникнуть в то, что предполагает необычайно здоровое, разумное и сбалансированное, гармоничное существование. Итак, наш вопрос в том, может ли ум — имея в виду всё наше существо, — осознавая любые формы искажения, борьбы, насилия, покончить с ними немедленно, в самом процессе осознания, не постепенно. Это означает — не позволяя времени встать между восприятием и действием. Когда вы видите опасность, нет никакого временного интервала, имеет место немедленное действие. Мы привыкли к идее, что мудрыми, просветлёнными, будем становиться постепенно, путём наблюдения, упражнения, день за днем. Мы привыкли так думать, это стереотип нашей культуры, нашей обусловленности. Теперь мы говорим, что этот постепенный процесс самоосвобождения ума от страха и насилия только продлевает страх и поощряет насилие.

Возможно ли прекратить насилие, не только внешне, но и в самих основах нашего существа, покончив с агрессивностью, погоней за властью? В полноте самого видения насилия, можем ли мы положить ему конец, не позволяя времени вмешиваться в этот процесс? Можем ли мы обсудить это сегодня утром? Обычно мы позволяем времени проникать в интервал между видением: и действием, в расщелину между «тем, что есть» и тем, что «должно быть». Существует желание избавиться от «того, что есть» с целью достичь чего-то, стать кем-то. Этот временной интервал следует очень хорошо понять. Мы думаем в категориях времени потому, что с детства воспитаны и приучены думать, что постепенно, поэтапно, мы кем-то станем. Мы видим, что время необходимо во внешней реальности, в технике. Я не могу стать первоклассным столяром, врачом, математиком, если не буду годами заниматься этим. Иногда человек может понять математическую проблему, будучи ещё совсем юным, если обладает ясностью мышления — я не люблю употреблять слово «интуиция». Но легко видеть, что для обогащения своей памяти новыми техническими приёмами и методами или при изучении неизвестного языка

время абсолютно необходимо. Я не могу заговорить уже завтра на немецком, мне потребуются многие месяцы. Я ничего не знаю об электронике и чтобы изучить её, мне, вероятно, потребуются многие годы. Так что не следует смешивать временной элемент, необходимый для изучения техники, с опасностью появления времени в процессе восприятия и действия.

Участница беседы: Не могли бы мы поговорить о детях, об их взрослении?

Кришнамурти: Ребёнок должен вырасти, стать взрослым. Ему надо так много узнать. Но когда кто-то говорит: «Ты должен взрослеть», то звучит это несколько высокомерно.

Участница беседы: Сэр, частичные психологические изменения всё же происходят в нас.

Кришнамурти: Конечно! Человек был раздражён, или он раздражён сейчас, сердит, и говорит: «Я не должен раздражаться, сердиться», — и постепенно он работает над этим, и со временем устанавливается промежуточное состояние, в котором он уже чуть меньше сердится, менее раздражителен и более сдержан.

Участница беседы: Я не это имела в виду.

Кришнамурти: Что вы имели в виду, мадам?

Участница беседы: Я имею в виду что-нибудь, что с вами было и что вы отбросили. Смятение может наступить снова, однако это уже не то же самое, что было.

Кришнамурти: Да, но разве это не то же самое смятение, только слегка видоизменённое? Существует видоизменённое продолжение. Вы можете перестать зависеть от кого-то, пройдя через мучения зависимого положения и боль одиночества, говоря, что больше не будете ни от кого зависеть. Возможно, вам удастся порвать с вашей зависимостью. Тогда вы говорите, что произошли определённые изменения. Следующая ваша зависимость не будет в точности копировать предыдущую, однако вы снова становитесь зависимой, снова боретесь с ней и так далее. Мы спрашиваем теперь, можно ли видеть всю природу зависимости и мгновенно освободиться от неё — не постепенно — так же молниеносно, как когда вы действуете в момент опасности? Это действительно очень важная проблема, которую мы должны серьёзно рассмотреть не только на словах, но и более глубоко, внутренне. Посмотрите, что получается. Вся Азия верит в перевоплощение, то есть в то, что человек будет рождаться снова, и следующее воплощение будет зависеть от того, как вами прожита эта жизнь. Если вы жили в насилии, агрессивно, разрушительно, вы заплатите за это в следующей жизни. Вы совсем не обязательно станете животным, вы можете родиться человеком, но в вашей жизни будет больше страданий и несчастий, потому что предыдущую свою жизнь вы не наполнили красотой и совершенством. Те, кто верят в идею перевоплощения, верят только в слово, а не в глубинную суть этого слова. То, что вы делаете *сейчас*, имеет бесконечное значение для завтрашнего, поскольку завтра — которое и есть следующая жизнь — вы заплатите за содеянное. Так что идея постепенного достижения иных состояний или форм по сути одна и та же и на Востоке и на Западе. Всегда существует этот элемент времени — «то, что есть» и то, что «должно быть». Для достижения того, что «должно быть», требуется время, а время — это усилие, концентрация, внимание. Поскольку внимание, или концентрация, отсутствует, делается постоянное усилие практиковать внимание, упражняться в нём, что требует времени.

К этой проблеме должен быть совсем иной подход. Следует понять восприятие — видение и действие; они не отделены, они не разделены. Нам следует также вникнуть в вопрос действия. Что такое действие, делание?

Участница беседы: Как может слепец, не имеющий восприятия, действовать?

Кришнамурти: Вы когда-либо пробовали обвязать себе глаза повязкой на неделю? Мы пробовали, ради интереса. Знаете, вы развиваете иные органы чувств, которые становятся гораздо острее. Приближаясь к стене, к стулу или к столу, вы уже знаете, что они перед вами. Мы говорим о слепоте к самому себе, о внутренней слепоте. Мы прекрасно осознаём внешние

вещи, но внутри себя остаёмся слепыми.

Что такое действие? Всегда ли действие основано на идее, на принципе, на вере, на решении, надежде или отчаянии? Если возникает идея, формируется идеал, и требуется согласие с этим идеалом; тогда есть интервал между идеалом и действием. Этот интервал есть время. «Я достигну идеала, я полностью воплещу его в себе», — отождествление себя с идеалом означает, что в конечном итоге будет действовать этот идеал, и уже не будет разделения между действием и идеалом. Что происходит, когда имеется этот идеал и действие, которое приближается к идеалу? Что происходит в этом временном интервале?

Участник беседы: Непрерывное сравнение.

Кришнамурти: Да, сравнение — и всё в этом же духе. Какое действие имеет место, когда вы наблюдаете?

Участник беседы: Мы игнорируем настоящее.

Кришнамурти: Что ещё?

Участник беседы: Потиворечие.

Кришнамурти: Да, противоречие. Оно ведёт к лицемерию. Я рассержен, раздражён, а идеал говорит: «Не раздражайся». И я подавляю, контролирую, стараюсь соответствовать, приближаюсь к идеалу, то есть нахожусь в состоянии конфликта и лицемерия. Идеалист — человек, который притворяется. В этом разделении присутствует также конфликт; появляются и другие факторы.

Участник беседы: Почему нам не дано наши прошлые жизни помнить? Наша эволюция могла бы протекать намного легче.

Кришнамурти: Неужели?

Участник беседы: Мы могли бы избежать множества ошибок.

Кришнамурти: Что подразумевается вами под прошлой жизнью? Жизнь вчера, двадцать четыре часа назад?

Участник беседы: Последнее воплощение.

Кришнамурти: Которое было сто лет назад? Как это могло бы облегчить жизнь?

Участник беседы: Мы бы лучше понимали.

Кришнамурти: Пожалуйста, проследите, шаг за шагом — у вас имеется память о том, что вы делали или что не делали, о вашем страдании, которое вы испытывали сто лет назад и которое было совершенно таким же, как и ваше вчерашнее страдание. Вчера вы сделали много такого, о чём сожалеете или чем гордитесь, что доставило вам боль, разочарование и страдание. У вас есть память обо всём этом. И у вас есть память минувших тысячелетий, которая по существу аналогична вчерашней. Почему же *это* называется перевоплощением — а не просто воплощением вчерашнего, которое рождается сегодня? Понимаете, нам это не нравится, так как мы считаем себя необыкновенными существами, у которых есть время и для роста, и для становления, и для перевоплощения. Вы никогда не обращали своё внимание на то, что перевоплощается, — ведь это ваша память. В этом нет ничего священного или святого. Память о вашем вчерашнем возрождается сегодня в том, что вы делаете; ваше вчерашнее управляет тем, что вы делаете сегодня. И память минувших тысячелетий действовала и вчера, действует и сегодня. Поэтому имеет место постоянное воплощение прошлого. Не надо думать, что это — просто умный способ уйти от вопроса с помощью объяснения. Когда видишь значение памяти, её полную тщету, перестаёшь говорить о перевоплощениях.

Мы спрашиваем, что такое действие. Может ли действие быть свободным, спонтанным, немедленным? Или действие всегда опутано временем, которое есть мысль, которое есть память?

Участник беседы: Я наблюдал, как кошка ловила мышь. Она не думает: «Вот мышь»; она

ловит её мгновенно, инстинктивно. Мне кажется, что и мы должны действовать так же непосредственно, спонтанно.

Кришнамурти: Не «мы должны», «нам следует». Прошу вас, сэр, — думаю, если мы понимаем сущность элемента времени, никогда не скажем «нам следует», «мы должны». Мы спрашиваем, и не словесно, не интеллектуально, но обращаясь глубоко внутрь самих себя: «Что такое действие?» Всегда ли действие привязывает к времени, опутывает им? Действие, порождённое памятью, страхом, отчаянием, всегда привязывает к времени, опутывает им. Существует ли действие полностью свободное, а потому свободное и от времени?

Участник беседы: Вы говорите — человек видит змею и действует немедленно. Но число змей множится с действием. Жизнь не так проста — в ней есть не только одна змея, но две змеи, и это становится похожим на математическую задачу. И тут вступает время.

Кришнамурти: Вы говорите, что мы живём в мире тигров, и человек встречает не одного тигра, а дюжину тигров в людском обличье, жестоких, склонных к насилию, жадных, прожорливых, преследующих каждый свои собственные интересы. И чтобы жить и действовать в этом мире, вам необходимо время, чтобы убивать одного тигра за другим. Тигром являюсь я сам, он во мне, во мне дюжина тигров. И вы говорите, что чтобы избавиться от этих тигров, от одного за другим, вам необходимо время. Это как раз то, что мы полностью ставим под вопрос. Мы приняли, что если убивать змей, находящихся в нас, одну за другой, на это потребуется время. «Я» есть «вы», — «вы» с вашими тиграми и вашими змеями — всё это также есть «я». И мы спрашиваем, почему надо убивать этих внутренних зверей поочерёдно? Ведь внутри меня тысячи «я», тысячи змей, и к тому моменту, когда я их всех уничтожу, я уже давно сам буду мертвецом.

Итак, есть ли способ — пожалуйста, слушайте, не отвечайте, выясняйте — избавиться от всех змей сразу, а не постепенно? Не могу ли я увидеть опасность, идущую от всех этих животных, все внутренние противоречия, и освободиться от них немедленно? Если я не могу это сделать мгновенно, то для меня не остаётся никакой надежды. Я могу притвориться кем угодно, но если я не могу вымести всё это из себя немедленно, я — раб навеки, независимо от того, буду ли я рождён снова в следующей жизни или в десяти тысячах жизней. Так что я должен найти способ действовать, смотреть, наблюдать, который в сам момент восприятия покончит во мне с определённым драконом, с определённой обезьяной.

Участница беседы: Сделайте это!

Кришнамурти: Нет, мадам, прошу вас, это на самом деле чрезвычайный вопрос, вы не можете просто сказать «сделайте это» или «не делайте этого». Этот вопрос предполагает мощное вникание, исследование; не говорите, что вы проделали его, что должны сделать то или это; это меня не интересует — я хочу понять.

Участница беседы: Если бы только я смогла видеть это!

Кришнамурти: Нет, прошу вас, никаких «если».

Участница беседы: Если я воспринимаю нечто, следует ли мне описывать это словами или держать в себе?

Кришнамурти: Зачем объяснять по-своему то, что уже было сказано очень простым языком, — почему вы не можете воспринимать и понимать то, что говорится? Внутри нас находится столько зверей, так много опасностей. Могу ли я освободиться от всех них одним восприятием, мгновенным видением? Возможно, вы это уже сделали, мадам, — я не спрашиваю, сделали вы это или нет, это было бы опрометчиво с моей стороны. Но я спрашиваю, возможно ли это?»

Участник беседы: У действия две части. Внутренняя, решающая часть происходит мгновенно. Действие в отношении внешнего мира требует времени. Решение — внутреннее

действие. Для соединения этих двух аспектов действия необходимо время. Это проблема языка, передачи.

Кришнамурти: Понимаю, сэр. Существует внешнее действие, которому необходимо время, и есть внутреннее действие, то есть восприятие и внутреннее движение. Как это внутреннее действие, с его восприятием, принятием решения и непосредственным, немедленным движением, соединить с другим действием, которому требуется время? Вопрос понятен?

Если позволите, я не думаю, что здесь требуется соединение. Между этими двумя видами действия нет никакого соединения — или моста. Я объясню вам, что я имею в виду. Я очень хорошо понимаю, что для того чтобы пройти от одного места до другого, требуется время, для того чтобы выучить язык, требуется время, для того чтобы сделать что-то физическое, требуется время. Необходимо ли время внутренне? Если я смогу понять природу времени, то я смогу правильно использовать элемент времени во внешнем мире, но не позволять ему вмешиваться во внутреннее состояние. Поэтому я не начинаю с внешнего, — так как я понимаю, что для него требуется время. Но я спрашиваю, существует ли вообще время во внутреннем восприятии, в принятии решения, в действии. Итак, я спрашиваю: «Необходимо ли решение вообще?», — ведь решение предполагает некую часть времени — секунду, миг. «Я решаю» означает, что элемент времени *есть*; решение базируется на воле и желании, всё это подразумевает время. Поэтому я спрашиваю, почему вообще необходимо появление решения? Или решение есть часть моей обусловленности, которая утверждает: «Без времени тебе не обойтись»?

Итак, существуют ли восприятие и действие без решения? То есть — я осознаю страх, страх, созданный моей мыслью, прошлыми воспоминаниями, опытом, я осознаю воплощение этого вчерашнего страха в сегодняшнее. Я понял всю природу, структуру, внутренний характер страха. И восприятие этого без принятия решения есть действие, которое является свободой от страха. Возможно ли это? Не говорите, что вы или кто-то другой уже делали подобное — дело не в этом. Может ли этот страх исчезать немедленно по мере его возникновения? Есть поверхностные страхи — страхи перед миром. Мир полон тигров, и тигры эти, будучи частью меня самого, готовы к разрушению; так что существует война между мною — частью тигра — и остальными тиграми.

Существует также внутренний страх — страх психологической незащищённости, психологической неопределённости, — и всё это создано мыслью. Мысль пестует как удовольствие, так и страх — я вижу всё это. Я вижу опасность, идущую от страха, не хуже, чем я вижу опасность, идущую от змеи, от обрыва, от глубоководного течения — я полностью осознаю эту опасность. И само видение есть окончание, в котором нет и секунды для принятия решения.

Участник беседы: Но бывает, что вы можете узнать страх, но он тем не менее не исчезает.

Кришнамурти: Надо очень внимательно это исследовать. Прежде всего, я не хочу от страха избавляться. Я хочу выявить его, понять, позволить ему двигаться, возникать, вспыхивать во мне и так далее. Я ничего не знаю о страхе. Я знаю, что я боюсь. Теперь я хочу выяснить, на каком уровне, на какой глубине я боюсь, — на сознательном уровне или в самой основе, в глубоких слоях своего существа, в тайных, неисследованных областях моего ума. Я хочу выяснить. Я хочу, чтобы всё это вышло на поверхность, раскрыть. Как мне это сделать? И я должен это сделать — не постепенно, — вы понимаете? Всё это должно уйти из моего существа полностью.

Участник беседы: Если есть тысяча тигров, а я сижу на земле, то я не могу их видеть. Но вот если я поднимусь на расположенную выше равнину, я смогу иметь с ними дело.

Кришнамурти: Не «если». «Если бы я мог летать, то увидел бы всю красоту Земли». Но я не могу летать — я здесь. Боюсь, все эти теоретические вопросы вообще не имеют смысла, однако мы, по-видимому, этого не осознаём. Я голоден, а вы кормите меня теориями. Здесь есть проблема — так взгляните на неё, ведь мы все боимся, каждый же несёт в себе тот или иной вид

страха. Имеются глубокие, скрытые страхи — и я очень хорошо осознаю поверхностные страхи, страхи перед миром; страх появления безработицы, того или этого, потерять жену, сына. Мне они очень хорошо знакомы. Возможно, есть и более глубокие слои страхов. Как мне, как этому уму выявить всё это мгновенно? Что вы скажете?

Участник беседы: Вы говорите, что мы должны прогнать животное прочь раз и навсегда или придётся охотиться за ним всё время?

Кришнамурти: Вы спрашиваете, считаю ли я, что прогнать животное можно раз и навсегда, не позволяя ему вернуться после того, как однажды вы его прогнали? Да, именно это мы имеем в виду. Я не хочу прогонять животное снова и снова. Это как раз то, о чём говорят все школы, все святые, все религии и психологи: прогоняйте их понемногу, мало-помалу. Мне это представляется абсурдом. Я хочу понять, как прогнать это животное так, чтобы оно уже никогда не вернулось. Даже если оно вернётся, я буду знать, что делать, чтобы не впустить его в дом. Понимаете?

Участница беседы: Не пора ли нам назвать это животное, ведь это — мысль. И когда она возвращается, мы должны знать, как иметь с ней дело.

Кришнамурти: Я не знаю, что надо делать, — мы увидим это. Вы все так нетерпеливы!

Участница беседы: Это же наша жизнь — мы должны быть такими!

Кришнамурти: Я только имел в виду, что вам не терпится дать ответ. Конечно, горячее стремление нам необходимо. Это такой трудный вопрос; вы не можете просто отделяться набором слов. Он требует внимания.

Участница беседы: Почему бы не осуществить это восприятие прямо сейчас?

Кришнамурти: Именно это я и предлагаю.

Участница беседы: Что происходит, когда я смотрю на вас? Прежде всего, я получаю представление о вас. Посмотрите на меня, пожалуйста. Первое, что происходит, — это зрительное ознакомление со мной, получение зрительного представления обо мне, верно? Что происходит дальше? Около этого представления, вокруг него, появляется мысль.

Кришнамурти: Это то, что говорила леди, в точности то же самое. Мысль — это животное. Пожалуйста, не отходите от животного. Не говорите: животное — это мысль, личность, «я», эго, страх, жадность, зависть, — чтобы затем перейти к другому её описанию. Мы говорим: животное есть всё это. И мы видим, что животное нельзя прогонять постепенно, ибо оно будет всегда возвращаться вновь в различных формах. Осознавая это, я говорю: «Как глупо всё это — постоянные попытки прогнать животное с его непременным возвращением и повторением всего этого снова. Я хочу выяснить, можно ли прогнать его раз и навсегда, так, чтобы оно никогда не вернулось».

Участник беседы: Я вижу в самом себе самые разные функции, с различными скоростями. Если одна функция будет следовать за другой функцией, ничего не получится. Например, если эмоция будет следовать за идеей. Человек должен использовать все свои функции при наблюдении.

Кришнамурти: Это то же самое, но другими словами.

Участник беседы: Вы начали объяснение, но оно было прервано. Вы начали говорить, что не хотите избавляться от страха вообще.

Кришнамурти: Я говорил вам, прежде всего, что не хочу избавляться от животного. Я не хочу прогонять его. Прежде чем я возьму хлыст или бархатную перчатку, я хочу выяснить, кто будет его прогонять? Возможно, это ещё более крупный тигр, чем тот, которого прогоняют. Поэтому я говорю сам себе: «Я никого не хочу прогонять». Поймите важность этого!

Участник беседы: Изгнание может стать вашим окончательным смертным приговором.

Кришнамурти: Нет, не знаю. Не спешите, сэр, позвольте мне объяснить. Я говорю, что

прежде чем я прогоню животное, я хочу выяснить, кто та сущность, которая собирается прогнать его. Я говорю, что это может быть ещё более крупный тигр. Если я хочу избавиться от всех тигров, то неразумно позволять большему тигру прогонять маленького. И я говорю: «Подождите, я не хочу никого прогонять». Посмотрите, что происходит в моём уме. Я не хочу никого прогонять, но я хочу наблюдать — я хочу выяснить наверняка, не охотится ли большой тигр за маленьким. Эта игра будет продолжаться вечно, — и именно это и происходит в мире — тирания какой-то одной страны охотится за меньшей страной.

Итак, я сейчас очень хорошо сознаю — пожалуйста, следите за этим, — что я не должен прогонять *никого*. Я должен вырвать с корнем сам принцип изгнания чего-либо, подавления и преодоления его. Потому что решение, говорящее: «Я должен избавиться от тигрёнка», может перерасти в громадного тигра. Поэтому необходим полный отказ от любых решений, от всякого побуждения избавиться от чего-то, что-то отогнать, прогнать. Тогда я могу наблюдать. Тогда я говорю себе (передаю смысл словами): «Не хочу никого прогонять». Тем самым я свободен от груза времени, чем являлось преследование одного тигра другим. В таком преследовании всегда присутствует какой-то временной интервал, и поэтому я говорю: «Я не буду ничего делать, я не буду ни за кем гоняться, я не буду действовать, я не буду решать — мне следует сначала посмотреть».

Я наблюдаю, — я не имею в виду эго, но ум наблюдает, мозг следит. Я могу опознавать различных тигров — мать-тигрицу с её выводком и с супругом; я могу наблюдать всё это, но внутри меня должны существовать силы более глубокие, и я хочу выявить их все. Буду ли я выявлять их через действие? Всё более и более раздражаться, затем успокаиваться, а через неделю снова раздражаться, снова успокаиваться? Или существует способ посмотреть на всех тигров, на маленького, на большого, на только сейчас рождающегося — на всех сразу? Могу ли я увидеть их всех настолько полно, чтобы понять весь этот процесс? Если я на это не способен, моя жизнь будет двигаться старым манером, всё в той же буржуазной колее, переусложнённой, тупой и хитроумной. Вот и всё. Поэтому если вы поняли, как следует слушать, — утреннее поучение закончено.

Помните историю про учителя, беседующего каждое утро со своими учениками? Однажды, когда он уже занял своё место, прилетела птичка, уселась на подоконник и запела, и учитель не прерывал её пения. Пропев некоторое время, она улетела прочь. И учитель сказал ученикам: «Это утреннее поучение закончено».

Саанен, Швейцария, 7 августа 1969

О ВЫХОДЕ В НЕВЕДОМОЕ

Подавление. Действие из безмолвия. Путешествие внутрь себя: ложные путешествия и проектируемое «неведомое».

Кришнамурти: Мы ставили вопрос о том, как избавиться от внутреннего зверинца — который имеется в каждом из нас. Мы обсуждали всё это, поскольку видим — по крайней мере, вижу я, — что нам необходимо выйти в неведомое. В конце концов, любой хороший математик или физик должен исследовать неизвестное, и, возможно, та же задача стоит также и перед художником, если он не слишком увлечён своими эмоциями и воображением. Также и мы, обычные люди, с нашими ежедневными проблемами, должны жить с глубоким чувством понимания. И мы должны выходить в неведомое, проникать в неведомое. Вряд ли на это способен ум, постоянно гонящийся за изобретёнными им же животными — драконами, змеями, обезьянами, со всеми их тревогами и противоречиями — чем мы и являемся. Будучи самыми обычными людьми, не наделёнными блестящим интеллектом, возвышенными видениями, просто проживающими день за днём свои однообразные, уродливые маленькие жизни, мы интересуемся тем, как нам всё это немедленно изменить. Именно это мы и обсуждаем.

Люди меняются под воздействием новых изобретений, новых трудностей, новых теорий, новых политических ситуаций; всё это приносит с собой некоторый элемент перемены. Но мы говорим о радикальной революции в самой основе человеческого существа и о том, должна ли она произойти постепенно или мгновенно. Вчера мы рассмотрели всё, связанное с идеей постепенности и со значением удалённости, расстояния, и с временем и усилием, необходимыми для преодоления этого расстояния. И мы говорили, что хотя человек уже в течение тысячелетий и пытается измениться, но почему-то он не оказался способным измениться радикально, за исключением, возможно, одного или двух. Итак, необходимо понять, способны ли мы, каждый из нас, а значит и весь мир (ведь мир — это мы, а мы — это мир, мы и мир неразделимы), мгновенно избавиться от всех мук, гнева, ненависти и вражды, созданных нами же, от горечи, которую каждый несёт в себе. Очевидно, привкус горечи знаком каждому из нас; так может ли эта горечь — при знании всех её причин, при понимании всей её структуры, — быть уничтожена немедленно?

Мы говорили: такое возможно, только когда существует наблюдение. Когда ум способен к интенсивному наблюдению, само это наблюдение является действием, которое прекращает горечь. Мы также рассмотрели вопрос, что такое действие: может ли оно быть свободным, спонтанным, неволевым актом. Или действие всегда базируется на нашей памяти, на наших идеалах, на наших противоречиях, на нашей боли, нашей горечи и так далее? Всегда ли действие — приближение себя к идеалу, принципу, шаблону? Мы сказали, что подобное действие вовсе не является действием, потому что оно создаёт противоречие между тем, что «должно быть» и «тем, что есть». Когда у вас есть идеал, существует расстояние между тем, какой вы есть, и тем, чем вы должны быть, и расстояние это необходимо преодолеть. Это «должны быть» может занять годы или, как верят многие, потребует перевоплощение за перевоплощением в течение множества жизней, прежде чем вы достигнете такой совершенной Утопии. Мы также говорили, что имеет место воплощение вчерашнего в сегодняшнем; независимо от того, простирается ли это вчерашнее на тысячелетия или всего лишь на двадцать четыре часа в прошлое, оно

обязательно работает, если имеет место действие, основанное на разделении прошлого, настоящего и будущего. Всё это, как мы говорили, приносит противоречие, конфликт и страдание; это не действие. Действием является восприятие; само восприятие *есть* действие, что налицо при вашем столкновении с опасностью; тогда имеет место мгновенное, немедленное действие. Вчера мы, кажется, подошли к этой точке. Бывают также такие моменты, когда налицо глубокий кризис, вызов, великая скорбь. Тогда ум на мгновение становится необычайно тихим, он в шоке. Не знаю, наблюдали ли вы такое. Когда вы видите горную вершину вечером или ранним утром, с этим необыкновенным освещением на её склонах, с её тенями, видите эту безмерность, это великолепие, эту картину глубокого уединения, когда вы видите всё это, ум не может всего этого вместить; в это мгновение он совершенно замолкает. Но вскоре он преодолевает этот шок и начинает реагировать согласно своей обусловленности и своим личным проблемам. Так что бывают моменты, когда ум совершенно тих, но поддерживать это состояние абсолютного безмолвия он не может. Такая тишина может быть установлена шоком. Большинству из нас знакомо это состояние абсолютной тишины, вызванное сильным шоком. Шок может произойти от внешнего события случайно, или к нему можно прийти искусственно, изнутри, через серию неразрешимых вопросов, как в некоторых школах дзен, или с помощью какого-нибудь состояния, порождённого воображением, или с помощью какой-то формулы, принуждающей ум к тишине, что, несомненно, является ребяческим и несерьёзным. Мы говорим, что для ума, способного к восприятию в том смысле, о котором шла речь, само такое восприятие является действием. Для того чтобы воспринимать, ум должен быть абсолютно тихим, иначе он не способен видеть. Если я хочу слушать то, что вы говорите, — я должен слушать молча. Любое блуждание мысли, любая интерпретация сказанного вами, любое чувство сопротивления мешает реальному слушанию.

Поэтому ум, который хочет слушать, наблюдать, видеть или следить, необходимо должен быть необычайно тихим. Эта тишина не может быть вызвана каким-либо шоком или поглощённостью определённой идеей. Когда ребёнок поглощён игрушкой, он очень тих, он играет. Но в этом случае ум ребёнка захвачен игрушкой, это игрушка сделала ребёнка тихим. После приёма наркотика или применения психологического приёма также возникает чувство растворения в чём-то большем — в картине, в образе, в идеале. Это спокойствие, безмолвие ума может установиться лишь через понимание всех противоречий, искажений, обусловленности, страхов, извращений. Мы спрашиваем, могут ли все эти страхи и страдания, все замешательства быть отброшены мгновенно, немедленно, — так, что ум был бы тихим для наблюдения, для проникновения.

Может ли человек действительно сделать это? Можете ли вы действительно посмотреть на себя в полном безмолвии? Если ум активен, он искажает то, что видит, интерпретирует, объясняет, говорит: «Мне нравится это», «Мне не нравится это». Он легко возбудим и эмоционален, и такой ум не в состоянии видеть.

Поэтому мы спрашиваем, могут ли обычные люди — вроде нас с вами — делать это? Могу ли я смотреть на себя, каков бы я ни был, зная об опасности слов типа «страх» или «горечь» и что само это слово будет мешать реальному видению «того, что есть»? Могу ли я наблюдать, осознавая ловушки языка? Не позволяя также вмешиваться любому чувству времени — малейшему чувству «достичь» или «избавиться», — могу ли я просто наблюдать, тихо, настойчиво и внимательно? В этом состоянии интенсивного внимания видны скрытые пути, неведомые области, закоулки ума. В таком видении отсутствует какой бы то ни было анализ, только восприятие. Анализ предполагает время, анализирующего и анализируемое. Отличается ли анализирующий от анализируемого? Если нет, то в анализе нет никакого смысла. Всё это — время, анализ, сопротивление, попытки достичь чего-то, преодолеть что-то, и прочее — надо

осознать и отбросить, потому что на этом пути не может быть окончания скорби.

После того как человек выслушал всё это — способен ли он в действительности это сделать? Это действительно важный вопрос. Здесь «как» нет. Нет никого, кто сказал бы вам, что делать, кто дал бы необходимую энергию. Наблюдение требует громадной энергии: тихий, безмолвный ум являет собой тотальную энергию без какой бы то ни было потери — в противном же случае он не является безмолвным. Так может ли человек, использовав всю эту суммарную энергию, взглянуть на самого себя и увидеть настолько полно, чтобы это видение стало действием — а значит и окончанием, концом, завершением?

Участник беседы: Сэр, а разве ваш вопрос не является также неразрешимым?

Кришнамурти: Этот вопрос неразрешим? Если он неразрешим, то почему вы все здесь сидите? Просто пришли послушать голос человека, журчание ручья, хорошо провести отпуск среди этих холмов и гор и лугов? Почему вы не можете это сделать? Это так трудно? Или для этого необходимо иметь очень умный мозг? Или дело в том, что вы никогда в жизни реально не наблюдали себя и потому находите это невозможным? Надо что-то делать, когда дом в огне! Вы же не будете сидеть, наблюдать за тем, как горит ваш дом, и говорить: «Это невозможно, я в это не верю, я с этим ничего поделать не могу»! Вы сделаете что-то, относящееся к реальности, а не к тому, что по вашему мнению должно было бы происходить. Реальность и есть горящий дом, и хотя вы не можете сами полностью потушить огонь до приезда пожарной машины, вы, между тем, — никакого «между тем» вообще не существует — действуете, имея в виду пожар.

Поэтому когда вы говорите, что это так же невозможно, как засунуть утку в отверстие бутылки, это показывает, что вы не осознаёте, что дом горит. Почему человек не осознаёт, что дом горит? Под домом здесь подразумевается мир, мир, который есть вы сами, со всем своим недовольством, со всем, что происходит внутри вас, и мир вне вас. Если вы не осознаёте этого, то почему? Потому, что вы не достаточно умны, не прочли ещё всех необходимых книг, не достаточно чутки к тому, что случается внутри вас, не осознаёте того, что действительно происходит? Если скажете: «Извините, но я не осознаю», — то почему? Вы осознаёте, что вы голодны, или что вас кто-то оскорбил. Вы очень даже осознаёте чью-либо лесть и осознаёте, что хотите исполнения своих сексуальных желаний; в этих случаях вы всё очень хорошо осознаёте. Но тут вы говорите: «Я не осознаю». Так что же человеку делать? Положиться на чью-то помощь и поощрение?

Участник беседы: Вы говорите, что должна произойти перемена, что её можно произвести наблюдением собственных мыслей и желаний и что это надо сделать мгновенно. Однажды я сделал это, однако изменения не произошло. Если мы делаем то, что вы предлагаете, это будет перманентным состоянием, или это надо проделывать регулярно, ежедневно?

Кришнамурти: Это восприятие, являющееся действием, — может ли оно произойти раз и навсегда, или осуществлять его надо каждый день? Что вы сами думаете?

Участник беседы: Думаю, это может осуществиться после прослушивания музыки.

Кришнамурти: Когда музыка становится необходимостью, подобной наркотику, только более респектабельной. Вопрос такой: должен ли человек наблюдать каждый день, каждую минуту, или можно пронаблюдать это до конца один раз и так, чтобы всё это кончилось? Могу ли я, увидев однажды всё полностью, спокойно дремать всё оставшееся время? Понимаете вопрос? Боюсь, человеку надо каждый день наблюдать и не засыпать. Вы должны осознавать, не только оскорбления, лесть, гнев и отчаяние, но всё, что происходит и вокруг вас и внутри вас всё время. Вы не можете сказать: «Теперь я полностью просветлён, ничто меня не затронет».

Участник беседы: Не подавляете ли вы реакцию насилия, возникающую при оскорблении, в тот момент, в ту минуту, в то время, что требуется для восприятия и осознания случившегося? Не является ли само восприятие просто подавлением возникшей реакции? Вместо реагирования

вы воспринимаете — восприятие может как раз и являться подавлением реакции.

Кришнамурти: Вы касались этого довольно подробно, не так ли? У меня есть реакция неприязни — вы мне не нравитесь, и я наблюдаю эту реакцию. Если наблюдаю её очень внимательно, она раскрывается, выявляя мою обусловленность, культуру, в которой я был воспитан. Если я всё ещё наблюдаю и не погрузился в сон, если ум наблюдает за тем, что проявилось, обнаруживается много, много всего, — вопроса подавления нет вообще. Потому что меня как раз интересует наблюдение того, что происходит, не то, как превзойти все эти реакции. Мне интересно выяснить, может ли ум наблюдать, воспринимать саму структуру «я», эго, личности. Как в этом может присутствовать какая-либо форма подавления?

Участник беседы: Иногда я чувствую состояние безмолвия; из этого безмолвия может ли исходить действие?

Кришнамурти: Вы спрашиваете: «Как может это безмолвие быть сохранено, поддержано, продолжено?» — так?

Участник беседы: Могу ли я продолжать мою каждодневную работу?

Кришнамурти: Может ли ежедневная деятельность исходить из безмолвия? Вы все ждёте, чтобы я ответил на этот вопрос. Быть оракулом для меня отвратительно; то, что в соответствии с обстоятельствами я сейчас сижу на возвышении, не придаёт мне никаких полномочий, никакого авторитета. Вопрос: может ли ум в состоянии безмолвия действовать в повседневности? Если вы отделяете повседневность от безмолвия, от утопии, от идеала, — которым является тишина, — эти двое никогда не встретятся. Могу ли я держать их отдельно, могу ли я сказать: вот это — мир, моя повседневная жизнь, а это — безмолвие, которое я испытал, которое однажды почувствовал? Могу ли перевести это безмолвие на язык повседневности? Не можете. Но если они не разделены, как правая и левая рука, если между тем и другим — безмолвием и повседневностью — существует гармония, единство, вы никогда не спросите: «Могу ли я действовать из безмолвия?»

Участник беседы: Вы говорите об интенсивном осознании, интенсивном видении, интенсивном наблюдении. Нельзя ли сказать, что степень интенсивности есть самое главное из всего того, что делает это возможным?

Кришнамурти: Человек в своей сущности интенсивен, в основе у него имеется эта глубокая интенсивность, — вы это говорите?

Участник беседы: Способ страстного немотивированного подхода к этому представляется важнейшим условием.

Кришнамурти: Которым вы уже обладаете. Да?

Участник беседы: И да, и нет.

Кришнамурти: Сэр, зачем нам делать столько предположений? Не может ли человек, ничего не зная, предпринять путешествие и всё исследовать? Путешествие внутрь себя — не зная, что хорошо и что плохо, что правильно и что неправильно, чему следует быть, что должно быть, — просто совершить путешествие без всякого груза? Это как раз то, что труднее всего — внутреннее путешествие без всякого груза. Путешествуя, вы совершаете открытия; вы не отправляетесь, заявляя с самого начала: «Этого не должно быть», «Это должно быть». Не знаю почему, но это, по-видимому, одна из труднейших вещей на свете. Послушайте, господа, никто вам не поможет, — включая и ведущего беседу. Нет никого, в кого вам надо верить, — и я надеюсь, что вы *ни в кого* и не верите. Не существует авторитета, который указал бы вам, что надо делать, а чего не надо, в каком направлении вам двигаться, а в каком движение запрещено, нет авторитета, который обратит ваше внимание на ловушки и разметит для вас всё, — вы идёте один. Можете ли вы сделать это? Вы говорите: «Я не могу этого сделать, потому что я боюсь». Тогда возьмите этот страх, исследуйте его, поймите его полностью. Забудьте о путешествии и

забудьте об авторитете, — исследуйте эту реальность, называемую страхом, — вам страшно, потому что вам не на кого опереться, и никто не говорит вам, что делать, вам страшно, потому что вы можете ошибиться. Так ошибайтесь, и наблюдая, рассматривая ошибку, вы выскочите из неё мгновенно.

Открытия совершаются по мере того, как вы продвигаетесь всё дальше. В этом гораздо больше творчества, чем в живописи, в написании книг, в том, чтобы выходить на сцену и делать из себя обезьяну. В этом гораздо больше взволнованности — если можно использовать такое слово, — гораздо больше чувства.

Участник беседы: Экзальтации?

Кришнамурти: О, не подставляйте слов.

Участник беседы: Это не нарушает безмолвия, тишины, если повседневная жизнь совершается без создания наблюдающего.

Кришнамурти: В этом вся проблема. Наблюдающий вечно играет с нами свои шутки — он на всё отбрасывает свою тень и потому порождает новые проблемы. Мы спрашиваем, можем ли мы с вами совершить внутреннее путешествие, абсолютно ничего не зная — и по мере продвижения открывая в себе собственные сексуальные потребности, собственные желания, замыслы и намерения. Это необыкновенное приключение, более грандиозное, чем полёт на луну.

Участник беседы: Именно в этом проблема; они знали, куда собираются, знали направление своего полёта. Внутри нас таких ориентиров нет.

Кришнамурти: Джентельмен говорит, что полёт на луну имеет цель, мы знаем, куда летим. Здесь же, совершая внутреннее путешествие, мы не знаем, куда направляемся. Следствием этого являются неуверенность и страх. Если вы знаете заранее, куда направляетесь, вам никогда не проникнуть в неведомое; и потому вам никогда не быть действительно тем, кто открывает вечное.

Участник беседы: Возможно ли немедленное и полное восприятие без помощи учителя?

Кришнамурти: Это то, о чём мы говорим.

Участник беседы: Вы не закончили предыдущий вопрос; проблема как раз в том, что мы знаем, куда направляемся; мы не хотим расставаться с удовольствием — нам в действительности и не нужно неведомое.

Кришнамурти: Да, мы не хотим расставаться с удовольствием. Мы не хотим расставаться с тем, что знаем. И со всем этим мы хотим совершить путешествие. Вы когда-нибудь поднимались на гору? Чем больше на вас груза, тем это труднее. И с большой поклажей трудно взойти даже на эти невысокие холмы. А если вы поднимаетесь на гору, вам нужно быть намного более свободным. Я действительно не знаю, в чём здесь трудность. Мы хотим нести на себе всё, что знаем, — обиды, оскорбления, сопротивления, глупости, наслаждения, восторги, экзальтации, — всё, что мы уже испытали. Когда вы говорите: «Я собираюсь путешествовать, неся всё это», — вы путешествуете в нечто такое, чего нет среди вашей поклажи. Поэтому ваше путешествие будет фантазией, не реальностью. Отправьтесь же в путешествие в то, что вы несёте с собой, в известное — а не в неведомое, — в то, что вы уже знаете: в ваши удовольствия, в ваши восторги, в ваше отчаяние, в ваши печали. Совершите путешествие именно в это, — это всё, что у вас есть. Вы же говорите: «Я хочу совершить путешествие со всем этим в неведомое и добавить неведомое ко всему этому, добавить другие восторги и другие удовольствия». Или это может быть настолько опасным, что вы говорите: «Не хочу я этого».